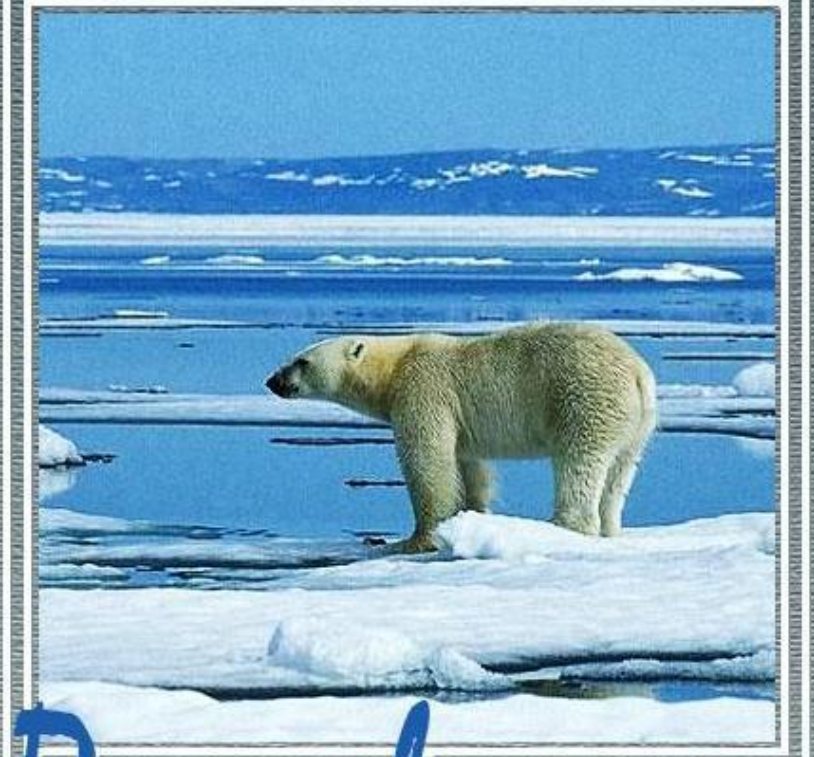
Альберт Кайков



Под северным НЕБОМ

Альберт Кайков

ПОД СЕВЕРНЫМ НЕБОМ

Рассказы и очерки

Новосибирск, 2014

Очарованный Сибирью

С замечательным сибиряком Альбертом Сергеевичем Кайковым я, к сожалению, познакомился не так давно, хотя наша встреча могла произойти и десять, и двадцать лет, и даже полвека назад. Просто удивительно, как мы, не сговариваясь, примерно в одно и то же время оказывались в знаковых точках и регионах Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, Игарка, Среднее Приобье, Чаны, Васюганье... И влекло нас, как я выяснил, одно и то же неутолимое желание воочию увидеть неизвестные тебе уголки Сибири, в труде и скитаниях испытать себя на прочность к ее суровым нравам, наконец, хлебнуть из капризной чаши охотничьего и рыбацкого фарта.

Обо всем этом я узнал не из бесед с Альбертом Сергеевичем, а из его художественно-документальных и во многом автобиографичных книг, которые, словно прорвав запруду, одна за другой выходят в последние годы с завидной регулярностью. Идя по жизни параллельными курсами с их автором, я мог более объективно оце-

нить его видение хорошо известных мне мест, событий и даже отдельных героев, отмечая у Кайкова зоркость, любознательность, искренность, душевность – качества, без которых он вряд ли состоялся бы как писатель. Хочу отметить и другие грани его писательского таланта: изумительная визуальная память, а еще не стареющая с почтенными годами способность удивляться – так, как это происходит в юные годы. Он и сейчас подстать одному из своих молодых героев – туруханскому охотнику-промысловику Михаилу, сплавляющемуся по весне в верховья енисейского притока Дупчес. Я не оговорился: в половодье, когда уровень воды в Енисее поднимается на несколько метров, его малые реки-притоки начинают течь вспять – это ли не чудо?! А разве не чудо завораживающая «песня» пикирующего воздушного «барашка» – бекаса, которую он исполняет подруге не голосом, а растопыренными хвостовыми перьями! Чудо – играющее на вешних водах солнце; всегда внезапный и будто инопланетный брачный вскрик куропача. «Хотелось петь», – итожит радостное настроение Михаила автор. Вот это состояние очарования природой, жизнью и вообще души передает в своих книгах писатель. Но его герои не созерцатели, прежде всего они – работники. Об их труде автор пишет обстоятельно, со знанием дела. По его книгам можно готовиться к жизни в тайге, скажем, устройству зимой безбед-

ного ночлега у костра-нодьи, обучиться ловле тайменя «на мышь», а хариуса – с помощью снасти «кораблик». Да мало ли чему учат его повести и рассказы! А главное – они зовут тебя в «край, где ни разу ты не был». Одна из читательниц повести «На заполярной широте» – женщина весьма зрелого возраста – призналась, что после прочтения книги ей «захотелось ехать в Заполярье». Что уж тогда говорить о молодых, только вступающих в жизнь: у таковых – в школах, училищах – Альберт Сергеевич частый и желанный гость, которому есть что рассказать из своего подвижнического жития. Впрочем, сам он не живет старым багажом впечатлений, постоянно пополняя его и помня, что в одну и ту же реку нельзя ступить дважды. Год назад он и меня вовлек в тысячеверстное путешествие: на его образцовоухоженной «Ниве» мы укатили на великие Чаны, где есть охотничье-рыболовное урочище Калояр с бесподобными карасями и сазанами. Задуманы и другие экспедиции – по болотным хлябам Васюганья... «Езда в незнаемое» в тех местах возможна лишь на гусеничных вездеходах. В рассказе «за клюквой», помещенном в этой книге, детально описаны тяготы подобных поездок. В одном случае путникам пришлось «пехать» по болоту десять верст – для замены вышедшего из строя радиатора танкетки, а в другом – месить ту же грязь до удаленного леска, чтобы вырубить и принести три пятиметровые

березовые жерди – для вызволения вездехода из трясины. Читал я это и невольно вспоминал свое – как однажды добирались на таком же вездеходе ГАЗ-47 – до знаменитого озера Тенис. Только у нас отказал не легкий радиатор, а пудовый аккумулятор. Выход был единственный: снять рабочий аккумулятор с нашей грузовой автомашины, оставленной на кромке болота в деревне Медвежинка. А до нее тех же десять верст. Двое парней в болотниках, увязая в няше и запинаясь за кочки, тащили свинцовую тяжесть на палке. Немыслимо! А что касается бултыханий в болотных ловушках, то их было несколько. Впрочем, походов за жердями нам не требовалось. Два бревна были приторочены по бортам танкетки, и дотошный в таежных технологиях Альберт Сергеевич может взять на заметку это полезное приспособление.

Читателей новой книги Альберта Кайкова ожидают и другие экзотические способы путешествий «под северным небом» – на оленьих и собачьих упряжках, вертких обласках и лыжах, подбитых камусом. Побывав во многих местах Заполярья, автор, иногда не доверяя читательскому воображению, щедро делится своими впечатлениями с ними.

Да он и теперь ненасытен на новые встречи с неоглядными и ненаглядными ликами Земли, особенно Сибирской. Пока я тянул с этим предисловием к его заполярным рассказам и очеркам, он

«слетал» в туруханские урочища – к своим героям и уже наполовину отписался из этой поездки.

По образованию Альберт Сергеевич строитель, архитектор, а писательством занялся уже в зрелые годы, на пенсии. Он не искушен в литературных изысках, образном строе речи. Его герои не решают «мировые проблемы», остаются за рамками сюжетов и их серьезные морально-этические испытания. В поле зрения автора и его героев – испытания другого рода: природной стихией, нелегким таежным бытом и непредсказуемыми случаями на охоте и рыбалке, требующими иногда полной отдачи физических и моральных сил. Как правило, они выходят из этих испытаний достойно, укрепляя свою и нашу веру в доброе начало в людях, в красоту их помыслов и поступков. Об этом, поторапливаясь, пишет Альберт Сергеевич Кайков, будучи и сам, насколько я это знаю, образцом порядочности, отзывчивости и благородства.

Юрий Чернов

На побережье Чукотки

1

В Иркутском пушно-меховом институте царило оживление, шло распределение выпускников факультета охотоведения на места будущей работы. Студенты радовались окончанию учебы, получению дипломов о высшем образовании. Их радость разделяло майское солнце, весело заглядывающее в аудиторию, на стене которой висел список населенных мест и организаций с вакантными должностями охотоведов.

Виктор Ветренко согласился на распределение в родной город Ставрополь. Он вспомнил детство в тяжелые годы войны, разрушенный немецкими захватчиками город, своих друзей. «Где они сейчас? – думал Виктор. – Увижу ли кого-нибудь из них? Многие разъехались на учебу по стране». Из задумчивости его вывел подошедший приятель, Саша Поляков.

– Витя! – обратился он, – Куда распределился?

– На родину, в Ставрополь.

– Какая работа для охотоведа на Кавказе? – удивился друг.

– Буду работать в управлении охотничьего хозяйства.

– Рано становиться чиновником, надо поработать в охотничьей глуши, постичь на практике охотничий промысел. Поедем со мной на Чукотку!

Виктор задумался. Чукотка, Заполярье, лютые морозы, жестокие метели, длительная полярная ночь, а вместе с тем полярное сияние, полярный день с незаходящим за горизонт солнцем, табуны диких оленей, массовый прилет в тундру на гнездование водоплавающей птицы. Тем временем приятель стал развивать свою мысль:

– Примем участие в настоящих охотах, придется ездить на собаках и оленях, увидим красоты природы Севера. Разве для того ты учился, чтобы сидеть в кабинете на Кавказе? Кроме того, оклады на севере вдвое выше, и каждые полгода повышается полярный коэффициент.

Последний аргумент больше всего повлиял на решение Виктора. Он давно мечтал скорее окончить институт и начать работать, чтобы помогать маме. Работая на Чукотке, он сможет ей регулярно высылать приличную сумму. Немного подумав, Витя произнес:

– Уговорил, пойдем в деканат.

Секретарь декана удивилась, когда в кабинет вошли бывшие студенты, уже получившие на-

правления к месту работы. Первым заговорил Александр:

– Софья Сергеевна, скажите, пожалуйста, на Чукотку кроме меня кто-нибудь взял направление?

Она открыла папку и под напряженными взглядами приятелей начала перебирать заявки. Наконец, произнесла:

– Должность охотоведа в Чукотторге никого не привлекла.

– Я хочу поехать на Чукотку, – твердым голосом произнес Виктор.

Софья Сергеевна подняла глаза и посмотрела на студента. Перед ней стоял стройный парень среднего роста с выправкой атлета. Темно-русые волосы аккуратно зачесаны назад. Густые брови, уширенный подбородок и удлиненный нос выдавали в нем черты твердой воли и решительного характера. Их взгляды встретились. На нее смотрели карие глаза, смело и независимо.

– Витя! Ты хочешь поменять солнечное Прикавказье на суровое Заполярье? – удивилась она.

Софья Сергеевна относилась к студентам как к собственным детям, проявляла о них заботу и называла их по именам. Студенты ее любили и уважали. За глаза называли Софой.

– Да, это мое твердое решение, Софья Сергеевна.

Он чуть не назвал ее Софой, но вовремя спохватился.

Получая в кассе деньги на дорогу, Виктор удивился словам кассира:

– Ветренко, вы самый богатый человек. Все получают по несколько сотен рублей, а вам начислили восемь тысяч. Можете купить автомашину.

– Зачем мне автомашина, как я ее повезу на Чукотку? Да и денег тогда не хватит на билет.

Из Иркутска Виктор самолетом летел до Хабаровска. Там сделал пересадку на самолет, вылетающий в якутский аэропорт Нижние Кресты. Ныне это поселок Черский, расположенный в нижнем течении Колымы. Свое название получил в честь геолога и географа И. Д. Черского. Здесь ему предстояла пересадка на самолет АН-2, чтобы дальше лететь в чукотский поселок Анюйск. До вылета самолета Виктор решил осмотреть поселок.

В семнадцатом веке на этом месте размещалось небольшое рыбацкое поселение. Через него проходили отряды многих землепроходцев. В советское время здесь был пересыльный пункт ГУЛАГа. В разные годы в нем находились высокоширотные экспедиции «Север», была основана Северо-Восточная научная станция. В настоящее время – это крупный рабочий поселок. В нем действуют морской порт, рыбозавод, строительные организа-

ции и многие промышленные и культурно-бытовые центры.

Во время полета в Анюйск Виктор не отрывался от иллюминатора. Ему хотелось увидеть местность, в которой предстояло работать. Самолет «Аннушка» – труженик северных широт летел на небольшой высоте, часто проваливался в воздушные ямы. Под крылом простиралась холмистая местность, заросшая лесом, с реками в распадках. На участках лесотундры большую часть земной поверхности занимали озера и болота. В одной из долин стоял одинокий чум, невдалеке от него паслись олени.

Самолет приземлился на грунтовый аэродром вблизи поселка и, подпрыгивая на кочках, подкатил к небольшому деревянному домику, над крышей которого на высоком шесте безвольно повис черно-полосатый матерчатый конус, указывающий на безветренную погоду. Оказавшись на земле, Виктор почувствовал слабую тошноту и головокружение. «Это, видимо, от непривычки летать на маленьких самолетах», – подумал он и направился вслед за пассажирами в поселок.

Стояла первая половина сентября. На безоблачном небе ярко светило солнце, в теплом воздухе – ни малейшего дуновения ветерка. Анюйск раскинулся на излучине реки Малый Анюй в нескольких километрах от восточной границы с Якутией. Он представлял собой небольшой поселок из од-

ноэтажных деревянных домов, в котором проживали около тысячи жителей. Найти здание Райторгконторы труда не составило. Все административные здания размещались в центре поселка, и на них сияли красного цвета вывески. В кабинете директора Виктор увидел невысокого полного человека, который как мячик выкатился из-за стола и направился к посетителю. Получив телеграмму, он знал, что к нему летит охотовед. Протягивая руку для рукопожатия, произнес:

– Очень рад вашему приезду, давайте знакомиться.

Во время разговора у него сиял рот, полный золотых зубов. Это был Федор Спиридонович Игнатов. Его контора занималась обеспечением населения района продовольствием и товарами первой необходимости, а также заготовкой пушнины. После непродолжительного разговора он предложил:

– Пойдемте, я покажу ваше рабочее место и познакомлю с сослуживцами.

Рядом с кабинетом директора располагалось просторное помещение для сотрудников. Здесь стояли столы бухгалтера, начальников планового и торгового отделов, специалистов-товароведов. Представив Ветренко, директор удалился. На Виктора посыпались вопросы:

– Из каких краев к нам прилетел?

– Из Иркутска, там окончил институт по специальности охотоведа.

– Надолго?

– Договор на три года, а там будет видно.

– Женат, дети есть? – спросила миловидная женщина Жанна.

– Еще не успел жениться.

– Женщины, перестаньте мучить человека, дайте ему присесть к столу и отдохнуть с дороги, – вмешался в разговор старший экономист, седеющий мужчина, Абрам Зиновьевич.

Виктор, усаживаясь за стол, подумал, что тесновато сидят в одной комнате все специалисты, а вслух произнес:

– У вас всегда стоит такая теплая погода?

Он имел в виду в сентябре, но не назвал месяца. Жанна весело ответила:

– Круглый год.

Ветренко понял оплошность и ответил:

– Тогда я останусь здесь на постоянное место жительства.

– Вот и прекрасно, мы найдем тебе невесту и все погуляем на свадьбе, – не унималась Жанна.

– Жанна, успокойся, пожалуйста, – вновь одернул ее Абрам Зиновьевич.

Несколько дней Виктор изучал документы, из которых узнал, какое количество пушнины заготавливают торгово-заготовительные пункты, называемые по старинке факториями, разбросанные по всему району, вплоть до побережья Северного Ледовитого океана. Рассматривая карту района,

думал, что ему придется посетить все фактории и все совхозы, занимающиеся добычей пушнины. В его обязанности входили организация охотничьего промысла и заготовка пушнины. Из отчетов узнал, что в тундровой зоне охотники добывают белых песцов, в зоне лесотундры чаще добывают белок, горностаев и рыжих лисиц.

Не успел Виктор освоиться с обязанностями старшего охотоведа, как в начале ноября его пригласил к себе Федор Спиридонович и сказал:

– К нам обратилось руководство района с просьбой оказать помощь в переписи населения. Получай командировочные, завтра утром будет самолет, который забросит тебя в устье реки Медвежки. Там, на берегу океана, стоит наша фактория, ознакомишься с ее работой, перепишешь население, наймешь упряжку собак у местных чукчей и проедешь вдоль побережья океана на восток по всем факториям. Расстояние небольшое – всего двести двадцать километров. Твой предшественник неоднократно там бывал.

На душе у Виктора было радостно и тревожно. «Не каждому человеку дана возможность побывать на кромке Северного ледовитого океана, увидеть его необозримые просторы, – думал он, – но смогу ли я найти упряжку собак, чтобы проехать по побережью?»

Он облачился в новую, недавно выданную ему одежду: брюки из камуса оленя, торбаса с мехо-

выми чулками. Через подол надел две кухлянки. Одну мехом внутрь, вторую – мехом наружу. На голову натянул меховой малахай. Подойдя к зеркалу, не узнал себя. Перед ним было отражение чукчи, которых он ежедневно встречал на улице.

Самолет вылетел поздно, рассвет в это время года наступал после десяти часов. Виктор примостился между ящиками и мешками с грузом для фактории. Под самолетом лежала холмистая местность, покрытая лиственничным лесом. Постепенно лес стал редеть, появились плешины, снежных полей становилось больше, чем участков леса. Самолет летел над лесотундрой. Вскоре лес полностью исчез, и началась тундра. Во все стороны тянулось бескрайнее снежное поле. Виктор подумал, что только здесь, на севере, за несколько часов полета можно увидеть три ландшафтно-природные зоны. Пилот вел самолет над руслом замерзшей реки. Впереди на высоком берегу показались два деревянных домика. Невдалеке – крохотный поселок. За ним до горизонта простирался океан, покрытый ледяным панцирем. В устье реки на льду стояли в два ряда металлические бочки, обозначающие полосу посадки. Самолет начал снижаться, сделал традиционный круг над местностью, летчик осматривал посадочную площадку. Из трубы домика медленно вертикально струился дым, указывая на безветренную погоду. «Аннушка» плавно коснулась лыжами льда, проехала

между бочек, и летчик подрулил к берегу недалеко от фактории.

Не успел Виктор покинуть самолет, как через открытую дверь увидел мчавшуюся к ним упряжку из четырех собак. Около самолета упряжка резко остановилась, с нарт соскочил мужчина лет тридцати пяти. Он поздоровался с летчиками, которых давно знал, и, подойдя к незнакомцу, представился:

– Котельников Нил, начальник фактории.

– Ветренко Виктор, старший охотовед района, – произнес Виктор.

– Давайте перегрузим из самолета товар на нарту, – предложил Нил, – а более близко знакомиться будем в доме.

Когда груженую нарту собаки подтащили к фактории, на снежной целине показалась упряжка собак, несущаяся с бешеной скоростью.

– Так гоняет собак только Элла – жена начальника полярной станции, – сказал Нил.

Упряжка из шести собак лихо подкатила к мужчинам, каюр воткнул в снег остол и остановил нарту.

Виктор изумился, когда увидел сошедших с нарты двух женщин. Он стал всматриваться в их лица, пытаясь угадать, которая из них Элла.

– Привет, Нилка! – задорным голосом произнесла одна из них, одетая в кухлянку. – Мы, как

только услышали гул самолета, помчались к тебе. Какой груз привез самолет?

– Все, что надо для вас и промысловиков. Заходите в дом, Валентина там, наверное, заждалась гостей. Не часто вы у нас бываете.

Женщины приехали с полярной станции, расположенной в бухте Амбарчик в семи километрах от фактории.

Жена Нила уже успела накрыть стол. На ней была надета камлейка из фланели, белокурые волосы спускались до плеч. Она обрадовалась гостям, голубые глаза, как полевые васильки, сияли на светлом лице. Обнявшись с женщинами, произнесла:

– Раздевайтесь и проходите к столу.

Нил принес свежемороженую нельму и начал строгать тонкими ломтиками. Виктор оценил удобство кухлянки – она быстро снималась, не требуя ее расстегивать, так как была без пуговиц. Только теперь он смог разглядеть приехавших женщин. Каждой не было и тридцати лет, вели себя как заправские полярницы. Чувствовалось, что Элла была лидером и заводилой. Она постоянно улыбалась и говорила не смолкая. Ее подруга Ольга работала на полярной станции поваром, ее муж – метеорологом.

За столом велся разговор, связанный с жизнью в заполярье. Для Виктора все было ново и интересно. Он внимательно слушал и почти не принимал

участия в разговоре. Его удивило, что в поселке есть чукчи, которые помнят американского купца Свэнсона и умеют говорить по-английски.

Прощаясь, Элла пригласила всех завтра приехать на «полярку» отпраздновать День 7 ноября. Нил помог женщинам погрузить на нарту предназначенный им груз, а Виктор не стал даром терять времени, взял ведомость и отправился в поселок переписывать население. Несколько домиков, собранных из плавника, приютились на берегу реки у кромки Северного ледовитого океана. Здесь он намеревался нанять упряжку собак для поездки по факториям. В первом домике, в который он вошел, за столом сидела веселая компания. На столе стояла начатая бутылка спирта, лежала строганина, куски мяса. Неожиданно для себя Ветренко поздоровался на английском языке:

– Гуд дэй!

Пожилая женщина подняла на него глаза и бойко заговорила по-английски.

– Ради Бога, не надо так быстро говорить, – взмолился Виктор, – давайте лучше общаться по-русски.

Это была мать фельдшера Шуры. Ее хорошая память сохранила события начала двадцатого века. В устье Колымы ежегодно приходила шхуна американского «купца» Свэнсона. Со всей округи для торговли съезжались чукчи со своими семьями и стадами многочисленных оленей. Собира-

лись яранги, разводились костры, начинались праздник лета и большая торговля. Они называли себя оленьими чукчами и меняли шкуры оленей на жир нерп и тюленей у береговых сородичей. Жир служил источником отопления и освещения яранг в длительные зимние ночи. Американцы привозили муку, сахар, оружие, украшения, а главное – виски. Все это менялось на пушнину. Матросы, утомившись в плавании, переселялись в яранги, после их отплытия многие женщины рожали детей-метисов. Кому-то из моряков приглянулась молодая красивая колымчанка, и у нее родилась дочь Шура.

На следующий день Нил запряг собак в нарту, с женой и Виктором поехал на полярную станцию с ответным визитом. Стояла безветренная погода, легкий морозец не затруднял дыхания. Собаки дружно бежали, нарта легко скользила по занесенному снегом прибрежному льду океана. По пути Нил заехал в небольшую бухту проверить поставленные подо льдом сети, называемые «порядком». Виктор помогал ему вынимать из сетей попавших крупных нельм. Отдельные рыбины достигали десяти килограммов. Витя думал, что Нил повезет рыбу с собой на полярную станцию, но он оставил ее на льду и продолжил путь.

– Почему оставил рыбу? – удивленно спросил он, – это же хороший подарок.

– Ты думаешь, у них нет рыбы? Здесь без рыбы никто не живет, а этой надо замерзнуть. На обратном пути заберем.

На полярной станции их уже ждали. Просторная кают-компания сияла электрическим светом. На стенах висели картины и портреты членов Политбюро. Записывая в ведомость полярников и осматривая комнату, Виктор подумал, что здесь все как в любом общественном помещении на материке.

В центре помещения стоял накрытый стол, собрались все сотрудники: три семейных пары и одинокий пожилой моторист. С мороза внесли большое блюдо строганины, и празднование началось в традиционном порядке. Выступивший первым начальник станции назвал сослуживцев полярниками-зимовщиками, оторванными от большой земли. Виктор подумал: «Надо же, они полярники, а Нил и все чукчи просто жители».

Празднование длилось до глубокой ночи, на следующий день продолжилось, и гости только к вечеру поехали на факторию. По дороге Нил предложил Виктору заехать к охотнику-отшельнику Куклину:

– Тебе надо его включить в перепись, а заодно посмотришь, как живут охотники.

– Чем знаменит Куклин?

– Я называю его «трекалой».

– Это что означает?

– Он говорит без умолку, скоро в этом убедишься.

Упряжку остановили у прибрежной полосы. На мысу, выдвинутом далеко в море и обдуваемом со всех сторон ветрами, стоял домик. До берега пришлось идти между валунами, обточенными морскими волнами. Снег не успел еще их полностью прикрыть. Ноги часто ступали на крупные гальки, скрытые под снегом, и скользили по ним. Идти приходилось осторожно, чтобы не подвернуть ногу. Подойдя к избушке, Виктор увидел невысокого худого мужчину, поджидающего их. По заросшему рыжими волосами лицу трудно было определить его возраст. Избушка, собранная из плавника, от времени почернела и напоминала домик Бабы-Яги. Мужчина, узнав Нила, обрадовался и пошел ему навстречу. Видимо, такие встречи на кромке океана бывают нечастыми. Он засуетился и пригласил неожиданных гостей в дом. Соскучившись по общению с людьми, говорил без остановки.

Виктор осмотрел избушку. Узкие нары, маленький столик и металлическая печь – вот и все ее убранство. Выждав, когда хозяин на минутку замолчал, спросил:

– Вы живете здесь круглый год?

– Конечно!

– Не выезжаете на материк?

– А что мне там делать?

– Так со скуки умереть можно.

– Скучать здесь некогда. Летом ловлю рыбу, зимой ставлю капканы на песцов. У меня есть приемник, он прекрасно берет «Голос Америки». Материковые глушилки сюда не достают, так что слышимость прекрасная. Хотите послушать Америку?

Виктор моментально отказался и заторопился ехать, подумав, а вдруг он работает на КГБ и сообщит, что они слушали Америку.

У нарт их с упреком встретила Валентина:

– Вы не могли еще дольше задержаться у отшельника?

– Могли, – ответил Нил, – да вот Виктор отказался послушать «Голос Америки».

По пути забрали оставленный улов и, уложив в мешок, привязали к нарте. Рыба замерзла и казалась железной. Около фактории их ожидал эвенк, приехавший сдать пушнину и отовариться продуктами.

Прощаясь с ним, Нил сказал:

– Заверни по пути к чукче Ненину, передай ему, чтобы завтра приехал на упряжке собак. Надо охотоведа провести по побережью.

– Конечно, заверну, – ответил эвенк.

Когда эвенк уселся на нарту и крикнул собакам, чтобы бежали резвее, Виктор спросил:

– До дома Ненина далеко?

– Почти рядом, всего четырнадцать километров.

На следующий день чукча Ненин приехал на упряжке из восьми собак. Он был невысокого роста, на широкоскулом лице слегка раскосые глаза угрюмо смотрели на собеседников. Этот малоразговорчивый человек мог часами управлять упряжкой, не проронив ни слова.

Погрузив на нарту груз, путешественники помчались по кромке берега. Натренированные собаки бежали легко. Казалось, что им не составляет большого труда тянуть нагруженную нарту. Не успели они проехать и двадцати километров, как вдруг перед мысом Больших баранов началась встречная пурга. Ветер внезапно вырвался из-за мыса и погнал по тундре белую пелену, которая закрыла берег и небо. Собаки сбавили скорость, передних не было видно через густой снежный поток. Ненин остановил упряжку. Собаки, не дожидаясь команды, легли на снег и свернулись калачиками.

– Что будем делать? – спросил Виктор.

– Надо возвращаться, – ответил каюр, – мой дом недалеко.

Он сгрузил с нарты на высоком берегу три мешка поклажи, поставив их пирамидой.

– Разве можно так бросать груз? – удивился Виктор, – мы можем его не найти или кто-нибудь заберет.

– Не беспокойся, у нас не воруют.

По ветру собаки побежали веселее, почуяв, что возвращаются домой. Жилище Ненина, как и всех береговых чукчей, собрано из плавника, который повсюду разбросан по берегу океана. Жить в таких избах теплее, чем в яранге, накрытой оленьими шкурами.

Маша обрадовалась, увидев вошедшего в комнату мужа. Шестилетний сын Мишка не бросился к отцу, как принято у русских, а сосредоточенно продолжал заниматься своим делом. Он набрасывал аркан, называемый чаутом, на рога оленя, поставленные в дальний угол просторной избы. Виктор выложил на стол захваченные с собой продукты: тушенку, галеты, чай и сахар. Его заинтересовал малыш, и он спросил:

– Миша, у вас же нет оленей, зачем ты учишься бросать чаут?

– Весной к морю приедут знакомые ребята, пригонят много оленей. Они хорошо бросают чаут, я тоже хочу научиться.

Пурга бушевала два дня. Виктор осваивал жизнь береговых чукчей. Его пытались угостить мясом нерпы с душком, но он отказался, предпочитая строганину и мясную тушенку.

Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Небо очистилось, высыпали звезды, вдали над океаном появились сполохи северного сияния. Утром Ненин запряг собак, и они продолжили путешествие. По пути проверили пасти, расставленные на пес-

цов. Из одной вынули уже замерзшего белого песца. Виктор опасался, что не найдут оставленные мешки, но, к его удивлению, они стояли нетронутыми, только ветер выдул вокруг них снег.

Их первая остановка была на мысе Больших баранов. Здесь проживал чукча Ремкилен с женой Гитиннэвыт и сыном Аляко. Виктора не удивили эти имена, хотя большинство чукчей давно стали давать детям русские. Чукотские имена в большинстве означают время суток или погоду во время рождения ребенка. Часто детей называли предметами обихода. Переписав жителей, Виктор поинтересовался:

– Охота в этом году удачная?

– Песцы хорошо попадают в пасти, а вот недавно пришел белый медведь и начал разгребать яму с заготовленным мясом нерпы. Смотрю в окошко и думаю: съест умка мясо – голодать придется. Карабина у меня нет, только малопулька. Что делать? Кричать – он может избушку разворотить. Взял малопульку, приоткрыл окошко и стал ждать, когда медведь голову поднимет. Выстрелил в ухо. Непрошенный гость свалился как подкошенный. Оставайтесь ночевать, – спохватился он. – Гитиннэвыт приготовит медвежатину, будет хорошее угощение.

В разговор вмешался Ненин:

– Дорога дальняя, надо торопиться.

Когда усаживались на нарту, Виктор спросил: «Что означает имя жены чукчи?»

– На чукотском языке это означает – красавица. Ее родители хотели, чтобы дочь выросла красивой.

Виктор представил плоское лицо с широким носом и подумал: «У каждого народа свое понятие о красоте».

От избушки они поехали берегом. За мысом начинался длинный пологий спуск. Каюр отстегнул собак, кроме одной. Нарта легко скользила под уклон, ее приходилось притормаживать, чтобы не налетела на собаку. К удивлению Виктора, собаки не разбежались, а следовали рядом. Спустившись в долину, Ненин крикнул собак. Они повиновались и подошли к нему. Пристегнув алык (сбрую на собаке) к потягу, привязанному к нарте, продолжили путь.

Через два часа Ненин остановил собак, приколол нарту остолом и произнес:

– Привал на полчаса. Надо кормить собак.

Он развязал мешок с рыбой, громко окликнул собаку: – Мургин – и бросил ей ряпушку. Ни одна собака не бросилась за кормом, предназначенным не ей. Следующим корм получил кобель Тургин. Ненин продолжал выкрикивать клички собак и бросать каждой по рыбке. Дисциплина в упряжке достигалась настойчивым трудом каюра и наказанием собак за непослушание.

Через два часа езды показалась фактория Крестовая, получившая название по протекающей рядом реке Крестовой. На мысу стояло два дома фактории и дома чукчей. В одном доме жил заведующий факторией Павел Лимонов, он же директор магазина. Виктор привез товар для охотников под сдаваемую пушнину.

Переписав жителей фактории, Виктор собрался идти в дом к чукчам. Павел сказал ему:

– Поговори с чукчей Там-Там, он знал Алитета, о котором написана книга «Алитет уходит в горы».

Стариков Виктор застал за столом. Перед ними стояла недопитая бутылка спирта и лежала рыба. Там-Там поднялся из-за стола и первым поздоровался с незнакомцем. У чукчей принято первым здороваться хозяину дома. Старуха в это время взяла бутылку с остатками спирта и спрятала.

Виктор присел к столу, чтобы записать жителей в ведомость.

– Старуха! Где бутылька? – раздался голос старика.

– Ко-о-о! – ответила она, что означало – не знаю.

– Давай бутылька! – настойчивее повторил Там-Там.

Старуха заглянула под стол, под стул, под кровать и вновь произнесла:

– Ко-о-о!

Виктор достал из кармана бутылку спирта, которую принес с собой, и поставил на стол. Он надеялся, что спирт развяжет собеседникам языки, и он узнает много интересного. Старики обрадовались, в их глазах появился счастливый блеск. После первого тоста Там-Там окончательно опьянел и на вопрос – знал ли он Алитета? – ответил:

– Ы-ы-ы, – что означало – да.

Больше он рассказать ничего не мог.

На фактории Крестовая Виктор простился с Нениным, сменив упряжку. Дальше его повез Алексей Налетов. Через сорок километров показалась избушка, в которой жил хромой чукча Гриша Гуватагин. Еще через сорок километров в местечке Ручьишки проживал молодой чукча с женой. И наконец, преодолев последние тридцать километров, они подъехали к конечному пункту своего маршрута. Здесь располагалась фактория Рау-Чуа. На морском берегу стоял дом с магазином и складом, рядом – полярная станция. Вот и весь поселок.

Заведующий факторией Миша Алексеенко обрадовался приезду нового человека. Он проживал на фактории с женой и дочерью около пяти лет. Его жена Вера, понимая, что приехавшие гости замерзли в пути и проголодались, начала накрывать стол. Несмотря на добротную одежду, в теплом помещении Виктор почувствовал, что про-

дрог, и ему захотелось выпить. Он привез для Алексеенко восемь бутылок спирта.

За столом Михаил расспрашивал о своих знакомых в Анюйске. К сожалению, Виктор не знал многих из них.

Приближалось время, когда дочь надо будет отдавать учиться в школу, и семейство Алексеенко собиралось переехать на жительство в райцентр. Хозяин удивил гостей. Он разводил спирт водой, зажимал нос, выпивал одним глотком и быстро закусывал.

На следующий день, простившись с начальником фактории, путешественники отправились в обратный путь. Собаки дружно бежали по ровному прибрежному льду, прикрытому плотным снегом. На небе мерцали голубые звезды, месяц над побережьем наклонился к земле, словно собирался вылить из ковша осадки. Ветер постепенно усиливался, помела поземка, переходя в снежную метель. Пурга закрыла небо и берег. Каюр полностью доверился собакам и продолжал ехать вперед. Вскоре на пути стали попадаться торосы. Чтобы не сломать полозья нарты, путники спешились и пошли рядом, иногда помогая собакам перетащить нарту через высокий торос. Неожиданно нагромождение торосов преградило путь. Собаки остановились.

– Надо переждать пургу, – предложил Виктор, – давай устроимся между торосами и переночуем.

– Моя кухлянка плохо греет, – ответил Алексей, – могу замерзнуть.

– Что предлагаешь?

– Надо двигаться.

– Куда двигаться? Окончательно заблудимся.

В это время среди снежных вихрей промелькнул месяц. Виктор вспомнил, что когда они ехали вдоль берега, он светился с южной стороны горизонта, а сейчас находился позади их маршрута.

– Мы движемся на Северный полюс! – воскликнул он, – Поворачивай упряжку назад.

Алексей неохотно развернул собак, он не был уверен в правоте попутчика. Пурга застилала все вокруг, передние собаки с трудом просматривались в снежном месиве. Через некоторое время каюр радостно воскликнул:

– Берег впереди!

– Как ты догадался?

– Смотри – на торосах примерзла земля. Они были оторваны штормом с мели у берега.

Прошло больше часа, пока они подошли к берегу. Ветер доносил отдаленный лай. Собаки упряжки, услышав его, рванули нарту и без понукания понеслись, насколько было сил. На берег выехали недалеко от избушки Гуватагина. За шумом непогоды Гриша не слышал, как к избушке подъехала нарта. Алексей стал кормить собак, а Виктор, уставший от ходьбы в тяжелой одежде, ввалился в избушку. С первым же вдохом почувствовал запах

дыма, тюленьего жира и табака. При тусклом свете жировика, в натянутом на лоб малахае его трудно было узнать.

– Еттик, – произнес хозяин, что означало – здравствуй тебе, и подошел к Виктору, чтобы рассмотреть гостя.

Виктор снял малахай и стряхнул с него снег. Только теперь Гриша узнал охотоведа.

– Зачем ехал в такую погоду?

– Мы выехали в хорошую погоду.

– На небо смотрел перед выездом?

– Смотрел.

– Что там видел?

– Звезды, месяц.

– Какой месяц видел?

– Месяц как месяц, – ответил Виктор, снимая через голову кухлянку.

Чукча не стал больше задавать вопросов, а про себя подумал: «Русский – молодой и новый человек на Чукотке, а вот куда смотрел Алексей? Месяц предсказывал непогоду».

Накормив собак, каюр вошел в избушку, снял кухлянку и, потирая замерзшие руки, обратился к охотоведу:

– У тебя остался спирт, чтобы согреться? Я сильно промерз.

– Есть одна бутылка неприкосновенного запаса.

– Сегодня тот случай, когда к ней надо прикоснуться. Мы могли заблудиться и погибнуть в торосах. За наше спасение надо выпить.

Гриша, услышав разговор о бутылке, обрадовался, на его обветренном и темном лице от постоянной копоти в избушке появилась улыбка. Его жена засуетилась и, произнеся: «Чичас принесу рыбу», не надевая кухлянку, выскочила на улицу.

Виктору пришлось последовать за ней. Он достал из рюкзака, привязанного к нарте, бутылку спирта и вернулся в избушку. Началось обычное застолье.

Чукчи быстро опьянели.

Спал Виктор с каюром на узкой лежанке, называемой нарами. У противоположной стены на второй лежанке спал Гриша с женой. Проснувшись утром, охотовед увидел, что Алексей спит на полу, а жена Гриши под нарами, поджав колени к животу. Он осторожно спустился с лежанки, чтобы не наступить на спящих людей, открыл дверь и выглянул на улицу. Пурга стихла, на востоке над горизонтом светлое небо обещало погожий день. В избушку ворвался свежий морозный воздух. Захлопнув дверь, чтобы не выстуживать помещение, Виктор подумал: «Пора ехать» и принялся будить Алексея. Тот спал мертвецким сном, слегка похрапывая. Только этим он подавал признаки жизни. Разбудить удалось только Гришу.

– Пора ехать, – сказал Ветренко, – а я не могу разбудить Алексея, не знаю, что делать?

– Давай погрузим его на нарту, и управляй собаками сам. Держись вдоль берега – не заблудишься.

Они с трудом выволокли из избушки почти стокилограммового Алексея и уложили на нарту. Гриша помог пристегнуть к нарте собак.

Прежде чем пуститься в путь, Виктор зашел в избушку, посмотрел – не забыли ли они какие-нибудь вещи. Увидев недопитую бутылку спирта, сунул ее в карман.

Простившись с Гришей, Виктор сел на нарту и крикнул на собак. Услышав незнакомый голос, упряжка неохотно тронулась с места. Ветренко беспокоился, что собаки откажутся ему повиноваться, но они чуяли лежащего на нарте хозяина и бежали в обычном темпе. Через два часа езды на льду показались две человеческие фигуры. Виктор направил упряжку к ним. Это оказались охотники за нерпами. Поздоровавшись с ними, спросил:

– Далеко путь держите?

– В торосы. Нерпу искать.

– Разве нерпы водятся в торосах?

– Зачем в торосах? У них отдушины во льду есть.

– Ты что, покойника везешь? – спросил один охотник.

– Это каюр, немного лишнего выпил.

– У тебя еще спирт есть? – спросил тот же чукча.

– Есть, – ответил Виктор и полез в карман.

Бутылки в кармане не оказалось, она выпала по дороге.

– Потерял бутылку, – с сожалением произнес Виктор, – если хотите выпить, идите по следу нарты и найдите потерю.

Простившись с охотниками, он направил упряжку к берегу, а чукчи пошли по следу нарты. Вскоре проснулся Алексей и удивленно стал смотреть по сторонам, соображая, как он оказался в нарте не на своем месте. Немного поразмыслив, спросил:

– Давно выехали от Гриши?

– Часа два тому назад.

Только через три дня Виктору удалось добраться до фактории Медвежка, а еще через два дня он вылетел в Анюйск.

2

Как-то пригласил Федор Спиридонович в свой кабинет Ветренко и сказал:

– Завтра в село Островное уходит санный поезд с товаром. Собирайся в дорогу, ознакомишься с работой торгово-заготовительного пункта. Директор фактории Калачик переходит работать на но-

вое место, будешь председателем комиссии по передаче товара новому директору.

– Ехать далеко?

– Не волнуйся, всего около сотни километров. Трактор потащит на санях вагончик. В нем металлическая печь, так что поедешь в тепле и со всеми удобствами.

– Что собой представляет село Островное?

– Это центральная усадьба оленеводческого совхоза Турваургин. В переводе с чукотского языка – Товарищ. Иди, готовься к поездке, на месте все узнаешь, – закончил разговор Игнатов.

Утром два трактора двинулись в путь. Один тянул сани с товаром, второй – вагончик. Дорога поднималась вверх по распадку, виляя между высокими холмами, покрытыми снегом. Темные стволы лиственниц на фоне белого снега представляли унылый однообразный пейзаж. Поднявшись на водораздел, трактора стали продвигаться вниз к реке Большой Анюй, впадающей в Колыму на якутской территории. Здесь, на склоне холма с редкими участками кустарниковой растительности, паслось огромное стадо северных оленей. Виктор залюбовался живой массой животных, которые медленно продвигались вперед, разгребая передними ногами снег и поедая свой любимый корм – ягель. Они иногда поднимали головы и прислушивались к работе тракторных двигателей. В этот момент самцы с ветвистыми рогами каза-

лись прекрасными изваяниями, символизирующими мощь и красоту севера. Убедившись, что трактора не представляют для них угрозы, продолжали кормиться.

Когда трактора выехали на простор из-за очередной сопки, впереди открылась панорама речной долины. Замерзшая река, извиваясь змеей между холмистыми берегами, разрезала местность на две части. Впереди на берегу реки, прижимаясь к сопке, раскинулось несколько десятков домов. Это было село Островное.

Открывая дверь магазина, Виктор ожидал встретить пожилого мужчину, который проработал много лет директором фактории и решил уехать из этой глухомани. К его удивлению, за прилавком стояла молодая, стройная и симпатичная женщина его возраста. Темные волнистые волосы плотной массой спадали на плечи. Из-под густых черных бровей на него смотрели внимательные, немного удивленные карие глаза. На губах застыла приятная улыбка.

– Здравствуйте, – произнес Виктор, – моя фамилия Ветренко, приехал принять участие в комиссии по передаче ценностей магазина новому директору.

– Валентина Петровна, – ответила она и добавила с улыбкой: – А у вас есть имя?

– Конечно, – спохватился он, – Виктор Константинович, к вашим услугам.

На ее лице появилась обворожительная улыбка. «Какая приятная женщина, – подумал Виктор, – интересно, замужем она?»

От Валентины не ускользнул его внимательный и любопытный взгляд. Ей захотелось с ним поговорить, но в это время в магазин вошел Игнатий Степанович, назначенный директором фактории. Началась кропотливая, нудная работа по передаче материальных ценностей. Прежде всего, сняли остатки денег в кассе. Каждая вещь записывалась в акт, проставлялась ее стоимость по прейскуранту. Все рулоны тканей перематывались и измерялись деревянным метром. Для подсчета итогов общей стоимости материальных ценностей Валентина предложила Виктору бухгалтерские счеты и арифмометр. Он выбрал арифмометр. После подведения итогов появилась недостача в несколько сотен рублей. Для севера это мизерная сумма, не превышающая месячного оклада.

– Что будем делать с недостачей? – спросил Виктор.

– Надо записать в акт, – произнес Игнатий Степанович.

Валентина изменилась в лице, в глазах появился испуг.

– Для меня это позор, черное пятно на всю жизнь.

Виктору стало жаль ее, и он предложил:

– Пускай Валентина Петровна внесет в кассу недостающие деньги. Вполне возможно, что я ошибся при подсчете метража тканей. Игнатий Степанович, вы не возражаете?

Новый директор магазина задумался. Он прикинул в уме, что ничего не теряет, и согласился.

– Можно, я сбегаю домой? – спросила Валентина, – У меня нет с собой денег.

– Конечно, можно, – согласился Виктор.

Валентина одарила его благодарным взглядом и выскочила из магазина.

Подписав акт передачи, Валентина предложила Виктору:

– Пойдемте ко мне на обед.

– С удовольствием, – ответил он, – только сначала узнаю, когда пойдут в обратный путь трактора.

Вернувшись, с сожалением сообщил: трактора готовы выехать в Анюйск.

– Оставайтесь, – умоляюще произнесла Валя, – уедете со следующей оказией.

Два чувства боролись в душе Виктора: желание остаться с симпатичной и приветливой женщиной и чувство служебного долга. Второе победило. Всю дорогу он думал о Вале. Порой хотелось выпрыгнуть из вагончика и вернуться в Островное. Он не ожидал, что случайно встретившаяся женщина сильно западет ему в душу.

Несколько месяцев постоянно думал о ней. Вспоминал ее гибкий стан, ловкие движения рук, когда снимала товар с полок, а главное – улыбку и веселые глаза.

Наступил апрель, прекратились метели, солнце с каждым днем все выше поднималось над горизонтом, и все острее подступало желание съездить в Островное. Не выдержав, Виктор написал заявление о предоставлении отгулов на десять дней в счет недоиспользованного отпуска за прошлый год.

Директор Чукотторга Игнатов, прочитав заявление, снял очки и, внимательно посмотрев на охотоведа, спросил:

– До охоты на гусей еще далеко, зачем тебе отпуск?

– Хочу съездить в Островное.

– Что ты там забыл?

– Не что, а кого. Когда вы посылали меня провести ревизию на фактории, директор магазина Валентина Петровна приглашала на обед. Тогда у меня не было времени, теперь я решил воспользоваться приглашением.

– Далековато собрался ты на обед. На чем думаешь ехать? Оказии в ближайшие дни не предвидится.

– Есть общедоступное средство передвижения – охотничьи лыжи.

– Ночевать в снегу не боишься?

– Чукчи ночуют, и я смогу

– Они народ привычный, а тебе впервой.

– Буду мерзнуть – на лыжи – и вперед.

Федор Спиридонович оценил смелость и решительность охотоведа. Немного подумав, поручил проверить на заготовительном пункте качество принимаемой пушнины.

Еще с вечера Виктор уложил рюкзак. Ничего лишнего, только продукты и туго свернутая кухлянка. Спалось плохо, думал о переходе и о встрече с Валей. Из дома вышел при свете луны. По поселку шел с лыжами под мышкой. Подойдя к колее, проторенной в снегу тракторными санями, поднялся на обочину и надел лыжи, подбитые оленьим камусом. Лыжи легко скользили по снежному насту. Идти в ватной фуфайке было свободно и нежарко. В первый день решил пройти пятьдесят километров и переночевать в избушке, которую видел при первой поездке в Островное.

Около избушки стояли нарты, поодаль паслись олени. Сняв лыжи, Виктор открыл дверь и вошел внутрь. На него, как на чудо, смотрели двое чукчей.

– Еттик, – поздоровался он, подражая местному говору.

– Тебе тоже здравствуй, – был ответ, – на чем приехал? Трактора не было слышно.

– На лыжах.

– Садись к столу, оленина есть, чай есть.

Виктор порядочно устал и проголодался. Сняв рюкзак, стал выкладывать из него продукты на стол. Чукчи внимательно смотрели за движением его рук. Они предвкушали возможность выпить. Когда же он начал завязывать рюкзак, один из них произнес:

– Акамимиль?

По-чукотски это означало: «Водка есть?»

– Уйна, – произнес Виктор и покачал отрицательно головой.

Он не ожидал такой встречи и пожалел, что не взял с собой бутылку водки. По лицам чукчей было видно, что они расстроились. Чтобы снять установившуюся напряженность, пообещал:

– Если встретимся в Островном, обязательно выпьем за знакомство.

– Утром Лешка едет домой, – сказал пожилой чукча, – довезет тебя до фактории.

Игнатий Степанович удивился, увидев Виктора, входящего в магазин. Протягивая ему руку, спросил:

– С чем пожаловал? Почему не предупредил о приезде?

– Поездка оказалась неожиданной.

– Внезапная ревизия?

– Не беспокойтесь, я только посмотрю качество принятой пушнины.

Передвигаясь по складу и рассматривая висевшие шкурки песцов, лис, белок и горностаев, Виктор, будто между прочим, спросил:

– Как поживает бывшая директор фактории Валентина Петровна?

– Она недавно вышла замуж.

Это известие как молотом по голове поразило Ветренко. Протянутая рука к шкурке песца застыла в воздухе, закружилась голова, в висках ударами пульсировала кровь. Он шел между рядами развешенной пушнины, не обращая внимания на ее качество. В голове теснились мысли: «Что делать? Уйти сегодня же обратно? Повидаться или лучше не встречаться?» Неожиданно для самого себя спросил:

– За кого она вышла замуж?

– За ветеринарного врача.

– Где они проживают?

– В доме рядом с ветлечебницей.

С тревожным чувством и учащенно бьющимся сердцем открывал он дверь в дом Валентины. Стройная и красивая, в легком домашнем халатике, она встретила его удивленным взглядом.

– Здравствуй, Валентина Петровна! – произнес он тихо и смущенно.

– Ты приехал по делам фактории?

– Я ехал к тебе.

В ее глазах промелькнула радость и сожаление.

– Почему ты не задержался в свой первый приезд? Мы могли бы нанять каюра, и он увез бы тебя в Анюйск.

– Об этом мне пришлось неоднократно сожалеть.

– Теперь ты опоздал на две недели, дорогой мой человек.

– Я только что узнал, что ты вышла замуж, и вот пришел проститься. Скоро я уезжаю работать в Новосибирское управление охотничьим хозяйством.

– В Новосибирске проживает моя сестра. Когда буду у нее, постараюсь тебя разыскать.

Неожиданный гость во время разговора стоял одетым у порога. Валя спохватилась:

– Раздевайся, проходи к столу, скоро придет муж, и мы вместе пообедаем.

– Спасибо, мне надо спешить.

– Задержись на минутку.

Она взяла с этажерки фотоальбом, достала свою фотографию и написала на ней: «Поздравляю с праздником Первого мая! Желаю всего хорошего невезучему парню. Это тебе на память».

Валя немного подумала, поставила дату: май 1957 г. Затем протянула ему фотокарточку.

– Спасибо и прощай, – произнес он и вышел из дома.

Его настроение окончательно испортилось, и он пошел искать каюра, чтобы на оленьей упряжке

быстрее покинуть поселок и никогда сюда не возвращаться.

Вернувшегося домой Виктора не покидало чувство невозвратимой утраты. Ночью плохо спал, поднялся очень рано и не знал, чем заняться. На работу решил не ходить. Ему не хотелось отвечать на вопросы сослуживцев: почему вернулся быстро из Островного. В окно увидел соседа по дому, который, присев около упряжки собак, надевал на их лапы «обувь» и аккуратно привязывал кожаными шнурками, чтобы «тапочки» не слетели в пути. На Чукотке в период наста принято беречь лапы собак и надевать на них обувки. Собаки вели себя спокойно, не сопротивлялись процедуре обувания. «Наверное, едет на охоту», – подумал Виктор, надел на голову малахай и выскочил во двор.

– Привет, Сергей, – громко крикнул, – далеко собрался?

– Надо проверить, как перезимовала ондатра.

– Возьмешь меня с собой?

– Собирайся, вдвоем будет веселее.

Ветренко обрадовался возможности уехать из поселка, побежал в дом и стал собираться. Охотнику готовиться в путь – дело нескольких минут. Ружье в чехле, патроны в патронташе. Положил продукты в рюкзак, оделся и готов в путь.

Восемь собак легко бежали по плотному снегу, наст скрипел под полозьями нарты, весеннее солнце, отражаясь от снега, слепило глаза. Виктор

отвернул голову от солнца и стал разглядывать местность. Летом здесь простиралось множество больших и малых озер, заросших буйными травами. Теперь все пространство покрывала белая пелена. Он закрыл глаза и после бессонной ночи задремал. Проснулся, когда каюр резко остановил нарту, воткнув остол в снег. Его корпус качнулся вперед и ударился о спину Сергея.

Они остановились около маленькой избушки с плоской крышей, заваленной снегом. Перед ними лежало большое озеро. Склон противоположного южного берега зарос густым ивняком, перед которым протянулась черная полоса оттаявшего от снега грунта с прошлогодней растительностью. По поверхности озера всюду, как бородавки на лице, торчали бугорки – колпаки из снега и водорослей. Их мастерят ондатры над отдушинами, которым зимой не дают замерзнуть, постоянно выныривая для глотка воздуха. Пальцы задних лап зверьков соединены плавательными перепонками, и они прекрасно плавают по всему водоему, периодически выныривая через лунки. День проводят в норах с выходом под воду.

Сергей долго смотрел на озеро, прежде чем заключил:

– Отдушин много, приплод зверьков большой.

– Видимо, в прошлом году ондатры принесли два помета, – поддержал его Виктор.

Они заметили над озером табун гусей, который сделал полукруг и приземлился на оттаявшую от снега полосу противоположного берега. У Ветренко вспыхнул охотничий огонек, все невзгоды забылись, появилось хорошее настроение.

– Сергей! – обратился он к приятелю, – Начался прилет гусей, можно поохотиться.

– Рановато, – ответил тот, – массовый прилет начнется только через месяц.

– Как знаешь, я пойду, посижу в скрадке, а ты занимайся ондатрами.

Виктор взял ружье и, путаясь в полах кухлянки, пошел через озеро.

Гуси, увидев человека, с гоготом поднялись в воздух и улетели. По отпечаткам лап гусей на снегу и земле можно было безошибочно определить место их кормления. «Здесь надо бы из снега построить скрадок», – подумал он. Лопаты не было, и Виктор удобно устроился в густом кусте ивы, усевшись на снег. Его мысли были о Валентине, душу что-то тревожило и беспокоило. Виктор пытался понять, была ли это любовь с первого взгляда или обида за несбывшуюся мечту. Скорее всего, второе. На Чукотке трудно встретить незамужнюю молодую женщину. Сюда обычно приезжают молодые семьи. За несколько лет, прожитых на севере, он впервые встретил женщину, которая ему понравилась. Если бы они жили ближе друг к

другу и могли часто встречаться, вполне возможно его влечение к ней могло перерасти в любовь.

Солнце с каждым часом пригревало сильнее и сильнее, гуси не летели, и охотник уснул. Проснулся от шума крыльев птиц. Открыв глаза, увидел перед собой большой табун крупных птиц. Они вытянули шеи и осматривали местность. У Ветренко тревожно заколотилось сердце, казалось, что гуси смотрят на него, он боялся пошевелиться и протянуть руку к ружью, воткнутому прикладом в снег. Как только зашевелился, табун с шумом стал подниматься. Уже не таясь, схватил ружье, вскочил на ноги и выстрелил. Один гусь сложил крылья и упал на озеро, пробив в снегу глубокую лунку.

3

Самолет приземлился в городском аэропорту Новосибирска. Сдав багаж в камеру хранения, Виктор вышел на привокзальную площадь. Город встретил его теплой летней погодой. Солнечные лучи играли бликами на листьях тополей, посаженных в сквере напротив аэровокзала. По асфальту ходили голуби и клевали кем-то рассыпанные семечки. У него появилось хорошее настроение. Увидев женщину в легком летнем платье, направился к ней, чтобы узнать, как добраться до облисполкома. В это время обратил внимание на

автомашины с шашечками на борту, стоящие недалеко от входа. «Как же я сразу не сообразил, что такси меня доставит без всяких хлопот», – подумал он и направился к стоянке такси, машинально приложив руку к внутреннему карману пиджака, в котором лежала толстая пачка денег.

Водитель вел автомашину по Красному проспекту. Виктор удивился его ширине. Посередине тянулся бульвар, справа стояли красивые каменные дома. На центральной площади имени Ленина красовался знаменитый оперный театр с чешуйчатым куполом. Он подумал, что площадь, пожалуй, больше, чем Красная площадь в Москве. Вскоре шофер развернулся на площади Свердлова и остановил автомашину у главного входа в здание облисполкома. Взглянув на счетчик, Виктор подал водителю крупную купюру:

– Сдачи не надо.

Оказавшись в просторном холле, спросил дежурного:

– Как пройти в управление охотничьего хозяйства?

– Вам надо выйти из здания и обойти его с левой стороны. Вход к охотникам расположен со стороны улицы Спартака.

С волнением открывал он дверь в помещение, в котором предстояло работать. У него лежало в кармане приглашение на должность главного охотоведа области, но все-таки было тревожно. «Как

встретит новый начальник? Как сработаюсь с коллективом?» – думал он.

В небольшой комнате стояло около десяти столов, за которыми сидели охотоведы. «Такая же теснота, как в Чукотторге», – подумал Виктор.

Из-за стола поднялась Эмма Коростылева и направилась к нему. Они дружески обнялись. Повернувшись к сослуживцам, она произнесла:

– Это мой однокашник по иркутскому институту. Прошу знакомиться.

Задвигались стулья, раздались возгласы, началось знакомство. Охотоведы – народ общительный и дружный, начали вспоминать своих преподавателей и однокашников.

На шум вышел из своего кабинета начальник управления Лев Николаевич Кузьмин. Он был невысокого роста, одет в зеленую военную форму с несколькими рядами орденских колодок на кителе, его черные седеющие волосы были аккуратно зачесаны назад. В нем чувствовалась военная выправка, а по лицу можно было определить мужественного и смелого человека.

Шум моментально стих, и Эмма Васильевна представила гостя:

– Приехал Ветренко – по нашему вызову.

– Пускай зайдет ко мне, – сказал Лев Николаевич и удалился в кабинет.

Разговор с начальником длился долго. Кузьмина особенно интересовали песцы. Он расспрашивал о

качестве шкурок по сортам, их стоимости на Чукотке и на международном пушном аукционе в Ленинграде. Внимательно выслушав Виктора и убедившись, что он владеет знаниями по пушному промыслу, сказал:

– В нашей области с каждым годом падает заготовка пушнины диких животных. Есть соображение построить звероферму для содержания песцов. В природных условиях звери сами добывают себе пищу. Нам придется покупать для них рыбу, мясо и другие продукты. Надо сделать расчеты рентабельности производства при клеточном содержании песцов. Вот тебе первое задание: изучи детально этот вопрос и представь мне свои соображения. Твой кабинет рядом, с завтрашнего дня приступай к работе.

В институте Виктор изучал клеточное содержание диких животных, но этого оказалось недостаточно. Пришлось заняться изучением литературы, стандартов и технических условий.

В кабинет Льва Николаевича он вошел с выкладками на нескольких листах бумаги. Просмотрев записи, Кузьмин спросил:

– Ты считаешь, что звероферма на три тысячи голов маток окупит затраты за один год и даст прибыль?

– Расчеты показывают, что так.

– Тогда тебе второе задание: езжай в институт Гипросельхозстрой и договорись о проектировании зверофермы.

– В бюджетном плане управления не предусмотрено проектирование? – удивился Виктор.

– Зато есть деньги по другим статьям, которые не будут использованы. Вот ими и рассчитаемся с проектировщиками.

В приемной директора института А. В. Шиколовича за столом сидела молодая белокурая девушка. Поздоровавшись, Ветренко спросил:

– К директору можно пройти?

– Его нет на месте, он на совещании в обкоме партии.

Расстроившись, Виктор стоял на месте, не зная, что делать: ожидать директора или возвращаться на работу.

Видя состояние посетителя, секретарь мило улыбнулась и спросила:

– Вам по какому вопросу нужен директор? Может кто-то другой может помочь?

– Мне надо дать задание на проектирование объекта.

– Этими вопросами у нас занимаются главные инженеры проектов. В каком районе будет расположен ваш объект?

– В Куйбышевском.

– Этот район закреплен за Владимиром Федоровичем Шестеркиным, поднимитесь на четвертый этаж.

Обрадовавшись, Виктор был готов обнять и поцеловать девушку, но, зная, что это чревато серьезными последствиями, сказал:

– Большое вам спасибо, вы очень симпатичная и милая девушка.

Ее щеки залил румянец, и она, смутившись, тихо произнесла:

– Спасибо за комплимент.

Главный инженер проекта оказался приветливым мужчиной сорока лет, ниже среднего роста, полной комплекции, с темными кучерявыми волосами. Выслушав посетителя, он обрадовался, что будет проектировать объект для управления охотничьего хозяйства, так как сам был страстным охотником.

– Какие у вас есть документы для начала проектирования?

– Пока никаких, только намерение.

– Тогда берите ручку и записывайте, какие бумаги надо представить в институт. Прежде всего, согласие Куйбышевского райисполкома на строительство зверофермы и акт выбора площадки под объект. Задание на проектирование составим вместе.

Чем больше писал Виктор, тем отчетливей понимал, что ему предстоит большая работа, но это его не пугало.

Не прошло и месяца, как он собрал необходимые документы и пришел к Шестеркину. Пролистав бумаги, Владимир Федорович похвалил:

– Оперативно ты сработал, у нас есть заказчики, которым года не хватает.

– Видимо, им не очень надо.

– Финансирование объекта у вас предусмотрено? – спросил главный инженер проекта.

– Денег у нас достаточно, но предусмотрены на другие цели. В конце года они обезличиваются, и мы рассчитаемся с вами. Если у нас будет проект, министерство на следующий год выделит деньги на строительство.

Владимир Федорович задумался, ему не хотелось упускать интересного заказчика, но без финансирования было рискованно начинать проектирование. После нескольких минут молчания произнес:

– Хорошо, я рискну, не подведешь?

– Ни в коем случае!

– Тогда по рукам.

Виктор не подвел проектировщиков. На следующий год звероферма была построена, а в дальнейшем еще в двух госпромхозах появились звефермы. Ветренко с Шестеркиным стали друзьями на долгие годы.

Как-то Областное управление архитектуры, в котором мне, автору книги, довелось работать, проводило семинар районных архитекторов в Куйбышеве. Неожиданно в коридоре гостиницы встретил Виктора.

– Привет! – обрадовался я, – Ты приехал к нам на семинар?

– У меня своих дел по горло.

– Что у тебя за дела?

– Провожу бутинировку на звероферме.

– Это что за зверь?

– Какой ты охотник, если не знаешь этого слова?

– Объясни – знать буду.

– Определение качества шкурок зверей и готовность их к забою.

– Давай вечером встретимся и расскажешь подробнее.

– Приходи ко мне в триста двенадцатый номер, – сказал Виктор и поспешил к выходу.

Со зверофермы он принес в столовую две жирные тушки песцов с отрубленными головами, ногами и хвостами. Разыскал повара и попросил потушить мясо со специями. В его номер я пришел с нашим общим другом Рудольфом Рябышевым. Там уже сидели архитектор Куйбышевского района Виктор Семенов, архитектор Карасукского района Володя Шамрай и еще кто-то. На столе стояла водка и лежала нарезанная колбаса.

– Подождите, – сказал Виктор, – не торопитесь закусывать колбасой, сейчас сбегаю в столовую и принесу горячее.

Повар встретила его с улыбкой:

– Извините, пожалуйста, меня. Девочки попробовали тушеное мясо, оно им так понравилось, что они съели половину одной тушки.

– Ничего страшного, нам вполне хватит оставшегося.

В гостиничный номер Ветренко вошел с алюминиевой кастрюлей, от которой исходил аромат тушеного мяса.

Закусывая нежным мягким мясом, Шамрай, обращаясь к Виктору, произнес:

– Не могу понять, что за мясо мы едим?

– Молодая ягнятина, – ответил Ветренко.

Обгладывая очередную косточку, Рябышев сказал:

– Витя, не темни, кости не бараньи, чем ты нас угостил?

– Песцом.

Все удивленно посмотрели на Виктора. Володя Шамрай выскочил из-за стола, зажал рукой рот и побежал в туалет.

– Что с ним? – удивился Семенов.

– Не обращай внимания, – ответил Рябышев, – нам больше достанется, в Китае едят все, что шевелится и ползает, а тут прекрасное мясо.

4

В делах и заботах Виктор стал забывать о Чукотке. Однажды к нему в кабинет вошла секретарь и сказала:

– Виктор Константинович, вам звонит женщина на телефон начальника. Подойдите к аппарату.

Виктор поднял трубку:

– Алло, слушаю.

– Здравствуйте, Виктор Константинович, – произнес незнакомый голос.

– Здравствуйте, – сухо ответил он.

– Это Валентина Петровна Калачик.

Память вмиг перенесла его на Чукотку, в Островное.

– Вы почему замолчали? – обеспокоилась звонившая.

– Слушаю, слушаю, ты откуда звонишь?

– Я в Новосибирске, нахожусь около оперного театра, хотелось бы встретиться.

– Жди меня у входа, скоро подойду.

Войдя в кабинет к Кузьмину, Виктор попросил:

– Лев Николаевич, ко мне с Чукотки приехала знакомая, разрешите отлучиться.

– Отлучайся, старых друзей нельзя забывать.

– У меня еще одна просьба: надо бы зайти в ресторан или кафе, а у меня нет денег. Займите до получки.

– С удовольствием бы занял, но у меня тоже денег нет. Жена дала на обед трешку.

Он вынул из кармана помятую купюру и показал Виктору.

– Если устроит – забирай.

– Спасибо, я пойду.

Виктор надел куртку и вышел из здания. Холодный осенний ветер продувал его одежду. На улице Серебренниковской увидел приближающийся трамвай и побежал к остановке.

Валентина ждала его на ступенях подъезда. Поздоровавшись, они обнялись как старые друзья.

– Я очень замерзла, – произнесла она, – пойдем в кафе, посидим и поговорим.

– У меня сейчас нет денег, – сгорая от стыда, произнес Виктор.

– Не беспокойся, приглашаю я, у меня их достаточно.

Они зашли в кафе «Спутник», располагавшееся на первом этаже здания возле нынешней мэрии, выбрали свободный столик. Пока Валентина делала заказ официанту, Виктор внимательно рассматривал ее. Она пополнела, под глазами появились первые морщинки. Несмотря на это, по-прежнему была хороша собой.

Сделав заказ, она спросила:

– Расскажи, как живешь?

– Ты уже убедилась.

– Женился?

– Женат.

– Дети есть?

– Растет сын.

– А я вот развелась, – с грустью в голосе произнесла она.

После короткого диалога, почувствовав, что темы для разговора исчерпаны, Виктор спросил:

– Федор Спиридонович еще работает в Чукотторге?

– Недавно вышел на пенсию и уехал на материк.

Они вспоминали общих знакомых, интересные моменты из жизни каждого. Виктор проводил Валентину до остановки автобуса. Простившись, разъехались в разные стороны, чтобы больше никогда не встретиться. Возвращаясь на работу, Ветренко думал о Чукотке. Этот отрезок жизни память не могла предать забвению.

А Валентина по дороге к сестре вспомнила Большой Анюй, поселок Островной и приезд к ней Виктора. Вспомнила и надпись на подаренной ему фотографии и подумала: «Кто же из нас невезучий человек?»

Под северным небом

За окном бушевала метель – выла и бесновалась, била зарядами снега по стеклам, стучала сливом и напоминала, что давно наступила полярная ночь. В лаборатории – тепло и уютно. Я сидел за письменным столом и чертил кривые линии температур на профиле под насыпью железной дороги по записям в полевом журнале. В летний период экспедиция Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции проводила исследования грунтов вдоль насыпи железной дороги между Салехардом и Игаркой. У меня не было необходимости выходить на улицу. Лаборатория располагалась на первом этаже восьмиквартирного дома, а моя квартира – на втором. Шаги в коридоре отвлекли мое внимание. Дверь с шумом отворилась, и в помещение не вошел, а вкатился как огромный мяч, старший научный сотрудник Николай Филиппович Григорьев. На нем была меховая куртка, покрытая черным непродуваемым брезентом, который назывался «чертовой кожей», в одной руке он держал большой портфель, в другой – цигейковую шапку с опущенными ушами, которой сбивал с себя снег в коридоре. Сделав шаг от дверей, он ударил шапкой по ноге, стряхнув снег. Унты из собачьего меха заиграли золотым цветом в электрическом свете. Он поставил порт-

фель около своего стола, снял куртку и, потирая руки, с улыбкой произнес:

– Хорошая погода!

Я прекрасно понимал его чувства. Мне не раз приходилось попадать в пургу. Добравшись до избушки, всегда испытывал радость и гордость. Всегда думал, что живут же люди на материке и даже во сне не видят такой непогоды, а я способен ее преодолевать. Чтобы поддержать разговор, спросил:

– Что в ней хорошего?

– Чувствуешь, что живешь не в Сочи.

– Лучше бы мороз, чем метель, – сказал я, – когда она прекратится?

– Скоро, ничего в жизни вечного не бывает.

Он был оптимистом, никогда не унывал и во всем старался видеть только хорошие стороны.

– Спасибо, вы меня успокоили. Что нового в конторе?

– Анна Николаевна не успела отпечатать мой отчет. Она перегружена работой.

– Куда вам торопиться, до Нового года далеко, успеете сдать отчет.

– Не забывай, мой юный друг, что после сдачи отчета я лечу в отпуск.

– Погода нелетная, придется вам Новый год встречать вместе с нами, – пошутил я.

– Не злословь, тебя это не красит.

– Причем тут я, на севере балом правит погода.

– Пока мои дела зависят не от погоды, а от Анны Николаевны. Она обещала до конца дня отпечатать материалы отчета, придется еще раз сходить в контору.

Контора находилась в сотне метров от нашего дома. К ней тянулся деревянный тротуар вдоль короба теплотрассы, проложенного по поверхности грунта. Этот короб способствовал наметанию сугроба на тротуаре, и в метель приходилось брести почти по колено в снегу.

Николай Филиппович сел за стол, поставил на колени тяжелый портфель, порылся в нем, достал несколько листов отпечатанного текста и положил перед собой. С портфелем он никогда не расставался – ходил с ним в столовую, даже брал с собой в кинотеатр. Это была его слабость, какие ценности он в нем хранил, никто не знал.

Мой стол стоял рядом с его столом. В течение рабочего дня он редко отвлекался от работы, писал научные отчеты и статьи. Ученик академика В. А. Обручева, он стал неутомимым исследователем Севера. Из-под его пера вышли научные книги: «Тайны якутского шельфа», «Оазисы Антарктиды» и другие. Его трудоспособность придавала мне усидчивости, я старался во многом брать с него пример.

С той поры истекло полвека. Вспоминая Григорьева, я думаю, что он один из немногих, кто посвятил свою жизнь изучению Севера, стоял у

истоков открытия природных богатств шельфа Северного Ледовитого океана. Сегодня там идет добыча газа и нефти; добывающие предприятия оснащены мощной тяжелой техникой, но мало кто помнит первооткрывателей, которые передвигались по бескрайним просторам побережья Северного Ледовитого океана на собачьих и оленьих упряжках.

Очень интересно проходила защита Николаем Филипповичем кандидатской диссертации в Московском университете. Его работа вызвала живой интерес у членов ученого совета, несколько выступавших предложили по результатам диссертации присвоить ему ученую степень доктора наук, минуя кандидатскую степень. Такое предложение могло иметь плачевный результат. При тайном голосовании большинство членов ученого совета могло проголосовать против присуждения ему ученой степени. Среди ученых это называется «бросить черный шар».

Положение поправил академик Н. А. Цытович (по его учебнику я учил предмет «Основания и фундаменты» в строительном институте). В своем выступлении он дал высокую оценку диссертации Григорьева и предложил:

– Уважаемые члены ученого совета, давайте не будем лишать себя удовольствия через некоторое время вновь заслушать Николая Филипповича при защите докторской диссертации, а сегодня при-

своим ему ученую степень кандидата географических наук.

С Николаем Филипповичем мы были многие годы соседями, наши квартиры располагались на одной лестничной площадке дома Мерзлотной станции. Общительный, энергичный, жизнерадостный, он часто бывал у нас. Низкого роста, полный, быстро семеня ногами, он, казалось, не входит, а вплывает в квартиру. За такую манеру передвигаться его прозвали «колобком». У него были жена Татьяна и сын Алексей, которые жили в Москве. Жена преподавала в Московском государственном университете, сын там же учился. Виделся с семьей Николай Филиппович несколько раз в году, но эти встречи были продолжительными. Каждое лето Татьяна приезжала со студентами на практику в его экспедицию, отпуск проводила в Игарке. Он в свой отпуск уезжал к ней в Москву и несколько раз в год бывал в столице в командировках.

Впервые они встретились в экспедиции. Николай Филиппович считался опытным исследователем Севера, она – студенткой на практике. Прокладывая маршрут по якутской тайге, они не успели до темноты вернуться в лагерь. Пришлось ночевать у костра. По неопытности Татьяна не взяла с собой спальный мешок, ей пришлось залезть в спальный мешок к своему руководителю, чтобы отогреться. После этой экспедиции они за-

регистрировались, и у Татьяны родился сын. Она считалась способной студенткой, ее дипломная работа получила высокую оценку, ей предложили остаться работать в университете. Вскоре она защитила кандидатскую диссертацию.

После того как Григорьев переехал на жительство в Москву, я навестил его, будучи в командировке. Квартира Николая Филипповича находилась в доме Академии наук СССР на Ленинградском проспекте, недалеко от универмага «Москва». После бурного приветствия и рукопожатия я был приглашен в рабочий кабинет. Татьяна начала накрывать стол в кухне-столовой.

Мы сидели в креслах и вели беседу как давно не видевшиеся друзья. Николая Филипповича интересовали даже мелочи в жизни станции, которые произошли после его отъезда. Я чувствовал себя попавшим в музей. На полу, посредине кабинета, лежала шкура белого медведя, рядом, в правом углу – огромный бивень мамонта. Это был уголок Арктики.

Соседний угол представлял Антарктику. Больше всего меня удивило прекрасное чучело пингвина. На книжных полках, рядом с книгами, красовались различные минералы, куски выветренных пород Антарктиды, редкие морские раковины. Мое внимание привлекла упряжка собак с нартой, вырезанная из бивня моржа. Она словно летела, поднимаясь на возвышенность по засне-

женной тундре. Я попросил его рассказать об этом экспонате, надеясь узнать что-то интересное, кроме того, что уже знал о нем. Из-за своей скромности, он только сказал, что это память о Чукотке.

Значительно позже Владимир Федорович Ермаков, который работал вместе с Григорьевым в Московском институте мерзлотоведения, рассказал мне о периоде работы Николая Филипповича на Чукотке.

Война застала Григорьева на берегу Ледовитого океана в эскимосском поселке Уэлен. Он думал, что про него забыли, и продолжал заниматься изучением побережья Чукотского моря. Неожиданно с местной метеостанции на его имя принесли радиограмму, в которой ему предлагалось прибыть на совещание в бухту Провидения. Радиограмма была подписана неизвестным ему генералом. Николай Филиппович находился на побережье Северного Ледовитого океана, а бухта Провидения – на побережье Тихого океана. Ему требовалось пересечь Чукотский полуостров, чтобы попасть в срок в назначенное место. Стоял тот период года, когда зима еще не кончилась, а весна не началась, хотя солнце уже высоко поднималось над горизонтом, но снегопады и метели иногда прятали его от глаз на несколько дней. Чукотское море, покрытое льдом, не предвещало скорой навигации. Снег, утрамбованный ветрами, плотным панцирем покрывал тундру. Единственным транспортом в

это время года были собачьи упряжки. Николай Филиппович решил нанять каюра. Чукчи часто пересекали полуостров, навещая своих родственников в селении Урелики, расположенном на тихоокеанском побережье, недалеко от поселка Провидения.

Таграй, хозяин двух упряжек, к которому обратился Григорьев, посмотрел на солнце и спросил:

– Ты что, не видишь, что солнце желтое?

– Какая разница, какое солнце? – удивился Николай Филиппович.

– Плохая примета, ехать нельзя, – сказал, как отрубил, Таграй.

Следующий каюр, посмотрев на солнце, произнес:

– Вокруг солнца светлый круг, пурга будет, ехать нельзя.

Николай Филиппович решил обхитрить чукчей. К третьему пошел, когда стемнело, солнце скрылось далеко за горизонт, на небе появились звезды. Проходя холодную часть яранги, заметил бочки с припасами, снегоступы, нарты, рыболовные снасти. Откинув полог, вошел в центральную часть яранги – чоттаган. Посредине помещения горел костер, обложенный камнями. На противоположной стороне через откинутый меховой полог просматривалась спальная часть, там горел жирник. Каркас яранги, сделанный из китовых ребер, покрывали оленьи шкуры. Воздух, пропитанный

запахом еды и пережженного тюленьего жира, резко ударил по обонянию Григорьева, и он, не сдержавшись, громко чихнул. Все сидевшие у огня повернули головы в сторону вошедшего человека и с любопытством смотрели на него. Они сидели вокруг костра на китовых позвонках и ели мясо морского зверя, от которого исходил неприятный для европейца запах. Мясо чукчи хранили в ямах, вырытых в мерзлом грунте. До наступления холодов оно успевало протухнуть. У Николая Филипповича от запаха перехватило горло, и он не мог сразу начать разговор. Чукча средних лет поднялся со своего места, подошел к посетителю и первым поздоровался.

Выслушав просьбу гостя, он спросил:

– Веселящую воду принес?

Все сидевшие у огня замерли в ожидании ответа. Григорьев хорошо знал этих бесхитростных и простодушных людей. Он также понимал, что если принести водку, разговор затянется надолго. Чукчам некуда торопиться, а ему надо спешить.

– Нет, не принес. Дорога дальняя, пить нельзя.

Хозяин яранги надел кухлянку и произнес:

– Пойдем на улицу, посмотрим, что звезды скажут.

Он посмотрел на небо, усеянное звездами, и произнес:

– Ехать нельзя. Звезды мигают, не разрешают начинать дальнюю дорогу. Ветер северо-восточный принесет много снега. Ждать надо.

Николай Филиппович ждать не мог. Ему надо было быть в селении Проведения в указанный в радиограмме срок. В этот день туда подойдет из Владивостока пароход с военным начальством. По законам военного времени опоздание на работу даже на несколько минут грозило крупными неприятностями. Григорьев не был военным, но чувство ответственности и долга заставляли искать выход.

«Хорошо бы найти «оленьих чукчей», – подумал он, – но кто знает, где они сейчас кочуют. На оленях можно было бы доехать быстрее, чем на собаках».

В Уэлене жили оседлые «морские» чукчи. Они занимались рыбалкой и охотой на морского зверя, оленей не держали. На морском побережье в зимнее время года оленям не добыть корма. Их сородичи – «оленьи» чукчи – кочевали вдали от моря, только летом пригоняли табуны оленей к побережью. Здесь меньше гнуса, можно пообщаться с сородичами, произвести обмен оленьих шкур на жир морских животных.

С тяжелыми думами вернулся Николай Филиппович домой. Ему помог советом приятель-чукча Апар – его постоянный проводник и каюр.

– Купи собак, поезжай один, может, до пурги успеешь доехать, – сказал он, – упряжку не продадут, а по одной собаке могут продать, а я дам тебе упряжь, нарту и собаку-вожака. Умная собака, дорогу знает, – добавил он.

Григорьеву удалось купить шесть собак. Каждый продавал не лучшую собаку из своей упряжки. Апар помог запрячь в нарту семь собак. Собаки не знали друг друга, между ними постоянно завязывалась грызня. Они мерялись силой, стараясь выяснить свое положение в упряжке. Апар быстро их успокаивал пинком и бичом. Николаю Филипповичу приходилось много ездить на нартах, но он никогда не обращал внимания на упряжь, полагаясь на каюра. Теперь ему предстояло самому запрягать собак, он, помогая Апару, внимательно следил за всеми его движениями. На шею каждой собаке надевался мягкий кожаный ошейник, который двумя лямками соединялся с ремнем, опоясывающим собаку по спине и груди; этот ремень пристегивался к постромке, которая привязывалась к кольцу на нарте.

На прощанье, напутствуя друга, Апар сказал:

– Сильно не торопись – быстрее доедешь, дней десять ехать, береги собак.

Изречение чукчи было сродни нашей поговорке: «тише едешь – дальше будешь».

Немного подумав, Апар добавил: «Держи солнце в левый глаз, полярную звезду сзади, слева. Ко-

гда увидишь две гряды гор, держи между ними, долина приведет к морю».

Николай Филиппович полагался на компас, который лежал у него в нагрудном кармане, он давно определил по карте направление своего маршрута. Наставления своего друга принял к сведению, на всякий случай. До назначенной встречи в Провидении было две недели.

Первые километры для неопытного каюра были самыми трудными: собаки продолжали выяснять отношения, ему приходилось показывать свою власть над ними. Чукчи очень ловко наказывали бичом провинившуюся собаку, а у него не всегда получалось попасть в виновника потасовки. Самым задиристым оказался крупный рыжий пес, бежавший следом за Вожаком. Он, видимо, был недоволен своей ролью в упряжке, чувствовал, что он сильнее Вожака и старался его догнать, чтобы померяться силой. Его усилия приводили к тому, что нарта увеличивала скорость, постромка Вожака ослабевала. Поняв, в чем дело, Вожак увеличивал скорость, поворачивал голову, скалил зубы и рычанием предупреждал Рыжего. Тот бросался на собаку, бегущую рядом с ним, та отскакивала в сторону, нарта дергалась, нарушался ритм бега упряжки.

«Как хорошо, что у собак разной длины постромки, – подумал Григорьев, – на ходу могут поцапаться только бегущие рядом».

Ему пришлось остановить собак, постепенно тормозя нарту остолом. Остол – палка с железным наконечником. Как только нарта остановилась, Вожак повернулся к Рыжему, оскалил пасть и грозно зарычал. Рыжий поджал хвост, признав Вожака старшим. Николай Филиппович сменил местами собак в упряжке, поставив Рыжего перед нартой, чтобы было легко достать бичом. После вынужденной остановки собаки побежали дружнее, Рыжий успокоился.

Удаляясь от поселка, Григорьев почувствовал, что им овладевает странное чувство. Безмолвная тундра вбирала его вместе с собаками в свое лоно. Он оказался в другом пространстве. Впереди тундра сливалась с небом воедино, и не было видно горизонта. Солнечный диск, окаймленный ореолом, висел над горизонтом с южной стороны.

Нарта легко скользила по твердому, отполированному ветрами, снегу. Собаки дружно бежали, не требуя понукания. При спуске с холмов приходилось притормаживать нарту остолом, чтобы резвые собаки не перевернули ее. Величественная и суровая природа окружала его. Температура наружного воздуха держалось около двадцати градусов холода. При безветрии для полярных широт – это теплая погода.

С заходом солнца заполыхало северное сияние. Разноцветные лучи расходились веером по небо-

своду. Под его сполохами просматривался горизонт.

Первую стоянку для ночлега Николай Филиппович выбрал между двумя сугробами. Лопатой и топором нарубил снежных блоков, уложил их полукруглой стеной для защиты палатки на случай ветра. Под прикрытием этой стенки установил палатку, занес в нее спальный мешок и рюкзак, разжег примус и отправился кормить собак. Собаки лежали на снегу, свернувшись калачиками и прикрыв носы пушистыми хвостами. Увидев в его руках еду, все соскочили в ожидании своей порции. Накормив собак, залез в палатку и стал готовить ужин. За время его отсутствия воздух в палатке нагрелся. Пришлось снять верхнюю одежду. Из термоса налил немного чая в котелок, положил кусок мороженого отварного мяса и разогрел его. Мясо ел с сухарями, размачивая их в кружке с чаем. Плотно поев, забрался в спальный мешок и стал обдумывать свои дальнейшие действия. По его прикидкам за первый день он проехал километров пятьдесят. Если будет ехать с такой скоростью и дальше, то приедет на четыре дня раньше срока. Радовало, что собаки перестали ссориться, признав его хозяином. Они поняли, что хозяин тот кто их кормит. Теперь у собак одна цель с ним – добраться до жилья.

На третий день подул ветер. Он срывал верхушки сугробов, и снежная твердая пыль извивалась

змеями по утрамбованному снегу. Над поземкой была хорошая видимость, и Григорьев продолжал путь. На душе стало тревожно, но у него не было мысли повернуть назад. За долгие годы, прожитые на севере, он привык не отступать от намеченной цели.

Со временем змеиные струйки слились в единый снежный поток. Казалось, что собаки двигаются без ног над этим потоком снега. Постепенно они полностью погрузились в снежную массу, создавалось впечатление, что собаки плывут в белой реке. Голубое небо стало затягиваться тучами, ветер усилился, видимость стала нулевой.

Николай Филиппович остановил собак, они моментально стали рыть снег, чтобы улечься хоть в небольшие укрытия. С большим трудом поставил палатку, для надежности приколол ее остолом. Ветер трепал палатку, стараясь сорвать и унести вместе с человеком. Забравшись в спальный мешок, он придавил своим телом наветренную сторону палатки. Брезентовая крыша хлопала, издавая звуки, похожие на выстрелы.

Три дня пролежал Григорьев в спальном мешке. За это время успел многое обдумать. Однажды мелькнула мысль, что «если пурга продлится очень долго, собаки погибнут от голода и ему придется тащить нарту самому». Он отогнал эту мысль и стал думать о другом, постепенно погружаясь в тяжелый сон. Очнулся от оглушительной

тишины. Николай Филиппович не сразу понял: наяву это или во сне. С трудом вылез из палатки, она была почти полностью занесена снегом. Вокруг простиралась белая пустыня, но она не казалась враждебной. За многие годы работы на севере привык, даже по-своему полюбил это белое, безмолвное, необъятное пространство. Ему потребовалось немало сил, чтобы откопать палатку и нарту. Накормив собак, продолжил путь. Движение постоянно сдерживали наметы снега, нарта застревала в сугробах. Ему приходилось вставать и помогать собакам. В полдень останавливался, кормил собак и давал им отдых, ежедневные переходы увеличивал по времени. Размышляя, пришел к выводу, что поступил правильно, выехав до пурги. Если бы он выехал из Уэлена после пурги, ему бы потребовалось три дня, чтобы добраться до места задержки в пути. Он бы опоздал на встречу.

Его сердце радостно забилось, когда впереди увидел горную гряду. У него не было сомнений, что маршрут приведет к горам, но теперь он знал, что большая часть пути позади. Еще издали увидел распадок между холмами и направил собак к нему. Через два дня с возвышенности увидел море. Привычная белизна вдали прерывалась темно-синим простором. Позади остался длинный и тяжелый путь. Собаки побежали дружнее под уклон местности, почуяв впереди жилье и отдых. Николай Филиппович с облегчением вздохнул и отки-

нулся на спинку нарты, его тело расслабилось, в нем словно лопнула пружина, которая была сжата во время пути.

В поселок Провидения приехал накануне назначенной встречи. В бухте на рейде стоял пароход, прибывший из Владивостока, на котором была назначена встреча.

Портовый катер доставил Николая Филипповича к трапу парохода. На палубе вахтенный офицер проверил его документы и проводил в зал, который когда-то служил для просмотра кинофильмов. Здесь собрались военные и гражданские люди. Григорьев никого не знал, кроме секретаря Окружкома партии. Ему хотелось поделиться своими приключениями в пути, но это было неуместно и никого не интересовало. Совещание начал немолодой генерал. Речь шла об обороне Чукотки в случае нападения Японии, которая сосредоточила крупные армейские подразделения на северных Курильских островах Шумшу и Парамушир. Григорьев чувствовал себя частицей коллектива людей, все помыслы которых направлены на достижение скорейшей победы над фашизмом. Он осознал, что его приключения ничтожны по сравнению с событиями, которые переживает вся страна.

В это время война была в разгаре. Американская помощь Советскому Союзу техникой и продовольствием поставлялась морем в Архангельск.

Многие морские суда не доходили до места назначения: их топили немецкие подводные лодки и авиация. Союзники приняли решение наладить воздушный мост с Аляски в Хабаровск. Требовались запасные промежуточные посадочные площадки для аварийной посадки самолетов. Николая Филипповича мобилизовали и как геологу поручили подобрать место для взлетно-посадочной полосы в районе Уэлена и обеспечить при необходимости приём самолетов.

Вернувшись в Уэлен без приключений, он с полной ответственностью окунулся в новую работу: подыскал ровную площадку местности, пригодную для посадки самолетов, с помощниками чукчами обозначил ее контуры пустыми металлическими бочками из-под горючего, завозимого для метеостанции. По углам «аэродрома» поставил разрезанные бочки, в которых можно будет разводить костры в темное время суток.

День победы Николай Филиппович Григорьев встретил в Заполярье, на берегу Чукотского моря.

Волки

Октябрь в том году выдался снежным. Часто налетала пурга, ветер подхватывал снег и разносил его по бескрайним просторам тундры. Воздух

наполнялся снежной пылью, становился густым, затруднял дыхание. Крутящиеся снежные вихри беспрепятственно носились по занесенной снегом равнине. В такие снежные дни табун северных оленей в несколько сот голов ложился на отдых. Их полностью заносило снегом, равнина становилась бугристой, из многих бугров торчали ветвистые рога, как одинокие кусты тальника.

Когда стихала пурга, олени начинали продвигаться на юг, в лесотундру, где можно укрыться от пронизывающих ветров и легче добывать из-под снега ягель. Они легко разгребали копытами мягкий снег и поедали свой любимый корм. Впереди и по бокам прокладывали дорогу крупные самцы с острыми ветвистыми рогами, которые служили грозным оружием против главного их врага – волка. В центре табуна шли важенки с подросшими за лето оленятами. Погода с ветром и без гнуса в весенний период позволила сохранить хороший приплод, многие важенки имели по два олененка. У белой важенки родилось два олененка. Они имели разные характеры, мать внимательно наблюдала за ними. Смирный не отходил от нее далеко, он всегда был сыт, поедая разрытый ее копытами ягель. Смелый носился по табуну, приглашая сверстников вместе побегать. Он был развитей и крепче Смирного. Мать, наверное, гордилась им и надеялась, что из него вырастет крупный северный олень.

Полярная ночь еще не наступила, табун торопился уйти из открытой со всех сторон тундры. В этих местах в ноябре солнце скрывается за горизонт и наступает долгая полярная ночь, появляется солнце только в конце января.

За табуном оленей шла стая волков. Они, как пастухи, постоянно следовали за оленями. Это было их стадо. Они не позволяли другим своим сородичам близко приближаться к нему.

Стаю вел опытный полярный волк. Он много раз встречал и провожал зиму, на его густом загривке стала появляться седина. Ему хорошо были знакомы законы тундры и все методы охоты на оленей. Одинокого оленя можно было окружить, ему никогда не вырваться из волчьего кольца. Небольшой табунок оленей можно загнать на засаду, успех будет гарантирован. С крупным табуном такой прием неприемлем. Вожак помнит молодые годы, когда несколько молодых волков устроили засаду перед огромным табуном оленей. Они ждали, когда табун подойдет к ним, чтобы неожиданным броском погнать оленей в сторону и наброситься на зазевавшегося оленя. Неожиданно табун кого-то испугался и понесся на них. Только будущий вожак один успел отскочить в сторону, остальные были смяты, и по ним прошлись сотни копыт. Когда табун скрылся, на снегу тундры остались только кровавые пятна мясного волчьего месива, втоптанного в мох.

Сытые волки не преследовали табун. У табуна всегда была передышка покормиться и отдохнуть. Проголодавшись, вожак поднимал стаю. В нее входили прибылые, переярки, волчица и несколько взрослых волков. Они по следу догоняли табун и начинали погоню. Больные и слабые олени отставали и становились их добычей. Так из года в год шла естественная выбраковка поголовья.

Волки медленно шли по следу табуна, как вдруг вожак остановился. Запах свежего следа незнакомого волка взбесил его. Кто осмелился пойти за его табуном? Вытянув спину и хвост, он начал со злостью скрести снег лапами, давая стае знак начать преследовать нарушителя закона.

Нарушителем был старый одинокий волк. Он никогда не был вожаком, многие годы успешно охотился со своей стаей. Все обязанности у волков были распределены. Ему предназначалось находиться в засаде. Сила и ловкость позволяли в несколько прыжков настигнуть и мертвой хваткой схватить за горло и повалить оленя. Подоспевшая стая помогала покончить с жертвой. Постепенно он старел, сила и ловкость поубавились. После того, как первый раз в жизни промахнулся и упустил оленя, волки враждебно посмотрели на него. Эти взгляды красноречиво говорили о том, что при следующем промахе они набросятся и разорвут его. Опыт подсказал, что надо покинуть стаю. Весну и лето, питаясь леммингами и песцами, вел

сытое существование. С наступлением холодов и снежного покрова подолгу приходилось голодать. Встретив следы оленей, он пошел за табуном. Какой волк упустит возможность полакомиться олениной?

Он не только услышал, почувствовал всем телом погоню за собой. Резко обернулся, сел на снег и оскалил зубы. К нему приближалась стая волков, обходя его полукругом. Понимая, что наступает его конец, решил оказать сопротивление. Ощетинившись и оскалив зубы, приготовился к схватке. У него еще были силы, чтобы разорвать плечо первому налетевшему на него молодому волку и вцепиться в горло второму. Он знал, что гибель одного из волков могла отвлечь от него внимание стаи, но силы были неравные. Его участь была решена в считанные минуты.

Олени медленно продолжали продвигаться по тундре. Телята держались ближе к маткам, около их копыт легче добыть корм. Некоторые пытались подойти к участку, очищенному от снега натренированными ногами оленей рогачей, но при дружелюбном отношении к ним самцов, торчащие у поверхности снега рога, не давали возможности воспользоваться очищенным от снега ягелем. Они еще не знали, какого запаха и шума надо опасаться. Телята во всем подражали своим матерям и верили, что рядом с ними безопасно.

Внезапно олени, замыкающие табун, почувствовали опасность, они сорвались с места и стали напирать на впереди идущих оленей. Их страх передался табуну; подняв высоко головы, быстроногие обитатели тундры стремительно понеслись по белоснежной равнине. За их спиной поднималось снежное облако, прикрывая их путь, как дымовой завесой.

Волки следовали по пятам, они не стремились преодолеть снежную завесу, зная, что скоро какой-нибудь олень выбьется из сил, отстанет от табуна и будет их добычей.

Табун приближался к берегу Енисея. Волки торжествовали. Они ожидали, что олени остановятся перед препятствием, повернут назад и у них будет добыча, и славный пир на берегу реки.

Их надежды не оправдались. Табун по крутому склону спустился на лед реки. Олени знали, что по льду волкам их не догнать, решили оторваться от преследователей и скрыться на противоположном берегу.

По льду разносился звенящий шум от сотен копыт. Этот шум привлек внимание одинокого рыбака, проверяющего сеть недалеко от берега. Рядом с ним лежали две собаки, запряженные в легкие ездовые нарты.

Рыбак повернулся в сторону шума, собаки соскочили и ощетинились. Через Енисей устреми-

лась живой волной темная колышущаяся масса оленей.

– Что они делают? Куда несутся? – испуганно проговорил рыбак.

...Навигация в том году сильно затянулась. Запоздали два морских лесовоза, которых только вчера увел за собой ледокол. По фарватеру Енисея ледокол прорезал канал, который был забит мелкими льдинами, не успевшими за сутки крепко смерзнуться...

Табун подлетал к каналу. В бешеной скачке, на полном бегу, передние олени залетели на тонкий лед канала. Послышался треск, льдины расходились, и животные оказались в воде. На них прыгали бегущие сзади. Олени в воде не тонут, образовалась переправа из живых тел, по которой перешел весь табун и унесся к левому берегу реки. Смелый прыгнул на спину плавающего оленя, но сорвался и оказался в ледяной воде. Олени пытались выбраться на лед, некоторым удавалось выбросить передние ноги на кромку льда, но, не имея опоры под задними ногами, они сползали в воду.

Белая важенка почувствовала беду. Она замедляла бег и постоянно оглядывалась, но не видела Смелого.

Эта трагедия проходила на глазах рыбака.

Волки не решились преследовать оленей по льду реки. Они стояли на высоком берегу Енисея

и наблюдали за удаляющимся с большой скоростью табуном.

Когда Вожак увидел трагедию, разыгравшуюся на реке, он повел стаю за собой на лед. Голодные волки неслись легкими, длинными прыжками. Они знали, что предстоит обильное пиршество.

Рыбак, увидев стаю волков, сначала испугался. Затем сел на нарты и погнал собак в город. Ему хотелось собрать товарищей, отогнать волков и воспользоваться их законной добычей. Он хлестал собак бичом, заставляя бежать на пределе возможностей, не думая, что может загнать бедных животных. Его охватила жадность к даровой добыче.

В это время волки вытащили из канала несколько оленей, напились теплой крови, рвали туши и глотали куски мяса, иногда вместе со шкурой. Набив желудки до отказа, улеглись на лед переваривать пищу.

Рыбак собрал своих друзей единомышленников. Захватив с собой ружья, топоры, багры, ножи и лыжи, на нескольких автомашинах помчались к месту трагедии.

Волки, услышав шум приближающихся машин, тяжелой рысцой побежали вдоль канала, затем свернули к своему берегу. На автомашинах легко можно было их догнать и перестрелять, но охотники за легкой добычей даже не подумали об этом. Увидев барахтающихся в воде оленей, бро-

сились доставать их баграми, добивать топорами и таскать к своим машинам. В азарте они были похожи на тех же волков.

Смелый подплыл к кромке льда, надеясь, что двуногие существа помогут ему выбраться из воды. Он почувствовал боль под ребром. Рыбак багром вытащил его на лед и вонзил в его сердце острый охотничий нож.

В тот год многие жители Игарки купили на зиму оленины.

Написав этот рассказ, вспомнил статью в газете «Известия», напечатанную в семидесятые годы прошлого столетия. Табун оленей в несколько тысяч голов на пути своей обычной миграции наткнулся на проложенную в тундре трубу газопровода. Животные побоялись перейти через нее и двинулись вдоль трубы, которая привела их на улицы Норильска. Многие жители города повели себя не лучшим образом, они бросились заготавливать оленину.

Озера Заполярья

В июле в Заполярье стоит полярный день, солнце круглосуточно заливает лучами необъятные просторы лесотундры. Дождевые тучи очень редкие гости на небосводе в этот период года. Влаги в

почве достаточно, чтобы все растения могли буйно расти и успеть созреть за короткое лето.

Самолет АН-2, сделав посадку в Туруханске, поднялся в воздух и взял курс на Игарку. Я возвращался из командировки и, прильнув к иллюминатору, старался увидеть знакомые места. Под крылом самолета простиралась лесотундра. Большую часть поверхности земли покрывали озера. Большие и маленькие, вытянутые и круглые, они лежали огромными гирляндами. Их водная поверхность сияла голубизной среди хвойного леса и многочисленных участков тундры.

Когда самолет стал делать полукруг над Енисеем для посадки на аэродром, расположенный на острове, открылась панорама Игарской протоки. У причала и на рейде стояли огромные морские лесовозы. Могучие плавучие краны немецкой фирмы «Ганз» поднимали в воздух пакеты пиломатериалов, и они исчезали в ненасытных трюмах морских судов под флагами разных стран.

Аэродром располагался в нескольких минутах хода до протоки. Там пассажиров уже ждал катер Игарского лесокомбината. Оказавшись дома, обняв жену и детей и вручив им подарки, я первым делом позвонил директору лесокомбината Филиппу Григорьевичу Долинину и доложил о возвращении из командировки.

– Завтра воскресенье, приходи ко мне с женой и обо всем расскажешь подробно.

– У вас собираются гости?

– Вот вы и будете гостями.

– Спасибо за приглашение, но у меня давно был запланирован выход на рыбалку.

– Тогда желаю ни пуха, ни хвоста, – сказал Филипп Григорьевич.

Читателю может показаться странным, что подчиненный отказался от приглашения директора. У меня с Долининым были очень доверительные отношения. Для северянина рыбалка и охота всегда на первом месте. Многие ради этого живут в Заполярье.

Повесив трубку, я спросил у жены Наташи:

– Николай звонил?

– Звонил несколько раз.

Будильник разбудил меня в шесть часов. За окном сияло солнце, освещая слабым светом комнату через навешенные на окнах шторы. Торопиться на утреннюю зорьку не требовалось, как это делают все рыбаки на материке. Летом в Заполярье зорек нет, и рыба клюет по собственному усмотрению в любое время суток.

Николай меня встретил на перекрестке, и мы с рюкзаками за плечами зашагали по дороге, отсыпанной гравийно-песчаной смесью в сторону реки Гравийки. Удилища брать с собой не принято. У любого озера среди кустов можно вырубить нужной длины удилище. У Николая около каждого

озера, на котором ему доводилось рыбачить, в кустах стояло готовое удилище от прошлых рыбалок. До реки нам предстояло пройти пять километров. Не успели мы пройти половины пути, как послышался шум грузовой автомашины. Отойдя на обочину, подняли руки. Водитель самосвала резко затормозил, подняв облако пыли. Молодой парень приоткрыл дверцу кабины и крикнул:

– Быстро садитесь, подвезу!

На севере принято всегда подвозить попутчиков и никогда не брать с них деньги. Здесь все знают друг друга, хотя часто лично не знакомы. Мы забрались в кабину, уселись на мягкое сиденье и положили рюкзаки на колени. Водитель тут же рванул с места, поддав двигателю газа.

– Куда торопишься? – спросил водителя Николай.

– За гравием, – коротко ответил тот.

– Сегодня выходной, до понедельника разве нельзя было подождать?

– Это у вас выходной, а растворобетонный узел работает круглосуточно.

Вдоль дороги тянулись две трубы городского водопровода, опирающиеся на свайные опоры. Слева промелькнули корпуса строящегося завода железобетонных изделий, справа – городское кладбище.

Переехав мост через Гравийку, мы попросили водителя остановить машину. Поблагодарив его,

вылезли из кабины, подождали, когда осядет пыль, и спустились к берегу реки, по которому тянулась слабо натоптанная тропа.

– Давно здесь рыбаки не ходили, – заметил я, – тропа травой заросла.

– С тех пор как появились дюралевые лодки с подвесными моторами, многие предпочитают на рыбалку плавать на лодках, а не ходить пешком, – ответил Николай.

– Почему ты не купишь лодку?

– А ты? – ответил он вопросом.

– Я недавно приехал в Игарку, а ты старожил.

– На лодке не попадешь к озерам, к которым можно добраться только пешком. Мне по душе глухие безлюдные места. Там чувствую себя первобытным человеком, любуюсь окружающей суровой природой, которую надо познавать и только потом пользоваться ее дарами.

Его речь вызвала во мне воспоминания юношеских мечтаний. Мне часто хотелось попасть на охоту в дикие неведомые места, пожить одному в избушке, добывая рыбу и дичь себе на пропитание.

Вскоре тропа повернула в сторону от реки, мы пересекли прибрежные заросли тальника, и перед нами открылись просторы тундры, заросшей цветущим багульником. Сиреневый ковер простирался до горизонта. Низкорослый кустарник густыми зарослями покрывал моховую тундру. Между ко-

чек с трудом просматривалась протоптанная тропа. Она виляла среди зарослей, ноги проваливались по щиколотку в воду через сплошной моховой слой. В воздухе стоял терпкий дурманящий запах цветов багульника, трав и болота, от которого кружилась голова. Ноги постоянно спотыкались о невидимые кочки. Гнус обрадовался нашему визиту в их вотчину и роем набросился на нас. Пришлось опустить сетки накомарников. Дышать стало еще труднее.

– Здесь надо ходить в противогазе, – произнес я.

– Вряд ли противогаз поможет, – ответил Николай, – придется тебе потерпеть.

Через несколько километров утомительный переход закончился. Мы вошли в лес. В тени под кронами сосен дышать стало легче. Воздух был насыщен приятным ароматом хвойных деревьев. Мошка исчезла, только комары изредка жужжали около лица. Тропа привела нас к таежному озеру, окруженному нетронутыми человеком вековыми соснами и лиственницами. Его гладкая поверхность казалась черной. В нем, как в зеркале, отражались деревья, создавая впечатление большой глубины. В воздухе стояла тишина, не слышно было даже пения птиц. Высоко в небе парил крупный пернатый хищник, высматривая добычу. Вдали плавал табунок уток, не обращая внимания на подошедших к берегу людей. Им, видимо, был неведом страх перед человеком. «Это озеро никогда

не беспокоил шум моторной лодки», – подумал я и произнес:

– Озеро хмурое и неприветливое, неужели здесь будем рыбачить?

– Пройдем к более интересным местам, – ответил Николай.

Мы пошли дальше. Оказалось, что в лесу много озер. Все они вытянуты в одном направлении. На обрывистых берегах видны толстые слои торфа. Тропу несколько раз перебегали полярные мыши – лемминги. Не заставил себя долго ждать и охотник за ними – соболь. Он выскочил из густого подлеска, отбежал от нас метров на двадцать и заскочил на ствол дерева. Мы остановились и замерли. Зверек почему-то не убегал в крону сосны. Только когда Николай сделал первый шаг, он пулей поднялся к вершине и скрылся с наших глаз. Тропа вывела нас на кромку лесного массива, который тянулся полосой, разрезая тундру на две части. Перед нами лежал водоем, за которым простиралась тундра. Тропа обогнула озеро и привела нас к ручью. Через прозрачную воду просматривалось дно, покрытое галькой и песком. Я пытался увидеть в воде рыбу, но не заметил даже малька. Весело прожурчав между обточенных камней, ручеёк впадал во второе озеро. Окружающая нас природа говорила о том, что мы попали в первозданный мир. Здесь когда-то поработали ледники. Мои размышления прервал голос спутника:

– Рыбачить будем в устье этого ручья.

Черви в Заполярье не водятся. Он достал из рюкзака кусок ранее пойманной рыбы и разрезал на мелкие кусочки.

– Насаживай наживку на крючок и пытайся поймать окуня, – предложил Николай, – а затем будем рыбачить на его глаз.

Солнце поднялось высоко над горизонтом, заливая лучами окружающую местность. Оно не жалело своего тепла северной природе. Хотелось раздеться и подставить давно не видевшую загара спину под его теплые лучи. Это желание сдерживал не только гнус, но и появившиеся оводы. Приходилось постоянно их бить на лице.

Простояв полчаса у ручья без поклевки, мы пошли по берегу, пробуя рыбачить в разных местах, но клева не было. Наконец, мне попался маленький окунек. Сняв его с крючка, размахнулся и хотел выбросить в воду, но Николай закричал:

– Не бросай!

– Не было рыбы – и это не рыба, – с грустью произнес я.

– Не расстраивайся, без рыбы не уйдем.

Мне всегда нравилась в нем настойчивость и уверенность на рыбалке и охоте.

Мы подошли к озеру, прибрежную поверхность которого широкой полосой покрывал зеленый моховой ковер, на котором как янтарь рассыпались ягоды морошки. Чистая вода блестела метрах в

тридцати от берега. «Если не ловится рыба, так поем хоть ягод», – подумал я и пошел к манящим меня плодам. Плавучий берег – лабза – медленно оседал подо мной. Стоило сделать шаг, моховой ковер восстанавливал свое прежнее положение. Мне понравился вкус морошки, напоминающий переспевшую грушу. Ее листья очень похожи на листья клубники, а ягоды желто-оранжевого цвета по форме напоминали крупную малину.

– Будь осторожен, – услышал я голос Николая, – можешь провалиться, здесь большая глубина, дна не достанешь.

Пока я наслаждался морошкой, он срубил небольшое дерево, сделал из комля кол, вершину положил на моховой покров, прошел по ней метра два от берега и воткнул кол в мох. Круговыми движениями расширил лунку, вынул кол и пошел за удочкой. Отломил вершину удилища и как при зимней рыбалке опустил леску в лунку. К моему удивлению, он поймал крупного окуня, который отличался по цвету от обычных окуней, как негр от белого человека. Окунь был настолько темный, что на нем едва просматривались поперечные черные полосы. Я последовал его примеру, и скоро у моих ног на сыром мху подпрыгивали крупные окуни. Рыба клевала сначала у дна, затем поднялась под лабзу. Стоило крючку с наживкой опуститься в лунку менее чем на метр, уже следовала поклевка. Несколько раз пойманный окунь запу-

тывал леску в лунке за корни растений. Приходилось вставать в болотных сапогах на колени, опускать руку в лунку и распутывать леску. Клев был настолько интенсивный, что не было времени подумать: почему окуни темного цвета? Почему они поднялись со дна под лабзу?

Домой мы возвращались с тяжелой ношей в рюкзаках.

В экспедиции

Лагерь второго отряда Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции был разбит около «мертвой дороги», проходящей между Салехардом и Игаркой. Мёртвой ее назвали потому, что после смерти Сталина строительство было заброшено. На просторах крайнего севера в шестидесятые годы прошлого века работало много изыскательских экспедиций. Решался вопрос о методах прокладки первых нефтепроводов на бескрайних просторах лесотундры и тундры. Я работал заместителем начальника экспедиции, кроме прямых обязанностей на меня было возложено обеспечение отрядов продовольствием.

Короткое северное лето стояло в разгаре. Солнце круглосуточно ярко светило, не скрываясь за горизонт. Покров тундры напоминал расписной

персидской ковер с узорами из озер и цветущего сиреневым цветом багульника. Испарения озер, болот и тундры насыщали воздух терпким ароматом. Я с ружьем подошел к озеру, на котором плавали утки. Прячась за низкорослой растительностью, подполз к высокому берегу. Метрах в пятнадцати плавал выводок крупной морской чернети. Местные охотники называют их черной уткой. Выждав момент, когда утки сплылись, прицелился и выстрелил. Четыре перевернулись, остальные не улетели, а, подплыв к сраженным, с любопытством наблюдали за ними. Я выстрелил из второго ствола по двум сплывшимся уткам. Оставшиеся в живых утки нырнули только после того, как я поднялся во весь рост. Стреляя, я не подумал, как буду доставать из воды дичь. Идти за лодкой было далеко. Пощупал рукой воду, температура была терпимой. Разделся до костюма Адама и пошел в воду. Нижний слой воды обжигал ноги. За лето прогрелся только верхний слой. Глубина не позволяла подойти к уткам – пришлось плыть. Взял по три утки в руки и попытался плыть к берегу. Но не тут-то было. Руки с утками не мог оторвать от воды, чтобы сделать взмах. Работая одними ногами, скоро выбился из сил. Пришлось выпустить уток из рук и лечь на спину, чтобы отдохнуть. Затем взял лапы трех уток в зубы, трех уток в левую руку и медленно поплыл на спине к берегу. На берегу меня ожидали комары и мошки. Они с радо-

стью набросились на меня, как на старого знакомого. Обругав их последними словами, оделся и поспешил в лагерь. Дежурным по кухне был Алексей. Валентина-повариха вручила ему уток, чтобы их ощипал и опалил. С неохотой побрел Алексей в сторону от палаток выполнять поручение поварихи. Он часто соглашался вне очереди дежурить по лагерю. Я думал, что он увиливает от тяжелой работы.

Вскоре причина прояснилась. Валя за ужином объявила:

– Поздравьте нас с Алексеем, мы решили пожениться после возвращения из экспедиции.

За столом начался шум, поздравления. Несколько человек одновременно кричали:

– Такой случай надо отметить!

– Если не отметить, сватовство может развалиться!

Николай Филиппович разрешил взять из неприкосновенного запаса по сто граммов спирта.

Валя это предвидела и подала на стол, в дополнение к макаронам по-флотски, жареных карасей.

Ужин затянулся за разговорами и шутками. Событие было не рядовым в однообразной экспедиционной жизни.

– Алексей, расскажи, как ты сумел меня обскакать? – спросил Василий.

– Не надо увиливать от дежурства по лагерю. Ты же говорил, что Валя не в твоем вкусе, тебе

нравится Анастасия Родионовна, – парировал Алексей.

– Ничего я не говорил.

– Говорил, говорил, – вмешалась в разговор Анастасия Родионовна, – но я гордо отказалась.

Она была рада случаю досадить нахальному и самоуверенному Василию. Раздался дружный смех, Василий приумолк.

– Валя, ты не боишься, что он тебя бросит после экспедиции? – спросил кто-то.

– Таких женщин не бросают, – ответил за нее Алексей.

– Конечно, ты любишь поесть, тебя от поварихи не оттянуть, – согласился задававший вопрос.

В разговоре принимали участие все, сидящие за столом, кроме Гоши Карпова. Он был мрачным и неразговорчивым. У него недавно жена родила дочь. Вместо радости его обуяла злость на жену. Ему хотелось сына, а она родила дочь. Прошел месяц, а он не поздравил ее с рождением ребенка. Отправляясь в Салехард за почтой, я каждый раз просил его написать телеграмму или письмо, но безуспешно.

Ночью мне снился сон. Я плыву по озеру, ноги сводит судорога, они проваливаются в холодную воду и тянут меня вниз. Пытаюсь найти какой-нибудь плавающий предмет, чтобы ухватиться за него. Рядом плавают только убитые мной утки,

рука не может дотянуться до них. Ее что-то зажало и она болит.

«Неужели это конец, – мелькнула мысль, – я же прекрасно научился плавать, когда служил на флоте».

Проснулся в холодном поту, сердце учащенно колотилось. Левая рука была прижата телом к холодному металлу раскладушки.

Этот сон я расшифровал как предупреждение: нельзя в одиночку плавать в холодных озерах. Впредь на утиную охоту брал с собой длинный шнур и деревянный посох, который забрасывал в воду дальше убитой птицы и подтягивал его вместе с уткой.

Ловля хариуса

Мне часто приходилось бывать в Салехарде. Всегда не упускал случая посетить своих коллег из института «Ленгипротранс» Фридзона Эдуарда Львовича – главного геолога и начальника экспедиции Чечика Николая Васильевича. Их штаб размещался в длинном бревенчатом здании барачного типа на окраине города, к которому вел деревянный тротуар. На нем всегда как атрибут северных поселков лежали крупные лохматые собаки.

Фридзон и Чечик принимали участие в проектировании «мертвой» дороги, и у них можно было получить интересные сведения. Однажды, прощаясь со мной, Николай Васильевич спросил:

– Тебя не затруднит посетить наших сотрудников, работающих недалеко от вашего отряда?

– Конечно, нет. С удовольствием познакомлюсь с новыми людьми.

К лагерю геологов я подходил во второй половине дня. Заметив вооруженного человека, люди, сидящие у костра, поднялись со своих мест, настороженно замерли, ожидая моего приближенья. Лица были внимательными и сосредоточенными. В этих местах встретить человека большая редкость. Каждый думал, с какой же целью и с какими мыслями идет к ним вооруженный незнакомец.

Я демонстративно переломил ружье, извлек патроны, положил приклад на плечо, держа ружье за ствол. Вместо привычного здравствуйте, произнес:

– Привет от Фридзона и Чечика!

На лицах появились улыбки, ко мне потянулись руки для рукопожатий.

– Когда приехал, что нового в Ленинграде? – меня принимали за представителя их института. Вопросы сыпались один за другим, я не успевал на них ответить. Чувствовалось, что люди соскучились по общению и дому. Улучив момент, сказал:

– Я не из Ленинграда.

На лицах появилось досадное разочарование. На меня смотрели с удивлением, словно Ленинград был единственным городом, из которого в Заполярье может появиться человек.

– Тогда откуда вы здесь взялись?

– Из Игарки.

Разочарование на лицах сменилось на удивление. Мне пришлось рассказать, что лагерь Северо-Обской экспедиции Игарской научно-исследовательской мерзлотной станции находится в пяти часах хода от них.

– Вот вам пакет от Чечика.

– Разве Чечик в Игарке?

– Нет, я недавно был в Салехарде.

Меня пригласили к столу. В полевых условиях от таких предложений не отказываются. Тем более что я проголодался с дороги. Угощали жареным хариусом и чаем с галетами.

– Хорошо живете – ловите хариусов, а у нас ловятся только караси, – с сожалением произнес я.

– Приглашаем принять участие в рыбалке, мы перед вашим приходом собирались идти к реке.

Меня уговаривать не требовалось, я только спросил:

– Какой снастью ловите?

– На кораблик.

Для меня это был неведомый вид лова, и я с удовольствием согласился принять участие в рыбалке.

Солнце уже давно перевалило за полдень. Река на перекате переливалась яркими бликами. Мы по галечной отмели спустились от переката вниз по течению. Рыбаки извлекли из сумки кораблик и начали готовить его к запуску. Я внимательно изучал его устройство. Это был небольшой отрезок доски длиной сантиметров тридцать, с одной стороны заостренный, как нос корабля. В нижней части кораблика крепился свинцовый груз, удерживающий дощечку в вертикальном положении. Сбоку в дощечку было вбито четыре гвоздя, к которым были привязаны жилки, соединенные общим узлом с леской, намотанной на катушку. К леске было привязано четыре поводка с крючками, на которых виднелись искусственные мушки. Кораблик отплывал от берега по принципу воздушного змея. Достигнув середины реки, он стал медленно приближаться к перекату, течение играло мушками, привязанными к поводкам. Внезапно послышался хлопок хвоста рыбы по воде, и кораблик нырнул под воду. Хариус долго боролся за свою жизнь, бросался по реке в разные стороны. Обессилив, он безвольно дал возможность подвести себя к берегу. На галечной отмели в лучах солнца отливалась серебряным блеском крупная рыбина с черными пятнами на боках. Клев был хорошим. Скоро около моих ног лежало десятка два прекрасных, увесистых хариусов. Мне пора было возвращаться в свой лагерь, геологи пред-

ложили взять с собой рыбу, но я отказался, так как хариус – быстро портящаяся рыба, и мне ее не донести в свежем виде. Тогда они нагрузили мой рюкзак соленой рыбой.

Возвращаясь по насыпи железной дороги в свой лагерь, я думал о геологах. Все-таки хорошие они люди. Лямки рюкзака давили мои плечи в подтверждение моих мыслей. При знакомстве они назвали только свои имена, время стерло эти имена в моей памяти, а ловля хариуса сохранилась на всю жизнь.

Характер

День был пасмурным. Хмурые облака низко плыли над Енисеем, моросил мелкий дождь. Порывы ветра бросали в лицо водяную пыль. Мне хотелось достать носовой платок и стереть влагу с лица, но обе руки крепко держали румпель подвесного мотора «Москва». По реке катились темные волны. Я вел «Казанку» к левому берегу, постоянно держа нос лодки поперек волны.

Стоял сентябрь. Для Заполярья – это глубокая осень. Со дня на день подует северный ветер и вместо дождя на землю полетят снежинки. С попутным ветром покинут места гнездовий водоплавающие птицы. Для нас с Николаем Навальным

была последняя надежда поохотиться на уток, которые не успели улететь на юг.

Что-то суровое, властное чувствовалось в природе. Душу взбадривало сознание, что ты способен преодолеть стихию и достичь поставленной цели.

Вот впереди на волне показалось бревно. Пришлось резко отвернуть в сторону, подставив борт лодки волне. «Казанка» накренилась, готовая зачерпнуть воду. Навальный, сидящий на среднем сиденье, бросился к противоположному борту, чтобы выровнять крен. При повороте на прежний курс его отбросило назад. Столкновение с бревном могло закончиться плачевно. В Игарку круглый лес доставляли плотами. Они иногда рассыпались, и течение несло бревна в Северный Ледовитый океан. Берега Енисея в низовье были завалены этими издержками лесозаготовок.

Под левым берегом волны стихли, не чувствовалось порывов ветра, перестал моросить дождь. С облегчением вздохнув, вспомнил разговор, повлиявший на эту поездку.

После длительной командировки я первым делом отправился осмотреть строящиеся объекты. На одном из жилых домов встретил Николая Семеновича Навального. Некоторое время мы работали с ним прорабами в строительном управлении «Игарстрой». Часто вместе ходили на рыбалку. Поздоровавшись, он спросил:

– Какие успехи на охоте?

– В этом году мне не удалось попасть на утиную охоту, – посетовал я.

– Почему?

– Был в командировке.

– Так поехали в субботу на закрытие охоты.

– Какая может быть охота – скоро полетят белые мухи.

– Не волнуйся, есть места, где обязательно будет дичь.

Какой охотник-любитель откажется от такого предложения? И вот теперь мы плыли вниз по течению Енисея в сторону заброшенной деревни Носовая. Я старался держать лодку дальше от берега, чтобы не налететь на мель или корягу. Несколько раз обгоняли плывущие бревна. Енисей гнал их со скоростью около пяти километров в час. Затопленные у берега ветки кустов дрожали под напором воды и кланялись могучей реке.

Навальный внимательно осматривал берег, разыскивая ему одному известные приметы. Когда вдали показались три высокие сосны, он поднял руку и показал направление подхода к берегу. Я заглушил и поднял из воды мотор. Лодка по инерции вошла в устье небольшого ручья. Мы сошли на берег, разминая ноги и выпрямляя спины. Привязали лодку к кусту, взяли рюкзаки, ружья и пошли по еле заметной тропе, которая привела нас к избушке.

– Прежде всего, растопим печь и заготовим дров, – сказал Николай Семенович и присел около металлической печурки, а я, взяв топор, лежащий у двери, отправился на заготовку дров.

Валежник в лесу был очень сырой, пришлось рубить толстые ветки кустов, засохших на корню. Вновь начал моросить дождь. Когда вернулся с дровами, в избушке уже было тепло.

– Кому принадлежит избушка? – спросил у Николая Семеновича.

– Когда-то принадлежала кому-то из охотников деревни Носовой. После того как жители ее покинули, хозяин здесь не появляется.

– Часто ты сюда приезжаешь?

– Каждый год по нескольку раз.

Навальный надел противоипритный непромокаемый комбинезон, накинул капюшон на шапку-ушанку и предложил:

– Пойдем, покажу тебе прекрасные места для охоты.

Раскатав голяшки болотных сапог и застегнув на все пуговицы плащ, я последовал за Николаем Семеновичем. Он бодро шел по тропе, заросшей высокой травой, раздвигал ветки кустов, с которых густо летели капли воды. Его не страшил моросящий дождь и мокрая растительность. Мне пришлось приотстать, чтобы на меня не летели брызги. «Что интересного покажет мне Навальный? – думал я. – И стоит ли из-за этого в такую скверную погоду ездить на охоту?»

Через несколько сот метров мы вышли к большому водоему. Вдоль берега тянулась гряда торфяных бугров, прибрежная полоса заросла осокой, вдали на темной поверхности озера, покрытой рябью, плавала одна-единственная утка. Я достал из-под плаща бинокль и определил:

– Крупная морская чернеть.

– Видимо, подранок, – уточнил Николай.

– Пропадет бедняга, – посочувствовал я утке.

– В природе ничего не пропадает, будет добычей песца или другого хищника. Зверям ведь тоже надо питаться.

– Нам придется подождать, когда она подплывет к берегу и поохотиться на нее, – сказал я с такой интонацией, чтобы дать понять приятелю, что мы зря сюда приехали.

– Пустое занятие, – ответил он, – озеро рыбное, ее корм на глубине, на мелководье нырковая утка не подплывет.

– Кто натоптал тропу вокруг озера?

– Охотники: ранней осенью здесь принято охотиться с подхода. Пойдем к другому озеру, посмотрим обстановку там.

Мы прошли еще мимо двух озер. Видели уток, плавающих на большом расстоянии от берега. Ждать, когда они подплывут к берегу, было делом безнадежным.

– Пойдем в избушку, – предложил Николай Семенович, – вечером отправимся на ближайшее

кормовое озеро, завтра утром сходим еще на одно коронное озеро. Не расстраивайся, где-нибудь найдем уток.

– Зачем мне расстраиваться, с меня довольно того, что увидел прекрасные угодья, на будущий год сюда можно будет приехать на открытие охоты.

Дождь прекратился, налетевший ветерок угнал низкую облачность, погода начала улучшаться.

В избушке мы натопили печь и начали сушиться. Я сушил верхнюю одежду, промокшую от дождя, а Навальный нижнее белье, промокшее от пота. Развешивая рубашку на шнур, протянутый около печи, он ворчал:

– Не буду больше ходить в противоипритном костюме – одно мучение.

– Ты что, надел его первый раз?

– Не первый, но так много, как сегодня, никогда не ходил.

Я посмотрел на его голое тело, которого никогда не касался загар. Он был низкого роста, худощавый, мускулистый, словно вылитый из стали. На лице появились первые морщины, а на голове седина.

Высушив одежду и плотно поев, мы отправились на кормовое озеро.

Поверхность небольшого озера была покрыта водной растительностью, местами виднелись плавающие перья. У берегов росла осока и сплошной

стеной подходили заросли тальников. Мы устроили скрадки в разных концах озера и стали ждать охотничьего счастья.

Через просветы между веток тальника я увидел летящих к озеру гусей. Они летели довольно высоко и не собирались снижаться для посадки. Инстинктивно присел и подумал: «Хоть бы сели на озеро». Когда табунок поравнялся со мной, я прицелился и выстрелил. Один гусь подранком упал на воду. Чтобы было удобнее стрелять, я встал во весь рост и выстрелил, но дробь не причинила ему вреда. Увидев меня, гусь поплыл в сторону Навального.

– Добей! – крикнул я ему.

Николай Семенович дождался, пока гусь подплыл ближе, и выстрелил в подранка.

«Начало есть, – подумал я, – будем ждать следующих». Но гуси больше не прилетали. Когда начало смеркаться, из-за кустов над Навальным вылетел табунок шилохвостей. После выстрела одна утка упала в пяти метрах от моего скрадка и поплыла к берегу.

– Добей! – крикнул Николай Семенович.

Вскинув ружье, я не стал стрелять. Утка уже находилась в двух метрах от меня, и выстрел мог разнести ее в клочья. Схватив палку, с которой не разлучался при ходьбе по болотистой местности, подбежал к ней. Шилохвость нырнула. Не дож-

давшись ее появления на воде, стал ходить по осоке на мелководье, но не смог ее выпугнуть.

К приятелю подошел уже в темноте.

– Почему не добил утку? – спросил он.

– Она была очень близко, думал, что поймаю руками.

Он отвернулся от меня и пошел к избушке, за дорогу не проронил ни слова. В избушке продолжал молчать.

– Перестань дуться из-за какой-то утки. Неужели ты мало терял уток на охоте? Сам же говорил, что песцам тоже нужен корм.

Он упорно продолжал молчать.

– Забери гуся – он твой. Давай не будем ссориться.

В ответ последовало молчание.

Утром, когда я проснулся, его уже не было в избушке. Он ушел на охоту без меня. Мне ничего не оставалось делать, как позавтракать и отправиться по тропе к озеру, на котором плавала чернеть. Продвигаясь по тропе вдоль берега, выпугнул из осоки выводок уток. Они плотной цепочкой поплыли от меня. После выстрела четыре шилохвости остались на воде. Ветер дул в мою сторону, я присел на кочку и подождал, когда их прибьет к берегу. Затем обошел озеро по периметру, надеясь, что еще встречу уток. В избушку пришел рано, напарника еще не было. Повесил уток рядом с

гусем на гвоздь, вбитый в наружную стену избушки.

Навальный вернулся без добычи. Он остановился около моей дичи и долго молча рассматривал ее, но ничего не сказал.

Причалив лодку к берегу в Игарке, я произнес:

– Николай Семенович, забери гуся.

Он молчал. Тогда я развязал его рюкзак и положил в него гуся.

Вскоре я перешел на новое место работы. У меня появились новые друзья – охотники. С Навальным встречались на строящихся объектах, решали производственные вопросы, но не вспоминали совместные охоты и не планировали новых.

Рыбалка на Енисее

Наступил ноябрь с небольшими морозами, днем всего до тридцати градусов. Солнце ненадолго выглянет из-за горизонта, улыбнется своим желто-красным ликом, предвещающим мороз, и закатится за дальний лес.

Для многих этот месяц – предвестник приближения полярной ночи, для рыбаков – долгожданный период ловли сига, который в это время проходит по Енисею на икромет в малые реки. Этой рыбе, чтобы отметать икру, нужна холодная, чистая, проточная вода.

Николай Грохотов, рамщик второго лесопильного завода Игарского лесокомбината, давно собрался в отпуск: приготовил снасти, вещи и ждал срока выезда. Начальник завода с болью в сердце подписал ему заявление. Николай – лучший рамщик не только завода, но и всего лесокомбината. Без него начальник боялся сорвать выполнение годового плана. От мастерства и опыта рамщика зависят качество и объем напиленного пиломатериала, заработок коллектива второго завода.

До работы на лесокомбинате мне приходилось бывать в лесопильных цехах. Я думал, что нет никакой сложности двигать бревно в пилораму с одной стороны и получать доски – с обратной. Ан нет. Оказывается, у каждого бревна при сушке появляется трещина, она хорошо видна в торце и называется метиком. Рамщик должен направить бревно в раму так, чтобы метик был параллельно пилам, иначе в каждой доске будет трещина, и их забракуют. Кроме того, каждое бревно в пилораму должно заходить вплотную одно за другим. Любой разрыв между торцами бревен сокращает объем напиленного материала. Вот такая специальность была у Николая.

Выехали на рыбалку мы поздно – с проблесками утренней зари. Ехать по Енисею без дороги в темноте опасно – можно угодить в майну, выдолбленную рыбаками и занесенную снегом, или укатить не в ту сторону. Лед на Енисее давно окреп,

наш УАЗик легко катился по неглубокому снегу, иногда подпрыгивая на небольших торосах. Путь лежал вниз по реке к заброшенной деревне Носовой. Николай в ней родился, прекрасно знал окрестности и места лова рыбы. Мы планировали за светлое время суток поставить сети, оставить Николая с его другом Сергеем Ивакиным проводить свои отпуска в Носовой, а ночью вернуться домой по своему следу. За рулем машины сидел Володя Архипов – заядлый рыбак и охотник. Среднего роста блондин, щуплого телосложения, он был энергичным и неутомимым. Работая парторгом на лесокомбинате, обладал располагающим к себе общительным характером, знал каждого работника комбината, быстро сходился с людьми. Всех рыбаков и охотников считал своими приятелями. Как только я перешел работать на лесокомбинат – сразу попал в его компанию и вот впервые еду на подледный лов рыбы, любуюсь здешней природой. Правый берег реки высокий, обрывистый, местами с отвесными скалами. Левый пологий берег трудно рассмотреть, он виден черной полосой леса. Ширина Енисея больше пяти километров.

Подъезжая к Носовой, мы увидели картину, достойную кисти художника. Высокий мыс выдвигался далеко в Енисей, на его белоснежных склонах на фоне хвойного леса стояло десятка два бревенчатых домов, покинутых жителями.

– Вот это моя родина, – с грустью произнес Николай. – Машину оставим на льду, я схожу в дом, затоплю печь и примемся за дело.

Он надел лыжи и по занесенной снегом тропе, одному ему известной, стал подниматься по косогору. Мы последовали за ним. Мое внимание как строителя привлекли дома. Они были добротно срублены, стояли в сохранности, с окнами и дверями, на почтительном расстоянии друг от друга.

Тесовые кровли поросли мхом. Дом Николая не был закрыт на замок. Он снял щеколду и вошел в просторные сени. Я остался на улице и рассматривал старинное северное поселение.

При подледном лове требуется много усилий и сноровки, чтобы поставить сеть. Мы прорубили пешней майну – большую прорубь, в которую будет заводиться сеть. Сергей отсчитал от майны пять шагов и пробурил лунку. Бур в его руках играючи прошел через лед, как через масло. Затем передал бур нам с Володей со словами:

– Бурите лунки по прямой линии через пять шагов.

Николай привязал к шестиметровой белой рейке шнур, запустил рейку под лед и палкой с рогулькой на конце направил к пробуренной лунке. Сергей поймал ее крючком и прижал ко льду, чтобы не унесло течением. К нему подошел Николай и рогулькой протолкнул рейку к следующей лунке. Так, продвигая рейку от лунки к лунке, протянули

подо льдом шнур, к которому прикрепили связку из пяти сетей, затянули их под лед и якорями на концах опустили на дно. Местные жители связку из пяти сетей называют «паромом». Николай по традиции своих предков перекрестил майну и произнес:

– Ловись, рыбка, маленькая и большая, не дохлая, а живая.

Местные жители уснувшую в сетях рыбу не берут в пищу. Зимой сети проверяют каждые два-три дня, а летом ежедневно.

Когда мы пришли в дом, печь прогорала. Николай подкинул дров, они весело затрещали, приветствуя нас теплом.

Дом состоял из двух половин, разделенных русской печью. В первой стоял стол, шкаф, висели полки, вдоль стен – тяжелые лавки из толстых плах. В углу – бачок для воды и два ведра. На полу около дверей лежал потертый коврик. Во второй половине кроме металлических кроватей с пружинными сетками ничего не было. «Вот в такой бедноте прожили родители Николая всю жизнь», – подумал я.

Пока я рассматривал обстановку и размышлял, Николай сходил к реке, принес два ведра воды, поставил кипятить чай и воду в кастрюле. Когда вода закипела, насыпал в нее вермишель, открыл охотничьим ножом две консервные банки и выложил говяжью тушенку в кастрюлю. Затем поджа-

рил на сковородке лук, заправил им лапшу, и ужин был готов.

После тяжелой работы на морозе еда казалась необыкновенно вкусной, мы все быстро работали ложками. Сергей, накладывая в свою миску очередную порцию добавки, произнес:

– Завтра будет уха из осетра.

– Ты его сначала поймай, – одернул его Володя.

– Сам попадет, – уверенно сказал Николай.

Я внимательно наблюдал за Сергеем. Большими крепкими пальцами он неловко держал ложку и не спеша отправлял в рот порцию за порцией. Его темные волосы коротко подстрижены, на руках видны следы трудносмываемого мазута. Крупные черты лица и широкий подбородок выдавали в нем волевого человека. О нем мне было известно только то, что он работал бульдозеристом. Высокого роста, широкоплечий, он был олицетворением силы и мужества. «Вот таким крепким человеком должен быть северянин», – подумал я.

– Почему в Носовой нет жителей? – спросил Володя Николая.

– Сегодня трудно прожить охотой и рыбалкой, не каждый год бывает удачным. К тому же нет электричества, нет школы. Детям надо давать образование, вот люди и потянулись к цивилизации. Большинство уехали в Игарку, на предприятиях города – надежные и стабильные заработки. Многие постоянно проведывают родные места, приез-

жают на моторках за ягодами, грибами, порыбачить, поохотиться.

– Когда ты уехал из Носовой? – продолжал спрашивать Володя.

– Ровно двадцать лет назад, в сорок шестом году. Наша семья оставалась здесь последней. Мать с тремя детьми ожидала возвращения отца с фронта. Она боялась, что в городе он нас не найдет. Отец вернулся из госпиталя без одной ноги. Мы радовались долгожданной встрече, не отходили от него ни на шаг. Он был хмур и озадачен, его мучили вопросы: «Как охотиться и рыбачить без ноги? Как прокормить семью?» Мать часто, поставив перед нами тарелки с едой, сидя напротив, подпирала голову руками и смотрела на нас печальными затуманенными глазами. Ее мучили те же вопросы, что и отца. Вскоре мы переселились в Игарку.

Провожая нас в обратный путь, Николай напутствовал:

– Держитесь своего следа, машине легче ехать по колее, быстрее доедете. В следующее воскресенье обязательно приезжайте.

Густая темнота опустилась над Енисеем, свет фар освещал небольшое пространство, за которым стояла стеной темная завеса. Создавалось впечатление, что машина стремится к этой стене, а она, словно издеваясь над нами, убегает все дальше и дальше.

Володя вел машину, а у меня возникали сомнения: правильно ли мы поставили сети, не запутались ли они, какой в них будет улов?

Фары выхватили из темноты песца, бежавшего по колее. Его белая шерсть сливалась со снегом, прыжки были изящными, пушистый хвост покачивался из стороны в сторону. Володя прибавил скорость и стал приближаться к нему. Белый красавец свернул в сторону и легко помчался по снежному покрову. В азарте гонки Архипов свернул за ним, но скоро прекратил преследование и вернулся на свою колею.

– По целине его не догнать, – произнес Володя без сожаления.

– Зачем же ты за ним гнался, ведь ружья у нас с собой нет?

– Интересно было посмотреть на него.

– Тебе интересно, а он страху натерпелся.

– Пускай не ходит по дорогам, впредь умнее будет.

– Зачем он вышел на лед так далеко от берега? – спросил я.

– Это знает только он, вот догнали бы, тогда ты и спросил бы у него... Неделя прошла в ожиданиях поездки в Носовую.

Мы едем по накатанной дороге. За неделю по нашей колее прошло немало машин. Этот участок реки был отведен для любительского лова рыбы. Изредка попадались автомашины, стоящие ближе

к берегу. Около них копошились рыбаки, проверяющие сети. Чаще встречались собачьи упряжки с одинокими рыбаками. В Игарке принято в нарты запрягать по две собаки. При коротких переездах они прекрасно могут везти одного человека с грузом. Мне приходилось видеть, как на собаках возят сено и другой груз. Крупного рогатого скота в городе не держат, а вот кроликов многие разводят. Летом ездовых собак на привязи не держат, они предоставлены сами себе. У меня сложилось впечатление, что собак не очень балуют кормом, поскольку часто можно видеть их на многочисленных помойках.

К Носовой мы подъехали, когда солнечное колесо катилось к горизонту. Николай и Сергей давно увидели в окно нашу машину и вышли встречать на лед. Стояла ясная и морозная погода. Температура наружного воздуха – за тридцать градусов холода. При безветрии такой мороз переноситлся легко. На нас были меховые куртки и брюки, на ногах – унты. У меня мелькнула мысль: «Как в такой холод голыми руками в ледяной воде выбирать рыбу? Можно обморозить руки».

Свои сомнения оставил при себе, делиться ни с кем не стал.

Долбить майну было легко, она не успела глубоко промерзнуть. Подняли со дна якорь, отвязали сеть от шнура, привязанного к якорю, а к сети привязали длинный шнур, за который сети можно

будет вновь затянуть под лед. Затем продолбили вторую майну, подняли конец сети на лед, и мы с Володей начали осторожно выбирать ее. Она моментально смерзалась, в ней бились, отливая белым серебром, сиги. Они были теплее наружного воздуха, и руки от них не мерзли. Из многих вытекала икра, когда их протягивали через ячею.

– Чаще мочите руки в воде, – посоветовал Николай, – не будут мерзнуть.

И действительно, после наружного холода в воде руки отогревались. Рыбы в сетях было много, мне стало жарко, руки не мерзли. Стоя перед майной на коленях, мы как заведенные вынимали рыбу из сети и бросали на лед. Несколько раз приходилось выпутывать кастрюков. Ячея сети была не по ним, и они сильно запутывали сеть.

Заканчивали проверку сетей при свете фар. Николай острым охотничьим ножом распорол попавших налимов, вырезал печень, а их оттолкнул в сторону ногой со словами:

– Пускай полакомятся песцы, а то грызут лед с примерзшей икрой.

Я вспомнил песца, за которым гнался Володя. Он, видимо, вышел на лед полакомиться икрой, примерзшей около лунок.

Сложив рыбу в мешки и погрузив в машину, мы поехали варить уху.

Встреча с эвенками

От ухи из осетрины по дому разносился приятный знакомый аромат и возбуждал аппетит. У плиты орудовал Николай, он знал все тонкости приготовления этого, казалось бы, простого блюда. Когда на столе оказалась большая кастрюля наваристой и душистой ухи, Сергей уже успел мелко нарезать репчатый лук и приготовить строганину из сига. Он потер руки, на его лице промелькнула улыбка от предчувствия хорошего застолья. Николай налил в кружки спирт и произнес:

– С полем, друзья, как говорят охотники.

– Пусть такая рыбалка будет всегда, – поддержал его Сергей.

После мороза в теплом помещении было уютно и приятно сидеть среди друзей. Проголодавшись, мы без остановки работали ложками и обменивались короткими репликами. Постепенно разговор зашел о богатстве здешних мест. Володя спросил:

– Сколько лет, интересно, Носовой?

– Это одному Богу известно, – ответил Николай, – по преданию, ее основали поморы несколько веков тому назад. Они все участки суши, выдвинутые в море, называли «носами». Вот и наш мыс назвали «носом», постепенно название перешло на деревню. Людей привлекало в эти края обилие пушного зверя и торговля с местным населением.

– Значит, ты потомок поморов? – спросил я.

– Возможно, – неуверенно ответил он, – во всяком случае, мой дед и отец родились здесь.

– По твоим словам выходит, что Носовая старше Туруханска?

– Получается, что так. Отец рассказывал про старые времена, когда основным занятием мужского населения был промысел соболя, белки и песца. Добывали пушнины много, у каждого охотника в тайге было свое зимовье, иногда не одно; уходили на промысел надолго, на весь сезон.

– Такая жизнь не каждому понравится, жить полгода без семьи.

– Другой жизни в те времена мужчины не представляли. К семьям периодически выходили из леса, привозили оленину, мылись в бане, общались с семьей и вновь уходили в тайгу. Весной на пароходах приходили купцы из Красноярска, вели обмен муки, соли, сахара и других продуктов на пушнину. Каждый старался запастись продуктами и всем необходимым до будущей весны. Начинался длинный праздник.

Этот разговор навеял на Николая воспоминания, и он неожиданно спросил:

– Знаете, чего бы я сейчас хотел?

– Поведай, узнаем, – сказал Володя.

– Мне хотелось бы оказаться в детстве, здесь, в своем доме.

– А выпить ты еще не хочешь? – с подначкой спросил Сергей.

– Нет, не хочу, – ответил Николай и продолжал: – До войны детство было радостным и счастливым. Мы, ребятня, с нетерпением ждали прихода весны. Вода в Енисее поднималась более чем на десять метров, заливала все низкие места. Прилетали долгожданные гуси и утки, множество различных куликов, их можно было встретить на любой луже. Каких только куликов здесь не было! Например, турухтаны – их воротнички окрашены во все цвета радуги и каждый – наособицу. Я охотился на куличков из лука. Взрослые по весне отправлялись на охоту за гусями. Южнее деревни протекает река Носовая. С подъемом воды в Енисее ее течение устремляется вспять, заливает многочисленные озера и болота, вместе с водой заходит множество рыбы на икромет. Охотники без усилий на лодках, подгоняемых течением, доплывают до тундры. Когда вода начинала спадать, они вновь по течению спускались по реке, привозили гусей и разную рыбу. После длительного отсутствия в селе мужчины шли в бани париться, а для женщин начиналась трудная, но приятная работа. Они теребили гусей, солили и вялили рыбу.

– Вот бы так поохотиться, – мечтательно произнес Володя.

– Кто вам мешает, берите весной отпуск и приезжайте, – сказал Сергей, – только заезжать надо по льду, до ледохода.

– Очень заманчиво, надо подумать.

– Как жилось в войну? – спросил я Николая.

– Мне было четырнадцать лет. В этом возрасте все ребята уже прекрасно плавали на ветках и ставили сети на заливных местах и в озерах. (Ветками называются маленькие лодки, выдолбленные из ствола дерева.) На Енисей нам выплывать запрещалось. Мы и сами понимали, что против течения нам не выплыть. Женщины и старики объединились в артель, ловили рыбу для фронта. Хлеба практически не было, жили на рыбе и ягодах. Собирать ягоды входило в обязанности детей, матери были заняты в артели. Бруснику и клюкву хранили в бочках, заливая водой.

– Гнус не заедал?

– Не помню, чтобы мы боялись гнуса. Отпугивающих средств не было, девочки повязывались платками, ребята носили куртки с капюшонами. Наверное, был иммунитет от комаров и гнуса.

В жарко натопленном помещении меня разморило и потянуло ко сну. Я оделся и вышел на крыльцо охладиться.

Небо было усыпано звездами, ярко блиставшими на фоне темно-голубого неба, полная луна заливала нежным желтым светом белоснежную равнину Енисея. Мороз крепчал, время от времени

слышались глухие разрывы трескающегося льда. Узкая полоска неба на северной стороне, в районе Дудинки, светилась мягким ровным светом. Внезапно из-за горизонта прорвались вверх зеленовато-желтые стрелы могучих «прожекторов» северного сияния. Они становились все ярче и ярче, то разрастались, то судорожно сжимались, вспыхивали и гасли. Наконец, вся северная сторона неба была захвачена холодным пожаром. Стало светлее, отчетливее просматривались очертания противоположного берега реки.

Торжественное безмолвие полярной ночи нарушил звон колокольчиков, приближающийся с юга. По Енисею поднималось облако снежной пыли от копыт многих оленей. Они неслись, как птицы, едва касаясь копытами снега, их ноги мелькали, как спицы в колесе, сливаясь в одну плоскость. На звон колокольчиков на крыльцо выскочили мои друзья. Заметив людей у дома, ездоки хореями – длинными палками – направили оленей к берегу и остановились против нас. Животные тяжело дышали, из ноздрей струился пар, шерсть серебрилась инеем. С нарт поднялись люди, похожие на копны сена. Они были облачены в национальные одежды до пят, которые шились из шкур оленей мехом наружу с капюшоном и пришитыми к рукавам рукавицами . Мех заиндевел и отливал в лучах луны желтым цветом. В таком одеянии невозможно было отличить мужчин от женщин. Я насчитал

девять нарт. На пяти ехали люди, на четырех – походный груз. Несколько десятков запасных оленей остановились около нарт, не пытаясь куда-то убежать.

Поздоровавшись с приезжими, мы пригласили гостей в дом.

У порога они сняли через головы сакуи и бросили их на пол у дверей. В такой одежде удобно ехать на нартах: ветер не продувает и не страшен любой мороз. Только теперь мы смогли их рассмотреть. Это были две семейные пары. Одной чете было за тридцать лет, с ними был сын двенадцати лет. Второй чете было за двадцать. Долг гостеприимства – первым делом накормить гостей. Мы пригласили их за стол. Сергей принес мороженого сига и собрался его строгать.

– Не надо строганины, рубанина лучше, – сказал старший эвенк.

Он взял из рук Сергея сига, положил на порог и обухом топора, держа рыбу за хвост, стал ее бить. Затем ножом разрезал кожу по спине, развернул и положил на стол. Перед нами лежала измельченная мороженая рыбная масса, отделившаяся от кожи и костей.

Николай на правах хозяина взял в руки бутылку спирта и спросил:

– Спирт разводить водой надо?

– Однако, чистый пить нам надо, – послышался ответ.

– Женщинам тоже не разводить?

– Однако, надо развести.

Я спросил, шутя, надеясь на отрицательный ответ:

– Ребенку тоже наливать?

– Однако, надо, он уже большой.

– Не разводить? – спросил Николай, удивленный предыдущим ответом.

– Однако, надо развести.

Гости вели себя свободно и независимо, как будто были с нами давно знакомы. Попросили принести еще рыбы, протягивали кружки для следующей порции спирта.

Я пытался понять: это детская наивность или бесцеремонность? Окончательного вывода не сделал.

Одежда мужчин мало чем отличалась от нашей. Скинув сакуи, они оказались в ватных фуфайках и ватных брюках, которые можно купить в любом магазине. Под фуфайками были надеты простенькие хлопчатобумажные пиджаки и рубашки. На ногах торбаса, которые иногда называют броднями. Они шьются из хорошо выделанного камуса, снятого с оленьих ног, как болотные сапоги, доходят до паха и привязываются к поясу сыромятными ремешками.

Мужчины были ниже среднего роста, худощавые, лица округлые, смуглые, с широкими скула-

ми. Темные глаза глубоко в глазницах, носы небольшие, широкие.

Одежда женщин имела национальный колорит. Кухлянки из оленьих шкур расшиты бисером, под ними надеты камлейки – матерчатые кофточки. На ногах красовались унты, расшитые бисером и красно-синими матерчатыми треугольниками.

Младшая женщина с азиатским типом лица, слегка раскосыми глазами, походила на японку и была очень красивой. Сергей не сводил с нее глаз. Она это чувствовала, но не смущалась и вела себя непринужденно. После первого тоста, за знакомство, на ее щеках появился румянец, лицо оживилось.

За столом велся разговор о рыбалке, об охоте. Они неплохо говорили на русском языке.

– Из каких краев путь держите? – спросил Володя.

– Однако, ездили в Игарку, сдали пушнину, купили товара и возвращаемся в свое стойбище.

– Далеко вам еще ехать?

– Однако, два перехода.

Эвенк никогда не скажет сколько километров. Расстояние у них измеряется переходами, которые очень разные, зависят от времени года, состояния погоды, наличия в пути корма для оленей.

Немного выпив, поев ухи, молодая эвенка встала из-за стола со словами:

– Надо ребенка кормить, – и направилась к дверям.

Ее соплеменники никак не прореагировали на эти слова. Я подумал, что не понял ее слов. Мальчик сидит за столом и с удовольствием ест уху. Не может же на сорокаградусном морозе быть еще ребенок.

К моему удивлению, женщина принесла с улицы мешок из оленьей шкуры, развязала его и достала грудного ребенка. Затем села на табурет около стены, не стесняясь нас, расстегнула одежду, достала полную, налитую молоком грудь и стала кормить ребенка.

Первоначально мне пришла в голову мысль, что она это делает демонстративно в отместку Сергею: «на, мол, смотри какая я, коли пялил на меня глаза».

Ребенок чмокал и с наслаждением сосал грудь, на лице матери расплывалась счастливая улыбка.

Я вспомнил слова классика, что нет ничего приятнее, чем видеть молодую красивую мать со здоровым ребенком на руках. Мы присутствовали при таком случае. Периодически бросал взгляд на кормящую мать.

Мои сомнения разрешились: эвенки скученно живут в одном чуме и не стесняются того, что естественно. Любопытство заставило меня осмотреть мешок. В нем стояла плетеная корзина с сухим мхом на дне. Для воздухообмена в мешке

прорезано круглое отверстие размером в трехкопеечную монету и окантовано тонким сыромятным ремешком.

Накормив ребенка, молодая мать положила его в корзину, плотно завязала мешок сыромятным ремнем и понесла на улицу.

– Поставьте мешок к печи! – закричали одновременно Володя и Сергей. Женщина молча вышла за дверь. Вторая эвенка пояснила:

– В тепле оставлять ребенка нельзя, в дороге может заболеть.

Вот так жители севера закаляют своих детей с детства. Эвенк в своем сакуе в любой мороз может выспаться в снегу и не заболеть.

– У тебя есть с собой деньги? – спросил меня Володя.

– Рублей тридцать есть, зачем они тебе?

– Давай купим молодого оленя, привезем домой рыбу и мясо.

– С удовольствием, если продадут.

Мы уже знали имена гостей. Старшего звали Сэпак, младшего Кога. Женщин Кыта и Лутта. В именах ударение должно делаться на первый слог.

– Сэпак, – обратился к нему Володя, – продайте нам молодого оленя.

– Олешка продать можно, – не задумываясь, ответил Сэпак.

Ужин давно подошел к концу, все мужчины оделись и толпой высыпали на улицу. На небе яр-

ко горели звезды, ночное светило заливало бледным желтым светом окружающее снежное пространство. Все олени стояли или лежали около нарт. Николай с Сергеем пошли к табуну помогать выбрать упитанного оленя. Испугавшись незнакомых людей, табун стал разбегаться, все бросились ловить жертву. В результате переполоха и неразберихи оказались заколотыми два оленя. Одного зарезали Сэпак и Кога, второго Николай с Сергеем.

Эвенки не горевали, они были согласны продать двух оленей. В считанные минуты, освежевав туши, Сэпак ладонью стал пить теплую кровь, Кога вырезал у оленя почку, прикусил ее зубами и быстрым движением ножа отрезал около губ. Так кусок за куском он съел всю почку. Меня не удивила привычка эвенков к сырой пище. Возник только вопрос: почему Кога предпочел почку нежной печени?

Вернувшись в дом, я спросил: «Сколько надо денег за мясо?»

– Шестьдесят рублей, – был ответ.

– У меня только тридцать, придется взять одного олешку.

– Бери оба, пиши свой адрес, мы заедем.

Гости стали собираться в путь. Мы предложили переночевать в теплом доме, но они отказались наотрез.

– Почему вы не хотите остаться? – спросил Володя.

– Олени голодные, надо доехать до тундры, там они будут кормиться.

– Как вы будете ночевать при таком холоде?

– Поставим палатку.

Для эвенков ночевать зимой было привычным.

Мы все вышли провожать новых знакомых. После пожатия рук они уселись каждый на свою нарту, взмахнули хореями, раздался гортанный крик, и олени помчались по просеке, проложенной через прибрежный лес в тундру. В морозном воздухе тревожно звенели колокольчики. На душе у меня остались грусть и печаль.

Охота на гусей

1

Перед ледоходом мой приятель Володя Архипов предложил составить ему компанию на охоту. Он в Игарке жил несколько лет и знал, что с ледоходом, по чистой воде, начинается прилет уток и пролет гусей дальше на север. Мне еще не приходилось добывать гусей, я давно мечтал принять участие в такой охоте, чтобы подержать в руках достойный трофей. С радостью согласившись,

стал готовиться. Несколько раз звонил Володе, чтобы узнать, какое снаряжение надо брать с собой. Выход на охоту за водоплавающей дичью, по снегу и льду замерзшей реки, для меня был интересным и интригующим.

Через несколько дней мы погрузили на нарту, сделанную на полозьях из лыж, легкую дюралевую лодку, складывающуюся конвертом, уложили в нее рюкзаки, ружья, лыжи и другое снаряжение, накинули на плечи петли веревок, привязанных к нарте, и двинулись в путь. Наш маршрут лежал по занесенному снегом льду Енисея вверх по течению к острову Гусиному. Спустившись по дороге на лед Игарской протоки, надели лыжи, так как ноги часто проваливались через снежный наст и снег попадал в унты. Миновав протоку, увидели просторы могучей реки. Левый берег едва просматривался вдали узкой черной полоской росшего на нем хвойного леса, правый был крутой и высокий. Всю поверхность реки покрывали огромные и высокие сугробы, нанесенные и уплотненные ветрами, гуляющими на бескрайнем просторе. Нарта легко скользила по насту; лыжи, как на льду, часто разъезжались в стороны, и нам приходилось обходить высокие сугробы, так как мы не могли преодолеть крутые подъемы.

Стоял полярный день, солнце в это время года не заходит за горизонт, и уже сильно припекало. Нам стало жарко в наших меховых шубах, при-

шлось их снять и бросить в лодку. На миг мне показалось, что мы – две черные песчинки в бескрайнем океане белого простора, которые могут легко затеряться в этой ослепительно белой пустыне. Другое чувство – радости и гордости – было сильнее промелькнувшей слабости. Я чувствовал себя путешественником, открывающим новые, не известные мне места, вспоминал героев из произведений Джека Лондона, которые двигались по «белому безмолвию» к намеченной цели.

Володя говорил без остановки. С первых шагов он дал мне понять, что не новичок в этих местах. Я не собирался оспаривать его лидерство, внимательно слушал и молчал. Много говорить – это была его профессия. Он работал секретарем партийной организации лесопильно-перевалочного комбината. Закончив в Ленинграде лесотехнический институт, по распределению был направлен работать в Игарку начальником лесопильного цеха, очень хорошо себя проявил и был избран секретарем парторганизации комбината. В то время ему шел тридцать третий год. Высокий худощавый блондин с зачесанными назад волосами, он имел строгое выражение лица, решительный и энергичный характер. Вместе с тем был добрый и отзывчивый человек.

В те годы население очень интересовалось книгами. В единственном в городе книжном магазине всегда стояли очереди за подписными изданиями.

Люди стремились получить подписку на новые книги. Все население города знало директора книжного магазина Людмилу Михайловну. Неожиданно она скончалась от сердечного приступа. Сиротой осталась ее семилетняя дочь. Архиповы, имея двоих детей, не задумываясь взяли девочку к себе и со временем удочерили.

...Ближе к полудню мы подошли к широкой пойме реки Большой. Невидимое русло реки проходило межу высокими берегами, поросшими хвойным лесом, вся пойма была занесена снегом, из сугробов торчали только вершины кустарников. На высоком мысу среди хвойного леса стояла избушка, занесенная с одной стороны снегом до крыши. Когда мы поравнялись с избушкой, из нее вышел человек и стал смотреть в нашу сторону. Он, видимо, увидел нас через маленькое окошко, обращенное в сторону Енисея. С большого расстояния разглядеть человека не представлялось возможным.

– Надо навестить старика, – сказал Володя, и мы потянули нарту к берегу.

На просторах бескрайнего севера люди редко встречаются в пути. Здесь не принято, как в городах, незнакомым людям проходить мимо, не поприветствовав друг друга. Любой путник, увидев стан или просто костер, обязательно свернет к нему, чтобы узнать новости и поделиться своими.

Оставив нарту у кромки берега, мы стали подниматься по крутому склону к избушке. Нас встретил невысокого роста худощавый с широкими скулами пожилой эвенк. Его лицо со следами оспы изрезали глубокие морщины. Наряд состоял из потертой безрукавки, сшитой из оленьих шкур, хлопчатобумажных брюк с заплатами, на голове треух из песца. Мягкие торбаса из оленьих шкур доходили почти до паха и держались на тонких ремнях, привязанных к поясу.

Поздоровавшись с нами за руку, он жестом пригласил в избушку. В избушке на плите уже кипел чайник, рядом суетилась пожилая хозяйка. Мое внимание привлекла ее голова без признаков волос. Она спохватилась, поспешила к кровати, где лежала косынка, и повязала ею голову. Долг гостеприимства требовал накормить путников, только затем расспрашивать, не проявляя назойливости. Если гость захочет, он сам обо всем расскажет.

Вскоре на столе появилась оленина и мороженая рыба. Володя достал из внутреннего кармана бутылку спирта.

– Однако, я тебя знаю, – обратился хозяин к Володе.

– Два года назад я гостил у вас с друзьями, когда весной шли на охоту.

– Однако, на Гусином охотились?

– В тот год мы вовремя попали на остров, охота удалась. Не знаю, повезет ли в этом году?

– Однако, рано идете, вода опоздает.

– Кто-нибудь проходил на Гусиный? – спросил Володя.

– Мы со старухой не видели, может проходил.

– В избушке против острова кто-нибудь живет?

– Живет вербованный. Мой путик проходит недалеко, я иногда навещаю его. (Путиком называют лыжню, проложенную по кругу, вдоль расставленных капканов и ловушек. По ней охотник периодически обходит и осматривает капканы.)

– Скажи, удачная в этом сезоне охота?

– Соболюшка был, песца проходило много, откормил двадцать штук.

...Осенью, до ледостава, вдоль Енисея идет массовая миграция песцов из тундры в лесную зону Заполярья. В это время песец еще не вылинял, не превратился, как заяц, из серого в белого. Местные жители часто используют запрещенные способы лова. На участках, где крутой берег близко подходит к воде, строят деревянный забор, в котором оставляют несколько проходов, против которых ставят клетки-ловушки. Песец, попав в клетку, захлопывает за собой дверцу. Пойманных песцов пересаживают в заготовленные клетки и откармливают рыбой до готовности меха...

– Скажите, пожалуйста, – обратился я к старику, – вас часто навещают люди?

– Хорошие люди часто. Несколько лет назад, перед пожаром в городе, заходил плохой человек. Я его сначала не узнал. Высокий, стройный, старый и седой. Знакомым показался шрам на левой щеке от глаза до подбородка. Сказал, что геолог, у них в экспедиции человек заболел, надо вывезти вертолетом. Попросил у меня лодку добраться до Игарки. Дал я ему лодку, как не дать в таком случае? Когда город загорел, я вспомнил, что видел его в отряде белых офицеров, прибывших на пароходе «Енисейск». Они отобрали у меня оленей.

...После захвата власти в Сибири Колчаком большевики и красноармейцы из Красноярска отступили на пароходах вниз по Енисею. Белогвардейцы на пароходе «Енисейск», вооруженном пушкой и пулеметами, бросились в погоню. Многие суда потопили. Высадившихся на берег большевиков разыскивали по станкам и расстреливали...

Я обратил внимание, что у местных стариков крепкие, целые зубы, они уверенно ими перемалывают твердую оленину. В рационе эвенков не бывает овощей и фруктов, но они не болеют цингой. Это объясняется тем, что они постоянно едят сырое мясо и рыбу.

Хозяина избушки звали Тэтако, что в переводе на русский язык означает оленевод. Родился он в начале века во время массового отела оленей. У эвенков часто имя ребенку давали в зависимости

от событий, места и времени его появления на свет. Это было задолго до революции, много воды утекло в Енисее с тех пор, сильно изменился облик здешнего края. Немало повидал на своем веку и Тэтако, помнил купца Хасавако, который торговал с эвенками в низовье Енисея. Привозил ружья, боеприпасы, капканы, муку, сахар, ткани, бисер. У купца было русское имя, но его было трудно произносить. За высокий рост и крепкое телосложение его стали звать Хасавако, что означало крупный мужчина.

Среди женщин очень ценился бисер. Им вышивали узоры на унтах и кухлянках – куртках из оленьих шкур. Свой товар купец менял на пушнину. Эвенки всегда оставались в долгу, который записывался в долговую книгу. Поскольку все жители были безграмотными, они не ведали, что записывает купец в книгу. Должников заставлял отрабатывать на рыбных промыслах. Каждый год в Енисей заходит туруханская селедка. К Игарке она подходит в конце сентября, когда навигация по Енисею закончена. Купец свозил должников летом в низовье реки на Бреховские острова. Необитаемые острова оживлялись, появлялись чумы, шалаши, всюду дымились костры. Многие приезжали семьями. На песчаных отмелях периодически делались пробные тони – ждали подхода рыбы.

Селедку ловили ночью сплавными сетями. При массовом подходе она попадала почти в каждую

ячею. При подъеме сети, особенно в лунную ночь, она казалась сплошной живой стенкой, трепещущейся и отливающей серебром на фоне темной воды. Выбирать рыбу приходилось очень долго. Редко удавалось за ночь сделать две тони. Пойманную рыбу солили в бочках.

Осетров и стерлядь ловили ставными сетями с крупной ячеей. С этой рыбой надо быть осторожным. Попадались экземпляры, которые могли не только перевернуть лодку, но и утащить с собой в воду рыбака, запутавшегося в сети. В таком осетре икры было больше ведра. Улов сдавали купцу. Тэтако попадал в большие долги к Хасавако и был его работником.

Простившись с гостеприимными хозяевами, рассказавшими нам историю своей жизни, мы покинули их убогое жилище, всю обстановку которого составляли две кровати, прикрытые выделанными оленьими шкурами, стол и табуреты.

Впрягаясь в нарту, я спросил Володю:

– Почему женщина лысая? Как давно они живут в этой избушке?

– Это любовная история.

– Разве от любви лысеют? – удивился я.

– У нас время есть, послушай эту северную байку.

У Тэтако была невеста, они собирались жениться, обзавестись своим чумом. Уезжая с купцом, Тэтако обещал вернуться. Вернулся он через

два года с Лондрой, ребенком и табуном оленей. Бывшая невеста затаила злобу на свою подругу. После долгих скитаний у Лондры появилась перхоть на голове, черные волосы были обсыпаны, как мукой. Подруга посоветовала ей мыть голову отваром из кедровых орехов, хвои и еще каких-то трав. После мытья головы таким отваром Лондра облысела. Подруга думала, что Тэтако бросит жену, но это было не в обычаях эвенков.

– Почему они живут в этом неуютном месте? – продолжал я расспрашивать товарища. – Наверное, получают пенсию, могли бы жить в городе.

– Ты видел хоть одного эвенка, живущего в городе? – задал в свою очередь мне вопрос Володя.

– Нет, не видел.

– Ты сам ответил на свой вопрос. Эвенку нужен чистый воздух, окружающая природа без посторонних людей, возможность заниматься привычным делом: охотой и рыбалкой. Этот район был родовым участком его племени. В нескольких километрах от Енисея тянется ягельная тундра. Там паслись олени его рода. По реке весной поднимается на икромет много всевозможной рыбы. В лесу водится много всякой дичи. Тэтако последний человек из своего рода, он не хочет покидать родные места. Лес знает лучше, чем мы порой свою квартиру. Оленей у него давно нет, поселился на берегу Енисея, чтобы было можно сплавляться по воде в город для сдачи пушнины и за продуктами.

Я смотрел на широкую долину реки Большой, на высокий берег, заросший хвойным лесом, и думал: смог бы я всю жизнь прожить в таком месте без общения с людьми? Сам себе ответил: нет, не смог бы. Мы, люди, выросшие в городах, любим окунаться в лоно природы. Это желание заложено в нас как зов предков. Однако, оказавшись по велению сердца вдали от городского шума и суеты, нас начинает тянуть к себе город. Так и эвенк не может жить в городе, его тянут к себе родные места.

Путь до острова Гусиного нам давался довольно легко. Поднимаясь на пологие сугробы, мы скатывались на лыжах, как в детстве с горок. Груженая нарта стремилась догнать нас и подтолкнуть вперед. Приходилось разъезжаться в стороны и пропускать ее вперед. Когда вошли в протоку между островом и берегом, начали попадаться торосы. Отдельные кучи тонких ледяных пластин, поставленных торчком, были высотой около метра. Приходилось приподнимать нарту за переднюю часть и перетаскивать через торос. Вскоре нам пришлось взять в руки топоры и скалывать высокие торосы. Лед легко поддавался топорам и рассыпался на мелкие куски. Рубить лед было легче, чем втаскивать на него нарту. Яркие солнечные лучи, отражаясь от снега, множества ледяных зеркал, слепили глаза, приходилось жмуриться и смотреть через узкие щелки глаз. Наши лица покрылись

красным загаром, от него болезненно саднила кожа на носу и скулах. Володя предусмотрительно взял с собой черные очки и не испытывал неприятных ощущений, которые испытывал я. К концу дня мы подходили к избушке, стоящей среди леса на правом берегу Енисея. Через неширокую протоку в лучах яркого солнца красовался остров, на котором нам предстояло охотиться.

Нас вышел встречать человек, лицо которого страшновато заросло густыми черными волосами. Только по выражению его глаз можно было угадать, что он не старше нас. Наш визит его обрадовал, видимо ему надоело одному коротать длинную зиму. Познакомившись, мы попросили у Василия, так он представился, согласия пожить в избушке несколько дней.

– Только через ресторан, – улыбаясь, ответил он.

– Нет проблем, впрягайся в нарту, поедем в город, завтра вернемся, – пошутил Володя.

– Заходите в дом, – предложил Василий, – там обсудим все проблемы.

Избушка была просторной, вдоль двух стен расположены широкие нары, у окна, выходящего в сторону протоки, – стол. В центре располагалась металлическая печь, пышущая жаром. На столе стояли чисто вымытые жестяные и стеклянные банки, разнокалиберная посуда, закопченный алюминиевый чайник, кастрюля и другие предме-

ты кухонного обихода. Хозяин не стремился к домашнему уюту, чувствовал себя временным жильцом.

Василий завербовался в Игарку на сезон навигации морских судов по Енисею. Работал стивидором. Так называются рабочие, ведущие погрузку леса в морские суда. Работа ему нравилась, в бригаде подобрались крепкие парни, погрузку судов всегда заканчивали раньше установленного срока. Заработки были высокими, за сокращение срока погрузки получали премиальные, которые порой составляли половину всего заработка.

Перед отъездом из Игарки, как он нам сказал, его в общежитии попутал бес. Бесом оказался картежный шулер, которому он проиграл весь заработок. Денег на билет не осталось, пришлось наняться работать в горкомхоз, чтобы прожить до будущей навигации. Ему предложили жить в этой избушке и заготавливать метлы, черенки для лопат и топорища...

На следующий день мы надели лыжи, взяли лопаты, профили гусей, изготовленные из фанеры, окрашенной в черный цвет, и покатились с горки на протоку, чтобы пересечь ее и на острове подготовить место для охоты. На берег острова поднялись легко, так как метели сравняли его со льдом протоки. Берега острова заросли тальником и ивами, центральная часть представляла снежную равнину с проталинами, на которых виднелись кочки,

покрытые мхом и травой. Володя выбрал место по знакомым ему приметам, мы воткнули в снег два «табуна» профилей, недалеко от них подготовили укрытия из снега. Снег легко резался лопатой на блоки, которые укладывались полукругом вокруг будущего скрадка...

Через день ожидания мы услышали звуки ломающегося льда и шум приближающегося ледохода. Захватив с собой лодку, мы поспешили на остров. Ледоход стремительно проходил мимо острова, появилась чистая вода, по которой плыли льдины. За сутки в природе произошли изменения: весна сменила зиму. Над водой носились табуны уток. Они догоняли ледоход и возвращались назад. Над островом и вдали над материковым берегом стали пролетать табуны гусей. Они летели с криком, приветствуя свою родину. Я не видел ни одного табуна, который бы пролетел молча. Большинство табунов шли на большой высоте, вне досягаемости выстрела. Володя периодически издавал гортанные звуки, имитируя крики гусей. Неожиданно для меня один табун начал снижаться, сделал разворот над островом и устремился к Володиным фанерным гусям. Володя произвел два удачных выстрела. Вскоре табун гусей пролетел около меня, мне удалось одного сбить. Он упал в заросли тальника на берегу острова. Обрадованный, я поспешил за ним. В кустах снега было по пояс, пришлось ползти на животе, цепляясь рука-

ми за ветки. Пока я доставал свою добычу, Володя произвел несколько выстрелов.

Добытого гуся я положил на снег около профилей, воткнул рядом ветку тальника и поднял на нее голову гусака. Сидя в скрадке, постоянно поглядывал на него и радовался первой добыче.

Гуси стали чаще пролетать над островом. Заметив профили, они начинали снижаться и парить в нашу сторону – «кораблить», как говорят охотники о таком полете. Стрелять приходилось в летящий табун навстречу. Первый выстрел у меня был удачным, так как прицеливался заблаговременно и, подпустив табун на дистанцию убойного выстрела, нажимал спусковой курок. Скорость гусей была очень большой, второй выстрел приходилось делать над головой и промахиваться. Володя поступал иначе: сбив гуся, летящего навстречу, он быстро поворачивался к табуну спиной, второй выстрел производил вдогонку улетающей стае, сбивая второго гуся. Он дважды сделал дуплет. Я перенял его опыт и тоже выполнил дуплет.

Когда пролет гусей прекратился, мы собрали и подсчитали свои трофеи. У нас было двенадцать гуменников. Это один из самых крупных видов гусей.

Наша предусмотрительность – взять с собой лодку оказалась не напрасной. Между островом и берегом вода шла по поверхности льда. Протока была мелкой, видимо, лёд промерз до дна. К из-

бушке мы добрались на лодке, загруженной гусями. На следующий день решили возвращаться домой. Удовольствие мы получили, через день надо было выходить на работу. Погрузили в лодку гусей, ружья, рюкзаки. Все продукты оставили Николаю. Он пришел на берег нас проводить. Простившись с гостеприимным хозяином избушки, мы стали усаживаться в лодку, он ее придерживал, чтобы устойчиво стояла на воде.

– Смотрите не зачерпните бортами воды, лодка, изрядно осела, – предупредил он.

Нарту пришлось поставить поперек лодки, на борта. Она прикрыла уключины, грести распашными веслами не представлялось возможным. Я сидел в корме лодки и управлял одним веслом. Течение быстро несло лодку, веслом приходилось ее направлять и обходить плывущие по Енисею льдины. В какой-то момент я представил себя куперовским Зверобоем, плывущим на пироге к озеру Онтарио. Эту мысль быстро отогнал от себя, так как Зверобой плыл по реке, берега которой были заросшими густым зеленым лесом, а берег, который видел я с правой стороны, был покрыт белым, сверкающим на солнце снегом. Зверобой мог в любой момент искупаться в теплой воде и выплыть на берег, а мне надо было быть очень внимательным, чтобы не столкнуться с плывущими льдинами и не перевернуть лодку. Оказаться в

ледяной воде в тяжелой зимней одежде означало верную гибель.

По Игарской протоке ледоход еще не начался, пространство перед островом и протокой было забито льдинами. Нам пришлось осторожно поставить на лед нарту, затем высадиться самим на льдину и вытащить лодку. Дальнейший путь проходил по качающимся под ногами льдинам. Для перехода со льдины на льдину выбирали участки их плотного соприкосновения. В одном месте перед нами оказалось водное пространство, которое нельзя было обойти. Пришлось спустить на воду лодку. Выбравшись вновь на лед, мы зашагали к протоке и через несколько сот метров оказались на устойчивом льду. Я с облегчением вздохнул: через десять километров мы будем в городе. Там меня ждали жена и дети, теплая встреча и обстоятельные расспросы об охоте.

2

Заканчивался май. Днем ярко пылало солнце, а по ночам случались заморозки. От снега очистились только проезжие дороги, а во дворах, с северной стороны зданий, лежали высокие сугробы. Наша троица: Архипов, Морозюк и я готовилась к весенней охоте. Закупили патроны с крупной дробью, обновили фанерные профили гусей, составили список вещей, которые необходимо взять с со-

бой. Мы решили, не дожидаясь прилета гусей, завезти к месту охоты груз и построить скрадок на троих.

Рано утром водитель на автомашине провез нас по мертвой дороге километров пять от города и остановил автомашину перед разрушенным мостом. Он помог выгрузить нарту, лыжи и тяжеленный рулон широкой транспортерной ленты, подал наши рюкзаки, пообещал приехать за нами ровно через сутки и укатил в город. Мы стояли на высокой насыпи дороги и рассматривали местность. На гравийном полотне дороги снег давно растаял, а в лесу сверкал своей белизной. Морозюк в этом месте бывал не раз, и я полностью полагался на него. Он спустился с насыпи, стал ходить вдоль леса и разыскивать затес на дереве. Когда затес был найден, мы перенесли к нему наш груз, уложили на нарту, надели лыжи и по крепкому насту двинулись за Виктором, который шел впереди и разыскивал еле заметные на деревьях затесы, сделанные когда-то первопроходцами. Нарта легко скользила по насту, мы с Володей без усилий ее тянули за веревки. Приходилось только следить, чтобы она не зацепилась за деревья. Часа через полтора затесы вывели нас на тундру, тянувшуюся с юга на север между лесными массивами. Она была покрыта снегом, за исключением торчавших из снега торфяных бугров. Зимой с них ветрами

сдувается снег, и они раньше окружающей местности оттаивают под лучами весеннего солнца.

– Никаких признаков прилета гусей, – сказал Володя, осматривая местность.

– Мы идем не охотиться, а строить избушку для будущей охоты. Когда гуси полетят, строить избушку будет поздно, – ответил ему Морозюк.

Виктор направился к самому большому бугру в средней части тундры, мы с Володей потянули за ним нарту. На одном из бугров я заметил разломанную нарту.

– Смотрите – нарта! – воскликнул я. – Давайте подойдем, посмотрим.

– Не вздумай в тундре подходить к брошенной нарте, – предупредил Виктор, – местные жители хоронили покойников, оставляя их в тундре на нартах, чтобы они сами продолжали путь к «верхним людям». Возле таких мест могут быть заразные бактерии.

Мы разгрузили нарту около облюбованного Виктором бугра и отправились к молодому березовому колку за жердями. В колке и на его кромке были видны следы оленей.

– Удобное место для охоты загоном, – мечтательно произнес Володя.

– Всему свое время, – сказал Виктор, – нам надо устроить себе жилье.

Когда жерди были доставлены, мы вбили на вершине бугра четыре кола по углам квадрата два

на два метра. Затем устроили из жердей три лежанки на низких кольях вдоль трех сторон с внутренней стороны квадрата. После этого принялись за устройство наружных стен. Транспортерным ремнем обмотали колья на высоту до полутора метров. В считанные минуты стены были готовы. Крышу сделали частично из ремня, частично из брезента. Брезент можно было наматывать на палку или быстро откидывать на крышу вместе с палкой. Образовавшийся в крыше проем служил входом и бойницей для стрельбы по гусям. Привезенную жестяную печурку установили в центре помещения, трубу вывели через крышу.

– Теперь надо заготовить дрова и опробовать печь, – предложил Виктор.

Захватив топор и пилу, мы двинулись на лыжах к лесу. Солнце успело размягчить снежный наст, лыжи глубоко проваливались в снег. Пришлось по очереди протаптывать лыжню. Ненагруженные нарты легко скользили по снежной поверхности. Я оглянулся назад и не увидел нашей избушки, ее черный цвет слился с черным торфяником. На фоне снега, с южной стороны бугра, красовались два табуна гусиных профилей.

Нагрузив свой транспорт сухими и сырыми березовыми дровами, которые горят жарче и дольше, мы отправились в обратный путь. Груженая нарта проваливалась в снег, несмотря на то, что мы перед ней протаптывали дорогу лыжами. Наш

добровольный труд был не из легких. Я тянул лямку, привязанную к нарте, и размышлял: «Все наши усилия ради того, чтобы несколько раз выстрелить по гусям. Вполне возможно, что не удастся добыть ни одного. Интересно, согласился бы городской житель, не охотник, выполнить за деньги все, что делаем мы без принуждения. Нет, не согласился бы», – подытожил свои размышления.

Печурка быстро разгорелась, пламя играло на сухих дровах, пытаясь выскочить в небольшую щель около дверцы.

– Поленья придется готовить короче, чтобы дым не выходил в щель около дверки, а то во время сна можем угореть, – сказал Виктор.

– С огнем экзотичнее, как будто сидишь у костра, – произнес Володя.

– Кто тебе мешает развести костер на улице и ночевать около него, наслаждаясь экзотикой, а нам будет свободнее в скрадке, – предложил ему Виктор.

– Нет уж, у костра ночевать будем как-нибудь в другой раз.

В помещении стало тепло и уютно. Мы сняли свои меховые шубы и улеглись на них, проверяя удобства своих спальных мест. После физического труда одолевали истома и блаженство. Закипевший чайник возвестил, что пора подкрепить свои силы. Мы разогрели на горячей печке консервы, достали хлеб, печенье, сахар. Виктор, как всегда,

выложил толстый кусок сала. Сало было его слабостью. Про таких людей, как он, сложилось изречение: «Если бы было много сала, я бы сало ел, на сале спал и салом укрывался».

Ночь была нехолодной, нам пришлось только один раз подбросить в печурку немного сырых березовых дров, и они тлели до подъема. Ночью это время суток можно назвать только условно, так как стоял полярный день.

В обратный путь мы двинулись налегке, под лыжами скрипел снежный наст, небольшой морозец бодрил и подгонял вперед. На насыпи железной дороги нас уже ждала автомашина. Дорогой договорились взять отпуск на несколько дней в счет будущего длительного отпуска, чтобы с началом пролета гусей незамедлительно отправиться в подготовленное место.

Когда я вошел в кабинет директора, Филипп Григорьевич встретил меня словами:

– Радуйся, пришла разнарядка из министерства. Котлы на городскую котельную будет готовить Бийский котельный завод, а фермы перекрытия лесозавода из морозостойкой стали – Череповецкий металлургический комбинат.

– Чему радоваться, заявка у них пролежала полгода.

– Ты что, не знаешь волокиту в наших ведомствах?

– От моих знаний они лучше работать не будут.

– Собирайся в командировку, надо заключать с заводами договоры, чтобы успеть завезти котлы и фермы в наступающую навигацию.

Мое настроение упало до нижнего предела. Охота, к которой так долго готовились, срывалась. Я попытался спасти положение:

– Может быть, пошлем Евгения Николаевича Филиппова, начальника отдела капитального строительства?

– Он сможет только привезти на подпись договоры, затем их придется отправлять почтой. Потеряем много драгоценного времени. Так что иди в бухгалтерию, получай деньги на командировочные расходы, бери с собой свою печать и – в аэропорт. Если билеты в кассе проданы, полетишь за счет брони горкома.

В те далекие времена во всех аэропортах были брони партийных и советских органов. Билеты реализовывали только перед отлетом самолета.

Дома у меня всегда был готов портфель с туалетными принадлежностями и чистыми запасными рубашками. Войдя в квартиру с папкой в руке, я сообщил Наташе:

– Еду в командировку.

– До каких пор это будет продолжаться?

– Что продолжаться? – удивился я.

– Ты не живешь дома, постоянно на охоте или в командировках.

На моем тихом, спокойном семейном корабле начинался бунт. На кораблях в море обычно бунт жестоко пресекался. Здесь такой тактикой можно было вызвать взрыв и пожар, который трудно потушить. Я избрал другую тактику. Обнял жену за плечи и посадил на диван рядом с собой.

– Наташа, давай все разумно обсудим, без эмоций. На охоте я был последний раз осенью, с тех пор прошло полгода.

– Ты только вчера вернулся с охоты, – не сдавалась она.

– Это была только подготовка к охоте, я отсутствовал всего один день. Теперь, возможно, поеду на охоту только осенью, стоит ли из-за этого портить наши отношения

– Подсчитай, сколько дней в году ты провел в командировках.

– Милая Наташа, это же моя работа. Пока не кончится срок договора, придется потерпеть.

– Хорошо, потерплю, – сказала она примирительно.

Взрыв возмущения был погашен, но я чувствовал, что он может повториться.

Из командировки вернулся поздно в субботу, поцеловал Наташу и детей, вручил всем подарки. Наташа смотрела на меня каким-то испытывающим взглядом.

– Тала, что-то случилось?

Я всегда называл ее этим именем, когда хотел доставить ей удовольствие. Так в детстве называла Наташу ее мама, Мария Ивановна.

– Не знаю, говорить тебе или нет? – она загадочно улыбалась.

– Говори, не томи душу.

После затянувшейся паузы она произнесла:

– Несколько раз звонил Морозюк – гусь пошел. Они с Архиповым давно уехали, ждут тебя.

Гуси на север летят, но в разговорной речи было принято говорить: гусь пошел.

– Может, мне в этом году пропустить гусиную охоту?.. – сказал я мягко с сомнением в голосе.

– Знаю тебя, обязательно поедешь, не криви душой, собирайся и езжай.

Я ожидал такого ответа, начал переодеваться, затем спохватился и позвонил на квартирный телефон Долинина.

Когда услышал его голос в трубке, поздоровался и кратко доложил о результатах командировки.

– В понедельник расскажешь подробнее, – подытожил он разговор.

– Филипп Григорьевич, у меня к вам просьба.

– Какая просьба?

– Разрешите в понедельник не выходить на работу.

– Что случилось, заболел в командировке?

– Со здоровьем у меня все в порядке, гусь пошел, боюсь, что уже опоздал.

– Беда мне с вами, охотниками, – незлобно брюзжал Филипп Григорьевич, – ты не первый обращаешься с такой просьбой.

Догадавшись, кто к нему обращался, сказал:

– Мы с лихвой отработаем, когда понадобится.

– Езжай, что мне с тобой делать, – дал согласие директор.

Снег в лесу был глубокий, наста не было, лыжи постоянно проваливались. Иногда я оказывался в снегу по пояс, приходилось снимать с плеч тяжелый рюкзак, ружье и класть их на снег, затем по одной доставать из сугроба лыжи, укладывать их перед собой и осторожно, ползком взбираться на них, чтобы сделать несколько шагов вперед и опять оказаться в снегу. Направление приходилось выдерживать по затесам на деревьях, чтобы не сбиться с пути. На южном склоне снег сильно подтаял и осел, был мягким и сырым, вокруг стволов деревьев образовались протаенные воронки до земли. Идти не стало легче. Снег прилипал к лыжам, приходилось с трудом поднимать тяжелую лыжу, делать один шаг, затем вытаскивать из снега вторую ногу. Под расстегнутой меховой курткой и верхней одеждой нижнее белье стало мокрым, хоть отжимай, по лицу катился пот, мучила жажда. Я намечал впереди дерево, доходил до него и садился на снег отдыхать. Так шел несколько километров, пока дорогу не преградил неширокий ручей. В меховых унтах его было не преодолеть,

пришлось думать о переправе. Отдохнув и напившись из ручья воды, взялся за топорик. Срубил два деревца и перекинул их стволы через ручей. Лыжи легко перебросил на противоположный берег. Затем из молодых березок сделал две палки, опираясь на которые перебрался по уложенным стволам на другой берег. Ледяная вода не утолила жажды, она мучила меня с прежней силой. В моем рюкзаке лежали три бутылки пива, привезенные из командировки, чтобы угостить друзей. В Игарку пиво никогда не завозили. Пришлось достать и открыть одну бутылку. После двух глотков жажда отступила. Я затеял сам с собой игру: после каждых ста шагов делал небольшой глоток пива. Идти стало легче, появился стимул. К скрадку добрался уставший и голодный, там мои друзья безмятежно спали в теплом укрытии. В печурке тлели березовые дрова. Виктор подбросил сушняка и поставил разогревать еду и чайник. В котелке оказалась оленина.

– Где вы добыли оленя? – удивился я.

– Вокруг торфяных бугров растаял снег и оголился ягель. Небольшой табун оленей передвигался от бугра к бугру и поедал его. Мы внимательно следили за ним, пропустили несколько табунов гусей – не стали стрелять, чтобы не спугнуть желанных гостей. Наше терпение увенчалось успехом: олени сами пожаловали к нам, – рассказал Виктор.

Мясо было хорошо уваренным, откусывая жирные кусочки, я с удовольствием запивал их ароматным бульоном.

Меня больше интересовали гуси, чем олени. Все трудности перехода были преодолены ради того, чтобы несколько раз выстрелить по гусям. Когда немного насытился, спросил:

– Пролет гусей еще не закончился?

– В этом году не было массового пролета, как обычно. Пролетают над профилями изредка, надо только не зевать, – сказал Виктор и добавил: – Ложись на свою «мягкую» кровать, немного поспи. Если гуси полетят, они разбудят своим криком.

Засыпая, думал: неужели все мои усилия впустую, придется вернуться домой ни с чем?

Когда проснулся, погода изменилась: подул северный ветер, резко похолодало.

– Вот почему мало гусей летело на север, они чувствовали перемену погоды, – произнес Володя. – Надо собираться домой.

– Не спеши, посидим еще день – там будет видно, – сказал Виктор.

Мне доверили наблюдать через открытый участок кровли за наружной обстановкой. Я стоял, высунув из скрадка голову и плечи, внимательно наблюдая за горизонтом южной стороны. Ружье стояло рядом, под рукой. Володя с Виктором ре-

зались в карты и ожидали моего сигнала, когда вдали покажется табун гусей.

Неожиданно сзади меня раздался шум гусиных крыльев, табун гусей спикировал к профилям и резко взмыл вверх, приглашая профили лететь с ними на юг. Схватив ружье, не целясь, выстрелил из одного ствола по удаляющейся стае. Из второго ствола стрелять не было смысла, гуси уже были слишком далеко. Один гусь упал на снег. Обрадованный первой удачей, перелез через стенку скрадка, надел лыжи и покатился под горку к гусю. У гуся оказалось перебитым крыло, он поднялся, оправившись от удара об снег, и стал быстро убегать от меня. Второпях я не взял с собой ружье. Попытки догнать не увенчались успехом, тогда я обошел его с боку и решил загнать на товарищей, но не тут-то было. Гусь направился к видневшемуся вдали березовому колку. Пришлось прекратить преследование, вернуться за ружьем и начать новую погоню. Добычей оказался северный серый гусь, он крупнее гуменника.

Друзья меня встретили шутками и насмешками.

– Гусь оказался проворнее тебя.

– Зрелище было превосходное!

– Кто же ходит за подранком без ружья?

– Я думал, что он битый.

– Ты что, забыл правило: на охоте даже в туалет ходят с ружьем.

– Теперь у него богатый опыт, будет делиться с детьми и внуками.

– Может, пригласим его в общество охотников читать лекцию на тему: «Как догнать гуся в тундре».

Не отвечая на незлобные насмешки, я перелез через стенку внутрь скрадка и начал наблюдать за окрестностью. Изредка вдали пролетали табуны гусей, они молча летели с севера. Начавшийся заморозок заставил их вернуться в более южные районы.

С севера дул неприятный ветер, я повернулся к нему спиной, постоянно поворачивая голову и осматривая горизонт. Гусей вновь прозевал и не предупредил товарищей. Гуси с шумом от многих крыльев пронеслись низко над головой. Инстинктивно схватил ружье и выстрелил из одного ствола в общую серую массу, не прицеливаясь в конкретного гуся. В таких случаях почти всегда бывает промах. Поняв свою ошибку, стал выцеливать удаляющегося гуся. Над прицельной планкой заметил второго гуся, приближающегося к тому, который был на мушке. Выждав доли секунды, выстрелил из второго ствола. Две тяжелые птицы камнем упали в снег.

На этот раз подбирать добычу отправился с ружьем. Гуменники своей тяжестью пробили наст и лежали без движения в глубоких лунках. Пришлось надеть ружье через голову на спину и нести

в каждой руке за шею тяжелую ношу. Когда подошел к скрадку, Виктор с упреком сказал:

– Почему не предупредил нас, могли бы стрелять все вместе.

– Они налетели неожиданно и очень низко, – оправдывался я, хотя понимал свою оплошность.

– Закапывай гусей в снег и садись пить чай.

До конца дня к нам не подлетел ни один табун.

– Морозец вовремя нас выживает, завтра утром придет машина, мне в понедельник надо быть в горкоме партии, – сказал Володя.

– А я отпросился на понедельник у Долинина, – с сожалением произнес я.

– Оставайся еще на день, может повезет, машину пришлю за тобой, – предложил Виктор.

– Нет, увольте. Вы увезете нарту, а мне потом на горбу груз нести.

– Тогда пойдем вместе.

Рано утром мы погрузили на нарту гусей, оставшееся мясо оленя, рюкзаки, лыжи и отправились в обратный путь. Наст настолько был прочным, что по нему идти без лыж было легче. Северный ветер господствовал над тундрой, не торопился отдать бразды правления южному ветру и весне. В лесу же было тихо, снежинки, плавно покачиваясь между деревьев, падали на наст.

Кормовое озеро

Быстро пролетело короткое северное лето, многих не радовало наступление хмурой ненастной погоды. Солнце временами появлялось в просветах между черными тучами и одаривало землю своим последним теплом. Только у охотников было приподнятое настроение – приближался сезон охоты на водоплавающую дичь.

– На охоту собрался? – спросил меня Володя Архипов, когда я вошел к нему в кабинет.

– Всегда готов, хоть сегодня.

– Сегодня рано. Долинин выделил охотникам катер, послезавтра на нем пойдем на левый берег Енисея, там бесчисленное количество озер, будь готов.

– Слушаюсь, товарищ начальник! – пошутил я.

Этот разговор нарушил мое душевное состояние, появилось беспокойство и утомительное ожидание выезда. В рюкзак были уложены патроны, хлеб, вермишель, сахар, лук, лавровый лист, соль. И на всякий случай консервы. Само собой, положил кружку, миску, деревянную ложку. При сборах всегда вспоминал случай из детства, когда на рыбалку не взял ложку и чуть не остался голодным. Рядом в чехле лежало ружье. Шестилетний сын Саша постоянно крутился около рюкзака и ружья.

– Папа, – обратился он ко мне, – дай мне подержать в руках ружье. Пришлось вынуть ружье из чехла, собрать и дать ему в руки. Ружье было для него тяжелым, он не смог приложить его к плечу.

– Возьми меня с собой на охоту, – попросил он умоляющим голосом.

– Обязательно возьму, только в другой раз.

– В какой другой раз?

– Когда будет хорошая погода.

... Катер шел вдоль берега Енисея, небольшая волна слегка покачивала его и охотников, столпившихся в носовой части перед рубкой. Ветер сменил направление, угнал хмурые тучи на северо-восток. По небу поплыли редкие перистые облака. Мы наслаждались осенним солнечным теплом. У нас в Сибири этот период года называется «бабьим летом». По просьбе охотников катер приставал носом к песчаной косе в местах, ими указанных, и группы по два-три человека сходили на берег. Наша группа из четырех человек высадилась последней. Ориентиром были высокие сосны вдали, за лиственным лесом, который рос вдоль берега. Преодолев широкую отмель, мы увидели перед лесом льдину толщиной около двух метров. Она была завалена сверху мусором. Весеннее половодье вынесло ее далеко на берег, где она зацепилась за деревья и под их тенью пролежала все лето.

– Прекрасный холодильник, – сказал Виктор Морозюк, начальник пожарной охраны комбината.

– Сначала добудь уток, потом думай о хранении, – послышался голос Володи Архипова.

– Добудем, – уверенно ответил Виктор.

В дальнейшем каждый вырубил в ней нишу и хранил добытых уток. Меня удивило, что льдина не растаяла за лето. Теперь ей лежать до следующего паводка.

С рюкзаками и ружьями на плечах мы шли друг за другом по тропе, которая виляла между деревьями и полусгнившими пнями. Тропа уводила нас на запад от Енисея, лучи солнца пробивались сквозь кроны леса множеством солнечных зайчиков, которые прыгали по стволам и по тропе при покачивании вершин деревьев.

Я впервые был в этих местах, замыкал шествие и рассматривал окрестность. Белоснежные стволы стройных берез без сучьев тянулись вверх, на их вершинах лохматые кроны смыкались между собой. Местность была неровной, ноги в тяжелых болотных сапогах часто спотыкались о кочки. В пониженных участках, где весной подолгу задерживается талая вода, красовались зеленые стволы осин.

Неожиданно перед нами поднялся с земли выводок рябчиков. Отлетев недалеко, птицы расселись на ветки, вытянули шеи и с любопытством

наблюдали за нами. Им незнаком был человек, они не знали, насколько он опасен для них.

– Как жаль, что ружья в чехлах, – произнес Алексей Сидельников, – добыли бы рябчиков.

– Не суетись, – успокоил его Виктор Морозюк, – все в свое время.

Когда-то здесь росли кедры и сосны, а эвенки охотились на соболей и белок. Их стойбище находилось против Игарской протоки, в которой удобно было неводить и добывать ценную рыбу. В начале тридцатых годов хвойный лес вырубили, пушной зверь исчез, эвенки откочевали. Со временем все вырубки захватили березы и осины, сохранились только отдельные островки сосен, которые по каким-то причинам пощадили лесозаготовители. Вот до такого островка мы и добрались, чтобы устроить лагерь. Высокие, необхватные сосны стояли среди лиственных деревьев, которые были значительно ниже их. За этим лесом простиралась лесотундра с бесчисленным количеством озер, на которых нам предстояло охотиться. Сосны были хорошим ориентиром для выхода к лагерю с места охоты.

Наскоро разбив лагерь, поспешили на вечернюю зарю. Выйдя на кромку леса, мы увидели бескрайние просторы камышей и озерных плесов. Светило спешило спрятаться за горизонт, в его лучах купались камыши многочисленных озер. До темноты оставалось мало времени. Всем хотелось,

как говорят охотники, «стрельнуть», чтобы добыть уток на сурпу.

Перед нами лежало озеро, берега которого заросли рогозом и осокой. На плесе плавало несколько выводков уток, над водой кружили чайки. Их было несколько видов. Маленькие крачки с черными головками виртуозно носились над озером, затем стремительно падали камнем вниз и выхватывали мелкую рыбешку. Крупные чайки-бургомистры спокойно взмахивали крыльями, затем парили, проделывая замысловатые виражи, высматривая добычу.

Охотники и рыбаки не любят крупных чаек – хищниц. Они вытаскивают рыбу из сетей, рвут и запутывают снасти. Часто нападают на утят и гусят, охотятся на беззащитных куропаток, не брезгуют тундровыми грызунами –леммингами. Эвенки для отпугивания ненавистных птиц вблизи сетей на шесте подвешивают за ноги убитую чайку.

Надвигался вечер, ветер утих, солнце стояло низко над горизонтом, небосвод на западе был окрашен в яркий красно-золотистый цвет. Солнечные лучи, отражаясь от зеркальной поверхности озера, заливали прибрежные камыши ярким светом, слепили глаза. Вся эта необычайная гамма красок подчеркивала силу и красоту заполярной природы.

Мы разошлись по периметру водоема, устроились в камышах у кромки воды, чтобы было удобно стрелять по пролетающим уткам.

Передо мной плавала гагара, глубоко погрузившись в воду озера, как подводная лодка. Она крутила головой и настороженно поглядывала по сторонам. Я не нуждался в такой дичи и высунулся из укрытия. Она моментально нырнула и появилась вновь на поверхности воды на другом конце озера.

После нескольких выстрелов моих приятелей все утки, плавающие на озере, поднялись на крыло и улетели. Я ждал вечернего перелета, сжимал в руках ружье, готовый к выстрелу в любой момент. Утки не пролетали. Недалеко от нашего озера табунки поднимались в воздух, пролетев небольшое расстояние, опускались за камышами. Они словно дразнили нас.

Солнце красным диском закатывалось за камыши, предвещая хорошую погоду на завтра. Морская поговорка гласит: «солнце красно поутру – моряку не понутру, солнце красно с вечера – моряку бояться нечего». Начало смеркаться, перелета уток так и не было.

Когда все собрались на стане, я посетовал Володе:

– Не ожидал я, что в этих местах такая охота, на четырех человек добыли всего две утки.

– Успокойся, утром убедишься, сколько на озерах дичи. Здесь нет перелетов, как на материке.

Там водоемов мало, утки летают на поля кормиться, а вечером возвращаются на свое озеро. Здесь всюду кормовые озера, утки ведут себя иначе. Завтра пойдем охотиться с подхода.

На стане кипела работа. Уже пылал костер, Алексей Сидельников теребил уток (он работал заместителем директора комбината по экономике), Морозюк чистил картошку, Володя доставал из рюкзака котелок. Мне пришлось взять топор и отправиться собирать сухие дрова, чтобы хватило на всю ночь.

Я хорошо знал правило – на коллективной охоте нельзя прохлаждаться, когда все заняты делом. Лодыря следующий раз с собой не пригласят.

От котелка исходил приятный аромат сурпы. Так охотники называют суп с уткой и вермишелью. Мы сидели около костра, как первобытные люди, и отмечали охотничий праздник. Первый тост был за открытие охоты, вторым поздравили Сидельникова с «полем». Он единственный из нас добыл уток.

На душе было тихо и спокойно, забылись все производственные дела, я оказался в другой реальности. Кроме товарищей, сидящих у костра, для меня ничего не существовало. Какие-то невидимые нити связывали и роднили нас общими интересами. О работе никто не говорил, хотя у каждого было достаточно проблем. Охота – лучший отдых от умственного напряжения и житейских

хлопот. Не зря поговорка гласит: «дни, проведенные на охоте и рыбалке, в счет жизни не засчитываются».

Чай, заваренный брусничником, сорванным вместе с корнями, имел темно-малиновый цвет. Он прекрасно утолял жажду после сытной сурпы.

Через кроны деревьев на меня смотрели звезды с далекого небосвода, и мне казалось, что они лукаво подмигивали.

– Около озера бродит Михаил, – сказал между прочим Морозюк, попивая из эмалированной кружки чай.

– Какой Михаил? – насторожился Сидельников. Он, как и я, был в этих местах впервые.

– Косолапый, – ответил Морозюк.

– Жаль, что не взял с собой патроны, заряженные пулей «жакан», – произнес я с сожалением.

– Хорошо, что забыл. Зачем нам неприятности? Мы медведя не тронем, и он нас не тронет, – рассудил Володя. – Тем более у нас нет на него лицензии.

– Года три назад, – начал рассказывать Морозюк, – мы пригласили сюда на охоту Петра Васильевича, начальника второго лесопильного завода. Он увидел через озеро на противоположном берегу медведя. Прибежал испуганным на стан и больше на охоту не пошел. С тех пор охотится на болотах около реки Гравийки, добывает чирков. Говорит, что чирок – самая вкусная утка...

– Волков бояться – в лес не ходить, – ответил Володя поговоркой. Время перевалило далеко за полночь, разговоры не умолкали, после сытного ужина мне захотелось прилечь. Я положил около костра два обрубка от ствола сухого дерева и улегся на них, подложив под голову плащ. Сон быстро сморил меня, разговоры товарищей убаюкивали, как в детстве сказки бабушки.

Проснулся под утро от боли в левой руке, как от укуса овода. Схватил правой рукой болящее место, чтобы наказать нарушителя моего сна, и обжег ладонь. Моментально вскочил на ноги, у меня тлел рукав ватной фуфайки.

Ночь уже покидала лес, надвигалось серое утро, луна сменила свой ярко-желтый цвет на бледно-белый и спустилась к горизонту. Я разбудил приятелей. Мы доели разогретую супу, запили горячим чаем, надели рюкзаки и отправились бродить вдоль многочисленных озер и болот.

Охота с подхода требует определенного умения и навыка. К озеру надо подходить осторожно и скрытно. Увидев уток, я сгибался ниже травы или лез ползком по высокой осоке, подкрадываясь к воде. У уток прекрасное зрение, охотник должен первым увидеть их и успеть выстрелить до взлета. При этом надо подумать, как затем достать добытую дичь.

Утренними солнечными лучами обагрились камыши и высокие травы, ласковый ветерок гулял

по простору. Правее озера, на котором мы охотились вчера, простиралась большая равнина, заросшая осокой. Отвернув голенища болотных сапог, я направился по ее левой кромке к видневшимся вдали зарослям рогоза, за которыми предполагал озеро. Мои предположения оправдались. Осторожно выглянув из зарослей аира, увидел на воде несколько табунов уток нырковой породы. Видимо, озеро было глубокое и рыбное. В центре плавали гоголи, сверкая на солнце белыми щеками и боками, левее меня резвились лутки, постоянно ныряя за добычей. Их красно-рыжие головы отливали рыжим блеском в лучах утреннего солнца. Я не люблю этих уток – их мясо сильно пахнет рыбой. Мое внимание привлек табун крупных морских чернетей, плавающих в правом углу озера. Они очень мясисты, их вес бывает больше килограмма. Осторожно отступил назад и стал в обход подкрадываться к табуну. Утки всегда надеются на свое зрение больше, чем на другие органы чувств, поэтому подойти к ним скрытно не составило труда. Наблюдая за ними из высокой осоки, долго ждал, когда сплывутся несколько вместе. Они, как нарочно, не сплывались. Улучив момент, когда два черныша оказались рядом, выстрелил. Доставать из воды дичь пришлось с помощью шнура и привязанной к нему палки.

Продвигаясь в северном направлении, подошел к озеру, покрытому ряской. Прямо передо мной

плавали шилохвости. После выстрела шилохвостые поднялись не только с поверхности воды, но и из осоки, окружающей озеро. Они хлопали крыльями, как в ладоши, по случаю моего промаха.

Я обходил водоем за водоемом, сделав большой полукруг, пока не подошел к длинному озеру, на котором увидел гусей. Они не заметили меня и спокойно сидели на воде под высоким берегом, заросшим тальником. До них было метров двести. Сердце радостно забилось, казалось, удача сопутствует мне. Отошел подальше от озера и осторожно направился в сторону кустов, против которых плавали гуси. К кустам подходил еле дыша. До озера оставалось метров пять, через кусты виднелась чистая поверхность воды, гусей не было видно. Пробираться через кусты ближе к воде не имело смысла – шумом можно спугнуть гусей. Внимательно разглядывал поверхность озера, на воде никого не увидел. Неожиданно из-под берега, прямо против меня, выплыла шилохвость. Она вытянула шею и крутила головой.

«Неужели у берега плавали утки, а не гуси, – подумал я, – может выстрелить в эту утку?»

Пока я размышлял, шилохвость с шумом поднялась и полетела над водой. Словно по ее команде, в пятнадцати метрах правее, взлетел табун гусей. Они плавно взмахивали крыльями и удалялись от меня над поверхностью воды. Кусты не

дали мне возможности выстрелить. Досады и разочарования не было. Видимо, гуси отплыли от того места, где их увидел, или ошибся – подошел не к тому кусту.

Так я бродил от озера к озеру по высокой осоке, по кочкам и через кусты, пока не набрел на небольшое и неглубокое озеро, усыпанное гусиным пером, в котором плавала неизвестная мне вьющаяся трава. Озеро, видимо, было кормовым. Здесь я решил обосноваться и дождаться прилета гусей на кормежку. В рюкзаке лежало больше десятка уток, можно было отдохнуть.

Выбрал кочку, на которой можно было сидеть, скрываясь в высокой траве. За день ходьбы сильно проголодался, достал из рюкзака термос, хлеб, колбасу и с аппетитом поел.

День угасал, похолодало. «Не пора ли возвращаться в лагерь, пока светло?» – промелькнула мысль.

Но вот, наконец, наступил долгожданный момент. К озеру на небольшой высоте плавно летели два гуся. Они пролетали вдоль озера за моей спиной. Первым выстрелом был сражен впереди летящий, он камнем падал вниз. Чтобы стрелять во второго, пришлось развернуться. После выстрела он упал на почтительном расстоянии. Я вновь развернулся, чтобы посмотреть, куда упадет первый гусь, но не увидел место падения. В воздухе, плавно покачиваясь, спускалось в траву маленькое

гусиное перышко. В месте его приземления лежал гусь. Положив добычу около рюкзака, отправился искать второго гуся. Мои поиски были тщетными – точного места падения я не видел. Искать среди кочек, в траве по пояс, – дело безнадежное. Пока искал, к озеру несколько раз подлетали гуси, но заметив меня, удалялись. Пришлось прекратить поиски и занять свое место вблизи воды.

Гуси прилетали в одиночку и группами, смело садились на воду в разных концах озера, зная, что их здесь никто не побеспокоит. Над озером стоял гогот. Отдельные птицы махали крыльями, не отрываясь от воды, словно разминая суставы. Зачарованный, я забыл о времени и ждал, когда они подплывут ко мне. Вскоре мое терпение было вознаграждено. Прямо передо мной опустились на воду два гуся. После моих выстрелов вся гусиная армада поднялась в воздух и улетела.

Вокруг меня сгустилась тьма. Охваченный удивительным зрелищем и азартом, я не подумал, как в темноте буду выбираться.

Взвалив на плечи рюкзак с тремя гусями и утками, двинулся в обратный путь. Меня охватило беспокойство – темнота скрыла сосны, в сторону которых надо было идти. Я знал направление движения, но на пути лежали озера и болота, обходя которые легко сбиться с нужного направления. Пришлось идти по своему следу, которым бродил целый день от озера к озеру. На небо вы-

сыпали звезды, потянуло осенней прохладой. Меня не покидала мысль: только не потерять свой след, который разыскивал по примятой траве. Ближе к полуночи услышал выстрелы с левой стороны от моего маршрута. Меня потеряли и давали сигнал о месте нахождения лагеря. Пришлось сделать ответный выстрел, чтобы знали, что со мной ничего не случилось. Прямо на выстрелы не пошел, продолжал идти своим следом. Перед лесом вздрогнул от испуга, прямо передо мной с дерева сорвалась полярная сова, захлопав широкими крыльями. Полярные совы значительно крупнее сибирских, в зимний период имеют белоснежный цвет.

К лагерю добрался в два часа ночи, еле волоча ноги. Меня ждали обеспокоенные товарищи. Вместо рассказа о своих приключениях, вытряхнул около костра из рюкзака свою добычу.

– Завтра на охоту не пойду, буду отсыпаться, – сказал и полез в палатку спать.

Проснулся поздно. Через брезент палатки слабо пробивался дневной свет. В лесу отбивал морзянку дятел. Меня удивил треск дров в костре. Когда вылез из палатки, то увидел Сидельникова.

– Ты почему не на охоте? – удивился я.

– Разогреваю тебе завтрак.

– Не хитри, говори, в чем дело?

– Пойдем вместе охотиться на гусей.

– Я же сказал вчера, что сегодня у меня выходной.

– Покажи место, где охотился.

– Вставай на мой след, и он приведет тебя к месту охоты.

– Сколько времени идти?

– К вечеру доберешься.

– Ты же говорил, что петлял по озерам, а ведь напрямую ближе.

Мне очень не хотелось идти по кочкарникам и болотам. Отказать в просьбе – означало потерять уважение товарищей.

– Хорошо, поем и пойдем.

Чтобы сократить дорогу, я повел Алексея напрямую к длинному озеру, на котором видел шилохвость. Путь пролегал через болото, покрытое кочками и заросшее осокой. Осеннее солнце заливало своими лучами округу и ласкало наши лица своим теплом. В воздухе стоял запах болота и сырого мха. Перед нами постоянно взлетали бекасы и стремительно с писком уносились вдаль.

– Вот где раздолье для охоты с легавой, – мечтательно произнес Алексей.

– Заводи сеттера или пойнтера.

– Эти собаки – аристократы, не для Заполярья.

– Ты будешь первым, кто заведет такую собаку.

– Мне очень нравится ирландский красный сеттер, но здесь сезон охоты меньше месяца, держать теплолюбивую собаку придется в квартире.

– Зато какое получишь удовольствие, – я подтрунивал над ним.

– Нет, уволь от удовольствия выгуливать собаку три раза в день. Сам-то держишь лаек, а мне советуешь завести сеттера.

– Кому какая собака нравится, тот такую и заводит. Мне больше нравится охота по зверю. Там идет соревнование, у зверя есть шанс убежать или обмануть охотника.

Когда вдали показались кусты на берегу озера, которые помешали мне стрелять в поднявшихся с воды гусей, я повернул к левой оконечности озера, где нашел свой след, идущий к месту моей охоты.

– Эта тропа приведет тебя к моей засидке, – сказал я Алексею. – Если место тебе не понравится – выбери другое. Гуси чаще садились в другом конце озера.

– Еще далеко идти? – спросил Алексей усталым голосом.

По его лицу катился пот, ватная фуфайка была расстегнута.

– Не больше тридцати минут.

Вернувшись в лагерь, ощипал и опалил уток, чтобы к приходу охотников приготовить ужин. Повесил котелок над костром и присел отдохнуть.

В лесу вокруг меня шла своя жизнь. Дятел без отдыха стучал своим крепким клювом по стволу дерева, добывая короедов и других вредителей леса. Вот лемминг перебежал тропу и скрылся в тра-

ве. Это полярная мышь, излюбленная пища песцов. Несколько раз полосатый бурундук заскакивал на ствол сосны и внимательно смотрел в сторону лагеря. Видимо, мы своим присутствием нарушили его покой. В вечерних сумерках по лесу разносился трубный голос лося. Он вызывал на поединок соперника, начался период гона.

В Заполярье осенью темнеет рано. В надвигающейся темноте послышались шаги, и к костру вышли Архипов и Морозюк с тяжелыми рюкзаками.

– Где Алексей? – был первый вопрос.

– Пошел за гусями, – ответил я.

– Мы не советовали ему испытывать судьбу, – сказал Морозюк.

– Придется ждать и его всю ночь, а завтра рано утром за нами придет катер, – произнес раздосадованный Архипов.

Сидельникова долго ждать не пришлось. Часа через два, после того как мы поели, он предстал перед нами в мокрой одежде.

Мы с любопытством смотрели на него и ждали рассказа. Он молча сел на колоду, снял болотные сапоги, вылил из них воду, выкрутил портянки и носки. Первым не выдержал Володя:

– Где гуси? Или ты их утопил?

В это время Алексей снимал пустой рюкзак.

– Нет там никаких гусей и не было, – произнес он с досадой и обидой, – за весь вечер даже вдали не пролетел ни один гусь.

– Как не было! Разве ты не видел массу пера на воде? – вмешался я в разговор.

– Это перо, наверное, осталось после линьки.

Я почувствовал себя виноватым в его неудаче и даже обманщиком. Скорее всего, Алексей так и думал. Меня выручил Морозюк:

– Мы тебя предупреждали, чтобы не ходил на обстрелянное место. Гуси никогда не прилетают на озеро, на котором их потревожили.

– Расскажи, как тебя угораздило искупаться? – поинтересовался Володя.

– На обратном пути, уже по темноте, налетели утки. После выстрела одна упала в болото. Побежал к ней, не отводя взгляда от точки падения, споткнулся и растянулся во весь рост.

Володя достал из палатки запасное нижнее белье и протянул Алексею, который развешивал мокрую одежду вокруг костра.

– Всегда брал с собой запасную одежду, а тут, как на грех, не взял, – произнес Алексей, принимая с благодарностью белье.

– Придется тебе, Алексей, сушить одежду всю ночь, чтобы завтра не ехать в город в исподнем, – пошутил Морозюк, отправляясь в палатку.

– Наденет сверху мой плащ, и никто не обратит на него внимания, – поддержал я Морозюка. Затем взял двух гусей. Одного положил около Виктора, второго у ног Алексея со словами:

– Это тебе доказательство, что гуси там были.

Утром, возвращаясь на катере в город, думал о доме, о работе. Двухдневная благодать закончилась. Я начал обдумывать, какие документы мне надо взять с собой в командировку. Видимо, такое же состояние было у моих напарников. Первым нарушил молчание Морозюк, обращаясь к рулевому:

– Пожары в городе были?

– Не слышал.

– Значит, не было, иначе знал бы весь город, – вздохнул он с облегчением.

Два Михаила

1

Михаил Петров сидел за небольшим столиком в своей охотничьей избушке и с удовольствием ел ароматную уху, сваренную из чира и окуней, периодически смотрел в окошко на темную поверхность озера, подернутую рябью, и на лес по его берегам. С лиственниц давно осыпалась хвоя, и они создавали унылое впечатление. Михаила это не огорчало. Скоро наступят морозы, озеро покроется льдом, и наступит сезон охоты на пушного зверя. Прежде всего, он постарается добыть сохатого. Его семимесячный щенок Дружок наотрез

отказался есть утятину, и для него приходилось варить рыбу с крупой. Зимой кормить собаку проще – отрубил кусок мороженого мяса, и никаких забот. Несколько дней назад пришлось снять сети, чтобы они не вмерзли в лед. Улов был хорошим, рыба начала скатываться из озера по ручью в Дубчес, а по нему в Енисей. Недалеко от избушки среди кустов Михаил выкопал яму до мерзлого грунта, который располагался на глубине менее метра, сложил в нее рыбу и прикрыл мхом. Для зимней подледной рыбалки он поставил на озере два поплавка на якорях, между которыми по дну протянут шнур. Когда лед будет держать человека, он сделает две проруби, поднимет якоря со шнуром и затянет им под лед сеть.

Насытившись, Михаил положил деревянную ложку в миску, отодвинул ее на средину стола и посмотрел на лежавшего около дверей Дружка. Эту кличку щенок получил не случайно. Охотник относился к собаке как к другу и помощнику. Кормил всегда раньше, чем сам принимался за еду. Воспитывал только лаской, никогда не применял насилие и не бил.

Дружок почувствовал взгляд хозяина, поднял голову и посмотрел на него умными глазами. Он уже был крупным псом. Его густая серая шерсть лоснилась, небольшие уши торчали над головой, начала вырисовываться грива, как у волка.

Михаил смотрел на него и думал: «Какой будет успех с молодой собакой на первой охоте?» Он вспомнил первую белку, добытую с Дружком, тогда он единственный раз ударил его прутом.

... Щенок встретил на земле белку и погнался за ней. Когда Дружок был готов схватить ее за пушистый хвост, она прыгнула на дерево и быстро взлетела по стволу к кроне. Усевшись на толстую ветку, стала внимательно рассматривать недруга, который ее побеспокоил. Спокойствие белки не понравилось Дружку. Он залился звонким лаем, стал прыгать на дерево, царапать его передними лапами, даже пытался грызть кору.

– Цок-цок-цок, – обругала его белка и поднялась в густую крону, где притаилась.

Острое чутье собаки улавливало ее запах, и Дружок продолжал лаять и прыгать на дерево.

Услышав лай, Михаил вытянул на отмель лодку, взял ружье и пошел по направлению лая. Поведение Дружка возмутило его. Лайка не должна прыгать на дерево. За такой порок собак отбраковывают. Он срезал охотничьим ножом прут и, подойдя к щенку, впервые нанес ей резкий удар по спине, приговаривая: «Нельзя, нельзя прыгать на дерево». От неожиданности Дружок взвизгнул и отбежал в сторону. Он с удивлением смотрел на хозяина вопросительным взглядом. Голова поворачивалась то в сторону хозяина, то в сторону кроны дерева. Видя, что хозяин спокойно стоит

под деревом, продолжил облаивать белку. Когда Дружок вволю налаялся, Михаил выстрелил в белку. Она упала на землю, оба бросились к ней. Михаил первым схватил зверька, чтобы собака не порвала белку. Это могло породить в ней плохую привычку – портить шкурку. Дружок нюхал, протянутую ему добычу, а Михаил гладил его и ласково говорил: «Молодец, молодец, хороший пес...»

Дружок этот урок запомнил на всю жизнь. Он никогда больше не прыгал на дерево при обнаружении любого зверька.

Михаил поднялся из-за стола, подошел к другу, стал гладить его и разговаривать с ним.

2

Старая медведица обходила по периметру кедровый массив леса, раскинувшийся в Туруханской тайге на границе с тундрой. Это был ее участок, помеченный длинными острыми когтями передних лап на стволах деревьев. Мало кто из медведей, обитающих по соседству, мог дотянуться своими лапами до ее отметок. Никто из сородичей не смел заходить на ее территорию, избегая столкновения с крупным разъяренным зверем, защищающим своих детей. Только отец ее потомства приходил к ней в период гона. За матерью следовали два медвежонка, и замыкал шествие пестун.

Медведица уже подготовила берлогу под корнями поваленной ветром старой сосны. Прежде, чем залечь на зиму, ей и детям требовалось накопить жир. Обычно она жировала на кедровых орехах, но тот год выдался неурожайным на орехи. Семейство подошло к широкому ручью. Мать зашла в холодную воду, выбрала мелководье и стала ожидать добычу, медвежата устроили возню на отмели, скатились в воду и обрызгали пестуна. Он незамедлил отвесить брату и сестренке по шлепку, после которого те выбежали на берег и успокоились. В это время мимо медведицы проплывал крупный муксун. Молниеносным ударом лапы по воде она оглушила рыбу и, поддев ее лапой, выбросила на отмель. Медвежата и пестун бросились к корму. Пестун первым оказался около рыбы. Выскочившая из воды мать ударом лапы отбросила его в сторону. Этим она дала ему понять, что он уже подрос и должен сам учиться добывать себе пищу. Подбежавшие медвежата вцепились в рыбину и начали ее рвать на куски. Свежая рыба пришлась им по вкусу. Обиженный пестун отошел вниз по берегу на почтительное расстояние. Медведица вновь зашла в воду и сосредоточила свое внимание на воде. Пестун последовал примеру матери, зашел в воду, но ему не удавалось поймать проплывающих мимо крупных рыб.

За осень, отъевшись на рыбе, семейство отправилось к приготовленной берлоге. Когда пестун

попытался устроиться в берлоге вместе с младшими медвежатами, мать дала ему шлепок, от которого он покатился под уклон от берлоги. Инстинкт подсказал ему, что второй попытки лечь в берлогу с родственниками делать не следует. Понурив голову, он поплелся прочь от недоброжелательной матери. Не трудно представить, каково было ему. Через некоторое время он оказался около прошлогодней берлоги. Заглянул в нее и осмотрелся. В ней было сухо, и даже сохранилась старая подстилка. Инстинкт подсказал ему, что залегать на зиму еще рано, он недостаточно накопил жира, чтобы благополучно перенести суровую северную зиму.

Лов рыбы в ручье больших успехов пестуну не приносил. У него не было опыта, удары лапой по воде были слабыми и не могли оглушить рыбу. Брызги летели во все стороны, а намеченная жертва мгновенно исчезала из вида. Намучавшись и вымокнув, он брел вдоль ручья, когда обоняние уловило незнакомый запах. Медвежонок не знал, что пахло дымом, вяленой рыбой и человеком. Запах как магнит потянул его к себе. Ему еще не ведом был страх. С матерью привык чувствовать себя хозяином в тайге. Пробираясь через кусты, наткнулся на яму с рыбой. Знакомый запах и голод возбудили аппетит, он принялся энергично передними лапами разгребать яму. Мох, прикрывающий рыбу, летел между задних ног и в стороны. Доб-

равшись до рыбы, схватил в зубы щуку и принялся с урчанием поедать.

3

Лежавший в избушке Дружок приподнял голову, его ноздри, втягивая воздух, расширились, глаза прищурились. Среди многих привычных запахов он почуял слабый незнакомый. На его загривке шерсть встала дыбом, и он бросился к двери.

– Кого ты учуял? – спросил Михаил и приоткрыл дверь.

Дружок выскочил наружу и с лаем помчался к кустам. Там непрошенный гость рылся в их «холодильнике». Щенок с грозным лаем бросался к медвежонку, держась на безопасном расстоянии от зверя, и злобно облаивал его. Пестун хотел пуститься наутек, но когда увидел, что нападающий меньше его младшего брата, продолжил пиршество.

Михаил удивился. Такого злого и яростного лая он еще не слышал от своего питомца. Перед ним предстала картина: медвежонок поедал рыбу, а вокруг него крутился с лаем Дружок, пытаясь прогнать грабителя. В первый момент у Михаила появилось желание схватить ружье и наказать вора, но, подумав, решил: «Проку от такой добычи не будет, шкура выделки не стоит, а мясо до холодов не сохранится». Кроме того ему стало жаль медвежонка. «Видимо сирота, – подумал он, – при

живой матери он бы не пришел к жилью человека».

Дружок чуял близость хозяина, подступал все ближе и ближе к противнику и попытался его укусить. Медвежонок развернулся и погнался за собакой. Он хотел отшлепать ее, как это делал с младшим братом, когда тот докучал ему. Щенок увернулся и вновь набросился на противника. «Хороший растет у меня помощник», – подумал охотник, наблюдая в приоткрытую дверь.

Насытившись, пестун пустился наутек. Дружок некоторое время преследовал его, но убедившись, что хозяин не следует за ним, вернулся к избушке. Он был возбужден, шерсть на загривке топорщилась. Михаил подозвал собаку к себе, погладил и стал, как всегда, с ней разговаривать:

– Молодец, ты вырастешь настоящей охотничьей собакой. Этого Мишу не будем трогать, пускай отъестся перед спячкой. Нам рыбы не жалко. Если потребуется – еще поймаем.

Дружок посмотрел в глаза хозяину и завилял хвостом.

– Неужели ты понимаешь мою речь? – произнес Михаил, взял в руки голову собаки и посмотрел в умные преданные глаза.

Михаил поймал себя на мысли, что назвал медвежонка своим именем. «Значит, будет моим тезкой», – решил он.

На следующий день медвежонок вновь появился около ямы с рыбой. Дружок моментально бросился к нему. Охотник с интересом наблюдал за поведением животных. Миша, достав из ямы рыбу, поворачивался в сторону щенка и ел ее, наблюдая за собакой. Щенок лаял на него не так злобно, как первый раз, не делал попыток укусить грабителя.

Пестун приходил в гости ежедневно.

Михаил не жалел рыбы для своего соседа. Он поставил сеть в ручье, и каждое утро приносил улов для медвежонка. Дружок постепенно привык к зверю, приветствовал его вилянием хвоста, облаивал не злобно, давая понять, что хозяин здесь все-таки он.

Пестун отъедался и жировал на даровом корме до первых заморозков. Он всегда крутился в лесу недалеко от избушки, привык к собаке и человеку. Однажды Михаил заметил, что Миша наблюдал за ним из-за кустов и не решался подойти к рыбе в его присутствии. Инстинкт подсказывал медвежонку, что на глаза человеку лучше не попадаться. Вместе с тем хранил нейтралитет, никогда не залазил в избушку в отсутствии хозяев. Дружок, видя, что хозяин не прогоняет медвежонка, стал приветствовать приближающего Мишу вилянием хвоста, лаял незлобно, чтобы только предупредить хозяина о визите приятеля. Так состоялась дружба медведя, собаки и человека, которая длилась мно-

гие годы. Три года Мишка появлялся у избушки, с удовольствием поедал рыбные подачки. Себя вел дружелюбно, никогда не трогал лабаз. Человек и медведь охраняли друг друга. В селе о их дружбе знали и по просьбе Михаила в этом лесу не искали берлогу. Медведь охранял свой кедровый массив от многочисленной родни. По границе участка постоянно делал метки, царапая когтями передних лап стволы деревьев. Эти метки с каждым годом делались выше и выше от земли. «Растет мой тезка», – думал Михаил каждый раз, увидев свежую метку. Дружок не упускал случая оставить у такого дерева и свою метку. Так животные сообщали друг другу о своем присутствии в лесу, мирно жили несколько лет, пока не началась война, и Михаил не ушел на фронт.

4

Пароход «Мария Ульянова» показался из-за мыса, сверкая белой краской на недавно выкрашенной надстройке. Толпа жителей поселка Ворогово, стоящая на высоком берегу Енисея, заволновалась. Для жителей приход парохода из Красноярска в послевоенный год – большое событие. Одни ждали возвращения фронтовиков, другие надеялись узнать новости о своих близких.

Пелагея Прокопьевна стояла, скрестив руки на груди и прищурив глаза от яркого солнца. Она

ждала сына Михаила, но не знала, приедет ли он этим пароходом. Дружок стоял рядом и втягивал в себя запахи, приносимые ветерком с Енисея. Когда пароход развернулся, выпустил из трубы шапку черного дыма и направился к берегу, Дружок заволновался. Он стал метаться по берегу, и, расширив ноздри, втягивал воздух. Его волнение передалось Пелагее Прокопьевне, ее сердце учащенно забилось, счастливым волнением наполнилась грудь.

Пароход медленно против течения подошел к берегу и ткнулся носом в песчаную косу. По спущенному деревянному трапу пассажиры сходили на берег. Дружок помчался к трапу и прыгнул передними лапами на грудь человека в военной форме с многими орденами и медалями. Мужчина обнял его за шею и наклонился. Собака стала лизать его уши и щеки.

– Дружище, – обратился Михаил к собаке, – ты ждал меня? Я тоже соскучился по тебе и охоте.

Мать не сразу узнала сына. Она бросилась к нему, обняла, склонила голову на грудь и заплакала.

– Мама, успокойтесь, – произнес Михаил, нежно прижимая ее к груди, – я же вернулся невредимым.

По дороге к дому мать не могла оторвать взгляд от сына. Он уходил из поселка веселым жизнерадостным юношей, а вернулся поседевшим серьезным мужчиной.

Михаил смотрел по сторонам, узнавал знакомые с детства избы, дорожки, по которым бегал с друзьями. Он всю войну мечтал увидеть родной поселок и свой охотничий промысловый участок. Часто мысленно бродил по таежным тропам, слышал цоканье белок, хлопанье крыльев глухаря, слетевшего с дерева, трубный рев сохатого, вызывающего на поединок соперника.

5

С берез давно осыпались листья, прикрыв землю расписными узорами. По небу ползли темные тучи, в воздухе кружились редкие снежинки, которые таяли, коснувшись земли. Жители поселка успели заготовить на долгую сибирскую зиму кедровых орехов, грибов и всевозможных ягод. Приближался охотничий сезон на пушного зверя. В поселке не чувствовалось суеты, которая обычно происходила в довоенные годы. Тогда в каждом доме топили русские печи, пекли хлеб, сушили сухари на охотничий сезон для промысловиков. Над каждым домом клубился белый дым от березовых дров, в воздухе носился аромат испеченного хлеба. Многие охотники не вернулись с войны домой, и их избы осиротели. Михаил давно собрался на промысел, ему не терпелось попасть на свой промысловый участок. Он постоянно думал: «В каком состоянии находится избушка? Каков

будет промысел в первый послевоенный год? От жителей слышал, что зверя расплодилось много.

Дружок, почуяв запах ружья и патронов, не отходил от Михаила, заглядывая в глаза хозяину, словно спрашивал: скоро ли мы отправимся в путь?

... Идет Михаил по тайге осторожно. Ни один сучок под ногой не треснет. Вокруг него кипит своя жизнь. Он все видит, все запоминает. Белки предвидели большой урожай кедровых орехов – хороший приплод дали. Шишек на деревьях много, успеют на зиму запас сделать – не уйдут из этих мест. Неожиданно раздался радостный лай Дружка. У Михаила дрогнуло сердце. «Неужели встретил моего тезку?», – подумал он и поспешил на лай. На моховой подстилке обнаружил следы крупного зверя. Дружок без лая некоторое время преследовал приятеля, затем принялся облаивать белку. Михаил добыл зверька. Белка еще не нарядилась в зимний мех. Хвост и лапы отдавали краснотой. «Придется немного повременить с охотой», – решил он.

Вернувшись в избушку, занялся привычным делом. Готовил капканы к предстоящему сезону. Напилил и уложил в поленницу дрова на весь охотничий сезон. Дружок постоянно находился рядом и наблюдал за хозяином. Михаил чувствовал его взгляд, его охватывало радостное чувство,

что у него есть преданный друг, и он обращался к собаке:

– Тебе не терпится пойти на охоту?

Дружок, услышав голос хозяина, вилял хвостом.

– Неужели ты понимаешь мою речь? – удивлялся Михаил.

Пес поднимался на ноги, подходил к хозяину и подставлял голову, чтобы тот погладил ее. Потрепав собаку за уши, он продолжал:

– Мне тоже хочется в лес, но придется немного подождать...

Охотничий сезон начался с первым морозцем. В тайге постоянно раздавался звонкий голос Дружка. Михаил спешил на лай легкой походкой по неглубокому снегу. Его душа оттаивала и освобождалась от тяжелых воспоминаний военных лет. Белки встречались почти на каждом шагу. Редкий день он возвращался в избушку без добытого соболя. Дружок разыскал берлогу медведя на крутом склоне к ручью под поваленным кедром. Пришлось отозвать его от берлоги и больше не охотиться около нее.

... Сорок лет Михаил охотился в своем участке. Иногда встречал следы тезки, но тот никогда не показывался на глаза. Человек и медведь мирно жили и охотились в одних угодьях. Уходя на пенсию и передавая свой охотничий участок племяннику Петру, Михаил дал ему наказ оберегать сво-

его тезку от «лихих людей», так как вблизи участка стали появляться охотники с нефтепромыслов.

Сорок второй

Поселок Зотино, приютившийся на высоком берегу Енисея, после войны осиротел. Большинство мужчин не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны. Испокон веков жители таежного поселка занимались охотой, рыбалкой и сбором даров леса. Жили они дружно, как одна семья, добычей всегда делились, не забывали одиноких стариков. В послевоенные годы разного зверья развелось множество. Медведи часто появлялись на окраине поселка. На прошлой неделе медведь у Марфы теленка задрал. Пришла она к Серафиму – единственному старому охотнику, на счету которого уже было сорок добытых медведей, и говорит:

– Опять медведь в селе шалить начал, у меня телка задрал.

– Слышал, это уже не новость.

– Ты бы наказал его, чтобы впредь ему неповадно было.

– Стар я уже стал за медведями бегать, обратилась бы ты к молодым ребятам.

– Никакого от них толку, они умеют только глухарей да рябчиков стрелять, а ты вон сколько косолапых ухлопал.

Отказался Серафим идти на охоту не потому что стар (его крепости мог позавидовать любой молодой человек), а потому что был суеверным и верил в местные приметы. Среди охотников считалось, что сорок второй медведь – роковой, так как чаще всего при схватке с ним разыгрывались трагедии. После добычи сорокового медведя он прекратил охотиться на них.

Через несколько дней утром приходят к нему несколько женщин с пустыми котомками и рассказывают:

– Пошли мы на гриву бруснику собирать, а там медведь ходит, испугались так, что сердца в пятки ушли, и вот к тебе прибежали. Отгони, ради Бога, медведя с гривы.

Подумал Серафим и решил, что отогнать – не убивать. Быстро собрался, закинул на плечо ружье и зашагал на указанное место. Сделал полукруг, чтобы идти против ветра. Осторожно пересек болото, отделяющее молодой сосновый лес от гривы и, прячась за старыми соснами, медленно продвигался по мягкой подстилке, покрытой брусничником со спелыми крупными ягодами. Между стволами деревьев увидел медведицу. Остановившись за толстым стволом дерева, стал размышлять: «Пугать медведицу нельзя, бросится защищать де-

теныша». В это время, видимо, ветерок сменил направление, и она забеспокоилась, стала поворачивать голову в разные стороны и принюхиваться. Выждав момент, когда зверь повернулся к нему левым боком, прицелился в лопатку и выстрелил. Медведица рухнула на землю. Медвежонок, кормившийся в стороне от матери, встрепенулся, но увидев, что мать спокойно лежит, продолжил кормиться. Опять начал размышлять Серафим: «Если медвежонка оставить живым, без матери он не сможет залечь в берлогу и перенести суровую северную зиму». Охотник даже обрадовался – сорок второй медведь не предвещал ему опасности. Добыв медвежонка, подошел к нему, вынул из ножен нож и начал привычными движениями свежевать тушу. Дело привычное, за свою жизнь он освежевал не один десяток медведей и лосей. У него поднялось настроение, в голову пришла приятная мысль – медвежонок был сорок вторым добытым им медведем. Зря среди охотников существует поверье, что самым страшным медведем бывает сорок второй, с ним лучше не встречаться. Вот он лежит перед ним, сорок второй, теперь можно продолжать охотиться на медведей как прежде.

Серафим сидел на корточках и снимал с медвежонка шкуру. Какое-то предчувствие или инстинкт самосохранения заставили его обернуться. В нескольких шагах от него стоял на задних лапах огромный медведь, подняв вверх передние лапы с

длинными когтями, приготовился к прыжку. Как током Серафима пронзила мысль: «Я ранил медведицу, и она, оправившись от ранения, пришла отомстить за медвежонка». Он схватил ружье, лежащее рядом, и, не прицелившись, выстрелил. Медведь сделал прыжок в его сторону. «Сейчас меня придавит к земле и задерет», – мелькнула у Серафима мысль. Пружинистым движением ног отскочил в сторону и упал на землю. Затем вскочил и, подгоняемый страхом, бросился бежать. Он не помнил, как оказался дома. Его трясло, он не мог выговорить ни слова, смотрел испуганными глазами.

Сын подошел к буфету, достал бутылку водки, налил граненый стакан до краев и протянул отцу. Тот принял стакан дрожащими руками и залпом выпил. Только через несколько минут он, заикаясь, произнес: «Я стрелял в медведицу, сорок второй роковой зверь». Больше от него ничего не удалось узнать. Он еще выпил водки и завалился спать на диване.

Группа охотников на КрАЗе поехала к месту встречи Серафима с медведем. Вернувшись, они привезли три туши медведей, и вот что рассказали: «Медведицу нашли на гриве, застреленной в сердце, медвежонок лежал на перешейке, а недалеко от него – крупный медведь. Пуля прошла ему через нижнюю челюсть в голову. Тут же валялось ружье». По их мнению, медведь учуял запах мяса

и пришел полакомиться, чтобы набрать жира перед спячкой в берлоге.

Дымок

Меня всегда удивляла способность собак мыслить, принимать верное решение на охоте, их преданность человеку и готовность ценой своей жизни защищать хозяина.

Это случилось, когда Дымку было шесть месяцев. Он был постоянным спутником Валентина в его странствиях по тайге и болотам, который работал в то время на нефтепромыслах месторождения Оленье.

В погожий жаркий день Валентин шел на рыбалку по трассе, проложенной из железобетонных плит среди кедрового леса. Впереди показался КрАЗ, с большой скоростью мчавшийся навстречу. Неожиданно автомашина завиляла и перевернулась на бок в болото у обочины дороги. Из кабины вылез водитель, посмотрел на результат своей оплошности и пошел навстречу Валентину. Поравнявшись, вместо приветствия спросил:

– Далеко до поселка?

– Километров двадцать.

– Что случилось? – спросил Валентин.

– Черт попутал, – ответил он, – надо идти за краном.

Подойдя к месту аварии, Валентин увидел валяющиеся в болоте задвижки и фланцы, вывалившиеся из кузова автомашины, а на обочине – задавленного зайца, который подавал еще признаки жизни. «Тебя не черт попутал, – подумал Валентин о водителе, – а Бог наказал за браконьерство». Погибшей оказалась зайчиха с шестью крупными зайчатами в утробе. Посылая в адрес шофера ругательства, Валентин выпотрошил тушку и положил в холодную воду болота, чтобы забрать на обратном пути.

Пробираться к озеру пришлось через моховое болото, на котором росли редкие сосенки. Вытянувшись на три-четыре метра, они засыхали на корню. Здесь было царство комаров, лягушек и змей. Лягушки постоянно прыгали из-под ног в воду, а змеи, свернувшись в клубок на кочках, принимали солнечные ванны.

Озеро вытянулось на четыре километра в длину и около двух в ширину. Противоположный холмистый берег покрывал кедрач. Многие годы там размещалось стойбище хантов. Со строительством дороги и развитием нефтепромыслов они откочевали с родовых мест.

Разыскав в кустах надутую камеру от колеса КамАЗа, Валентин выплыл на озеро и проверил сети. Улов был хорошим. Каждый из окуней весил около килограмма, и рюкзак едва вместил всю рыбу.

На обратном пути он заметил, что на кочках стало меньше змей. С озера периодически тянул слабый холодный ветерок. «Видимо, они чувствуют перемену погоды и спешат в укрытия», – подумал Валентин. Выбравшись на край трассы, снял рюкзак и решил отдохнуть, дожидаясь попутного транспорта. Дорожные плиты нагрелись от яркого солнца и приятно грели бок растянувшегося на них Валентина. Проснулся от яростного лая Дымка. Открыв глаза, увидел под своим боком змею, свернувшуюся клубком и издающую слабое шипение на нападающую на нее собаку. Собравшись с духом, вскочил на ноги. Щенок моментально схватил змею поперек туловища. Она, изогнувшись, и укусила его в нос. Выпустив ее из пасти, он затряс головой, а Валентин наступил сапогом на рептилию и задавил ее. Нос Дымка распухал на глазах. Попытки хозяина выдавить яд из двух ранок приносили щенку дополнительную боль. Он вырвался из рук, побежал к лесу и стал поедать какую-то траву. Хозяин последовал за ним, стал рвать листья и голубые цветочки неизвестного ему растения, растирать и прикладывать к носу щенка. Позже он узнал название целебной травы. Это была вероника болотная из семейства подорожниковых, которую иногда называют «змеиной травой». Когда они добрались до дома, аккуратный маленький нос щенка распух до ушей и стал похож на бульдожий.

К счастью для собаки и ее хозяина эта история закончилась благополучно, и в дальнейшем Дымок еще не раз выручал Валентина в его охотничьей жизни.

На берегах Катальги

По осеннему небу непрерывно плыли черные тучи, посылая на землю порции холодного дождя. Ветер подхватывал его и с силой бросал на окна вагончика. Капли соединялись в струйки и текли слезами по стеклам. Во второй половине дня дождь стих.

Валентин Петров несколько дней не проверял жерлицы, поставленные на щук в реке Катальге, протекающей на севере Васюганских болот. Он вырос в Туруханской тайге, с раннего детства пристрастился к охоте и рыбалке. Работая на нефтепромыслах вахтовым методом, все свободное время посвящал любимому увлечению. Он приоткрыл дверь вагончика, выглянул наружу. На дворе похолодало, в воздухе кружились редкие снежинки. Не раздумывая, Валентин надел легкую ветровку, в один карман положил патроны, заряженные пулями, во второй – дробью. Накинул на плечи пустой рюкзак, взял ружье и вышел из вагон-

чика. За ним увязался годовалый щенок Дымок. «Пускай побегает, – подумал Валентин, – ему полезно, а мне с ним будет веселее».

Дымок был помесью западносибирской лайки с собакой местных охотников. В прошлом году Валентин, охотясь с Найдой, встретил в тайге аборигена здешних мест – ханта, с которым бежал кобель невысокого роста с густой длинной шерстью. Пока охотники разговаривали, собаки обнюхались и повязались. Валентин давно хотел оставить себе щенка от Найды и случившемуся обрадовался, зная, что лайки хантов прекрасно работают по любому зверю.

Валентин любовался бегущим впереди Дымком. Он очень любил своего питомца, постоянно пускал в вагончик, разговаривал, как с другом. Щенок платил ему взаимностью, всегда был готов выполнить любую его команду. Часто, слушая спокойную речь хозяина, смотрел ему в глаза и наклонял голову то в одну, то в другую сторону, стараясь понять суть разговора. Дымок рано проявил рабочие качества, облаивая белок на деревьях. «Ханты плохих собак не держат», – всегда думал Валентин, наблюдая за повадками собаки. Ему нравилась пегая масть щенка. Черные пятна хорошо выделяли его, бегущего по снегу, а белые – по чернотропу.

Они продвигались по редкому пихтовому лесу. Дымок далеко не убегал от хозяина. Чтобы не

мерзнуть и не потеть, Валентин шел своим привычным шагом, выработанным за многие годы жизни в тайге. На полпути к реке подул холодный северный ветер, хлеща его по лицу снежной крупой и посыпая землю первой порошей. «Вовремя я пошел снимать жерлицы, – подумал охотник, – скоро река покроется льдом и начнется охота». Вскоре пихтач закончился, и открылась пойма реки, заросшая тальником. На открытом пространстве ветер неистово гудел в кронах хвойных деревьев, гнул ветки тальника к земле, ударяя их друг о друга, создавая тревожный шум. Земля покрылась тонким слоем снега. У Валентина окоченели руки. «Надо было взять рукавицы», – подумал он.

На жерлицах оказалось всего две щуки. Плохо гнущимися пальцами положил их в рюкзак и собрался в обратный путь. На холоде мокрые руки окончательно отказались слушаться. Он засунул их в карманы. В это время невдалеке послышался лай. Валентин понял, что собака облаивает белку. «Надо проверить, выходная ли уже шкурка», – подумал он и поспешил на лай.

Среди пихтового леса на лиственнице с облетевшей хвоей сидели три белки. В стороне стоял Дымок и тявкал неокрепшим голосом. Осторожно, прячась за деревьями, Валентин подошел на расстояние верного выстрела, выбрал самую крупную белку и выстрелил. Дымок первым схватил упавшего зверька. После окрика отдал его в руки хо-

зяину и крутился перед ним, заглядывая в глаза. «Ты голодный? Хочешь есть?» – спросил Валентин. Дымок веселее закрутил хвостом и прыгнул передними лапами на грудь хозяина.

– Подожди немного, сниму шкурку и отдам тебе тушку, – продолжал Валентин разговаривать с собакой.

Его негнущиеся пальцы не смогли вынуть из ножен охотничий нож. Тогда он зубами надорвал шкурку около хвоста, просунул палец в образовавшуюся дыру между шкуркой и тушкой и в считанные минуты снял ее. Она оказалась выходной, красноватый цвет остался только на лапах. Белка была очень худой. Год выдался засушливым и неурожайным на орехи, грибы и ягоды. Пальцы рук немного отогрелись от тепла тушки. Мясо следовало сварить или испечь, прежде чем кормить собаку, но Валентину не хотелось заниматься костром, и он бросил белку на снег.

Дымок отошел в сторону, с хрустом съел добычу и умчался в лес. Не успел Валентин отойти на сотню шагов от реки, как услышал призывной лай. Пришлось свернуть с намеченного маршрута и добыть еще одну белку. Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Мороз крепчал. С неба плавно сыпались снежинки и оседали на лапах хвойных деревьев. Положив белку в рюкзак, охотник вновь услышал голос собаки. «Здесь никогда не водилось столько белок, они всегда держались в кедра-

чах», – удивился Валентин. Добыв десяток белок и, увидев, что все следы идут в одном направлении, понял, что зверьки перекочевывают на новые места от бескормицы в поисках пищи.

Внезапно щенок завыл диким голосом, словно его кто-то преследовал. Валентин со всех ног бросился на выручку. Запыхавшись, пошел шагом, меняя на ходу патроны с дробовыми зарядами на заряженные пулями. В редком пихтаче увидел лосей. У него появилось чувство азарта и гордости за своего помощника. Подойдя метров на сто, пересчитал сохатых. В табуне было четыре коровы, два тогуша и крупный бык с рогами лопатой. Около них крутился Дымок и злобно лаял. Валентин, прячась за деревьями и не упуская из вида зверей, медленно подкрадывался к ним. Не успев подойти на верный выстрел, услышал звук, напоминающий мычание коровы. Табун сорвался с места и умчался. Дымок бросился в погоню. «Неужели я подшумел зверей, – думал Валентин, – увидеть меня они не могли, у них слабое зрение, но прекрасный слух мог уловить шум шагов». Не успел он закончить свои размышления, как в стороне послышался азартный лай. Поправив на спине рюкзак, поспешил к табуну. Лосихи и телята стояли плотной группой, а бык пытался отогнать непрошеного гостя. Деревья мешали лосю развить скорость, а Дымок умело увертывался от него, крутясь вокруг стволов. Валентину вновь не удалось подойти на

выстрел, быку надоело гоняться за собакой, и он увел табун.

Погоня за лосями длилась несколько часов. Начало смеркаться, Валентин забеспокоился – засветло ему не выбраться из тайги. Возвращаться своим следом не было смысла. Он знал, что в южном направлении проходит профиль с запада на восток. По нему можно дойти до перекрестка, а там, свернув на перпендикулярную просеку, уже недалеко до поселка нефтяников. Приняв такое решение, выстрелом отозвал собаку. Дымок вернулся уставшим, с подтянутыми боками, постоянно хватал пастью снег.

– Дружище, – обратился Валентин к щенку, – давай выбираться на профиль, пока нас не захватила ночь.

Дымок посмотрел на хозяина, стараясь понять его речь. Когда Валентин зашагал в выбранном направлении, побежал впереди него. Идти по редкому пихтачу труда не составляло. Вскоре на пути пихтач сменился кедрачом, и он вышел на гриву с поваленными деревьями. Ураган вырвал могучие кедры с корнями и уложил их длинной полосой друг на друга труднопреодолимым завалом. Валентин смотрел на торчащие вверх корни и думал, что кедры приспособились расти на вечной мерзлоте, не пуская корни в глубину, а простирая их в ширину на небольшой глубине. Сильным ураганам их легче валить, чем другие деревья, у кото-

рых корни уходят глубоко в грунт. Он смотрел по сторонам, стараясь найти место обхода завала. В это время Дымок бросился под деревья, и на другой стороне завала послышалось его азартное тявканье.

Валентин пригнулся и пролез под стволом могучего кедра. Под следующим стволом пришлось ползти по-пластунски, отталкиваясь локтями и коленями. Стоило ему приподняться, как с веток на него обрушивался поток снега. Лай придавал силы, хотелось скорее увидеть, на кого лает собака. Когда до конца завала оставалось несколько поваленных деревьев, он увидел на сухой ели соболя. Зверек спрятался за стволом дерева, виднелась только его голова. «Проползу еще под двумя деревьями, – подумал Валентин, – и буду стрелять в голову, шкурку не испорчу». Неожиданно Дымок прекратил облаивать соболя, подбежал к хозяину, толкнул его передними лапами, давая понять, чтобы тот спешил к зверьку. Соболь воспользовался этим моментом, соскочил с дерева и убежал.

Темнота окутала тайгу, с трудом просматривались стволы рядом растущих деревьев, преследовать беглеца не имело смысла. Валентин своим следом полез под завалом, чтобы выходить домой по знакомой местности. Выбравшись из-под завала, решил развести костер и дождаться утра. В карманах оказался снег, спички размокли и не зажигались. Он высыпал дробь из патрона и попы-

тался выстрелом поджечь приготовленные сухие ветки. Патроны, забитые войлочным пыжом, огня не дали и развести костер не удалось. Мороз заставил двигаться, и он, засунув руки в карманы брюк, пошел в сторону профиля. Когда вышел на широкую просеку, то у него даже не было душевных сил, чтобы обрадоваться. Подозвал к себе Дымка и приказал:

– Домой!

Вокруг стояла кромешная темнота, о которой принято говорить: «хоть глаз выколи». Порой он не мог понять: идет вдоль профиля или поперек. В таких случаях кричал:

– Дымок, ко мне!

Щенок подбегал к нему и услужливо вилял хвостом.

– Домой! – произносил Валентин и шел за ним.

Через несколько шагов собака исчезала из вида. Так продолжалось несколько раз, пока они не подошли к перекрестку. До поселка оставалось пять километров. Валентин выбился из сил, ноги перестали слушаться, хотелось спать. Споткнувшись о колодину, присел на нее отдохнуть и начал засыпать. Вскоре почувствовал, что его кто-то дергает за рукав. Открыв глаза, увидел перед собой тявкающего Дымка. Звуки голоса щенка с трудом доходили до его сознания. «Надо идти», – подумал он, но не смог подняться с тяжелым рюкзаком. Сняв с плеч ношу, вытряхнул содержимое, под-

нялся на ноги и побрел в сторону поселка. Когда подходил к бугру, на котором лежал штабель труб большого диаметра, темнота начала рассеиваться, наступало утро. Силы окончательно покинули его. Упав на колени, ползком добрался до штабеля, ухватился за стенку трубы и с трудом поднялся на ноги. Про себя повторял слова: «Только бы дойти, только бы дойти». До вагончика оставалось несколько сот метров.

Оказавшись около вагончика, окоченевшими руками не смог открыть дверь. Последними силами засунул ствол ружья в дверную ручку, взяв приклад под мышку, рычагом отворил дверь. На него повеяло теплом. Споткнувшись о порог, упал, оставив ноги за дверью.

Члены бригады гидронамыва, в которой работал Валентин, волновались, когда вечером он не вернулся с рыбалки. Чуть свет бригадир пошел к вагончику Валентина и нашел охотника лежащим на полу. С трудом втащил внутрь, раздел, уложил в постель, накрыл тремя одеялами и жарко натопил печь. Проспал Валентин ровно сутки.

Трагедия

На берегу Васюгана при впадении в него Катальги раскинулось озеро, которое в каждое поло-

водье пополнялось разливавшейся рекой. На его отдаленном от реки берегу приютился поселок Катальга. Основали его ханты. Название дали по названию реки, что означает желтая или мутная вода. Постепенно стали селиться промысловые люди. Рыбная река, изобилие зверя в кедрово-пихтовых лесах, свободная жизнь на природе всегда тянули к себе русского человека. Жили добычей рыбы и разного зверя, занимались сбором кедровых орехов, ягод и грибов. У каждого на реке был излюбленный участок рыбной ловли.

Братья Николай и Иван Глухих ставили сети на глубине под правым крутым и высоким берегом Васюгана. Стояли последние теплые дни августа. Половодье давно сошло. Берег поднялся над водой на четыре-пять метров. Мимо них проплыл вверх по реке Владимир Евсеевич. Он давно облюбовал место рыбалки в излучине реки недалеко от них. Под вечер братья услышали два выстрела. Эхо ни звучное и раскатистое покатилось над рекой в сторону Белого яра.

– Кого-то добыл Евсеевич, – произнес Иван.

– Вернемся домой – узнаем, – ответил Николай.

Вечером Владимир с рыбалки домой не вернулся. Жена этому значения не придала. Не впервой ему ночевать у костра. Когда же он и утром не приплыл, она забеспокоилась. Женское сердце беду почувствовала. К соседям прибежала взволнованная. Николай ее успокоил:

– Видели мы вчера твоего Владимира – мимо нас проплыл. Вечером выстрелы слышали. Добыл зверя, вот и возится с ним.

Не убедили Клавдию эти доводы. А вскоре из Белого яра на «Казанке» подросток приплыл и печальную весть привез:

– К берегу у нашего села течение труп принесло. Не ваш ли это человек?

Братья поспешили к лодке, завели «Вихрь» и на полной скорости помчались к Белому яру. У воды народ толпился. Женщина в фуфайке и резиновых сапогах сокрушалась:

– Кто же его, горемычного, так изуродовал?

На песчаной отмели лежал труп Владимира Евсеевича. На правой стороне груди зияла круглая дыра, по сторонам которой торчали сломанные ребра.

Передав тело родственникам, Николай предложил брату сплавать к месту рыбалки Евсеевича.

Подплывая к излучине реки, увидели дощатую лодку, вытянутую носом на отмель. Свою лодку причалили к берегу рядом и увидели в воде ружье. Оно оказалась со стреляными гильзами. На илистом берегу виднелись отпечатки копыт крупного лося. Они тянулись из воды по узкой отмели к крутому высокому берегу, затем к лодке и уходили по отмели вверх по реке. Иван предположил: «Евсеевич заметил переплывающего реку лося и притаился в лодке. Когда зверь вышел на отмель,

выстрелил в него, но только ранил. Сохатый не смог выскочить на высокий берег и набросился на обидчика. Ударом передней ноги пробил грудь и вышиб из лодки в воду».

На Камчатке

1

В пятидесятых годах двадцатого века я служил на корабле Камчатской флотилии. Большой охотник за подводными лодками охранял дальневосточные рубежи нашей Родины. Мне довелось видеть просторы Тихого океана, который оказался не таким уж тихим, каким представлял его в детстве. На всю жизнь запомнились океанические зори и ночное небо с мигающими звездами, служащими ориентирами для штурмана, определяющего место корабля в океане. Самым незабываемым впечатлением остались в памяти высокие скалистые берега полуострова с вершинами вулканов, покрытыми снегом в любое время года. Рассматривая с моря береговые пейзажи, я всегда хотел попасть на берег и осмотреть эти живописные места. И вот такой случай представился.

После ремонта в доке на корабле шла полным ходом покраска. Красили надстройки, перегородки во внутренних помещениях.

На корабле проходил практику мой стажер – курсант Камчатского мореходного училища Илья Семин. Он был местным жителем, его родители жили на окраине Петропавловска-Камчатского. Из разговора с ним я знал, что его отец занимается рыбалкой и охотой. Подходит он как-то ко мне и спрашивает:

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться.

– Обращайтесь.

– В субботу мой отец едет на рыбалку, разрешите сойти на берег и поехать с ним?

– Разрешу, если возьмете меня с собой.

2

В условленное время к кораблю, стоящему на ремонте в бухте Раковой, подошла деревянная лодка. Захватив карабин, мы с Ильей спустились в лодку по веревочному трапу. Мрачный пожилой мужчина на мое приветствие ответил лишь кивком головы. Он резко дернул шнур стартера небольшого стационарного двигателя, мотор взревел, и лодка отчалила от борта корабля. Плоскодонная, с низкими бортами, она не предназначалась ходить по морю, а нам предстояло пересечь Авачинскую губу шириной десять километров, на которой час-

то разыгрывались штормы. «Хорошо, что стоит штиль, – подумал я, – а то на такой посудине можно сыграть овер киль».

Рулевой сосредоточенно смотрел вперед и не пытался вступить в разговоры. Мне показалось, что он недоволен лишним человеком в своей лодке и взял меня только ради своего сына. Возможно, я ошибался, так как шум мотора и встречный ветер не позволяли разговаривать.

Когда лодка вошла в устье реки Авачи, перед нами предстали красоты первозданной камчатской природы. Такой ее видел и описал путешественник Крашенинников. «Существует ли для души что-либо прекраснее, чем видеть и наслаждаться красотой природы?» – думал я. Река довольно широка и многоводна при впадении в море. По левому берегу простирались заливные луга с множеством больших и малых озер, над которыми летали табуны всевозможных пород уток. Все пространство покрывала пожелтевшая осенняя трава, местами вдоль берега росли высокие тальники. За лугами виднелась цепь сопок с вершинами вулканов, сияющими снежным покровом в солнечных лучах. Вулканы придавали пейзажу строгость и величественность. Совсем иным представлялся пейзаж правого берега, заросшего лиственным лесом. Из многих распадков среди холмистой местности вытекали притоки главной реки Камчатки. Я попал в нетронутый человеком красивый и суровый мир

природы, который хотелось запомнить на долгие годы. С трудом преодолевая течение Авачи, мы поднимались в ее верховье. Стоял сентябрь, пожелтевшие листья берез плавно опускались на землю в безветренную погоду.

Напротив одного из притоков лодка свернула к берегу и с разгона выскочила носом на пологую отмель. Поднявшись на высокий берег, мы почувствовали запах протухшей рыбы. На берегу ручья лежало несколько крупных лососей, с которых поднялся рой мух.

– Придется бивак разбивать на противоположном берегу реки, – впервые заговорил Василий Степанович, отец Ильи, – наше место занято.

– Кто его занял? – спросил я.

– Хозяин здешних мест – медведь. Ночью он может прийти лакомиться протухшей рыбой. А мы ему помешаем.

Приткнув лодку носом к противоположному берегу реки, Василий Степанович сказал мне:

– Выходите на берег, готовьте дрова для костра и место для стана, а мы поставим сети.

Он, вероятно, думал: «Посмотрим, на что способен офицер-белоручка». Я понимал, что это для меня испытание. Мне пригодился опыт детства, когда постоянно ездил с друзьями на рыбалку и охоту. Прежде всего, очистил от сухой травы большой круг на земле. Затем натаскал в кучу длинных сухих веток тальника, вырубил две ро-

гульки и забил их в очищенном месте для подвешивания котелка. После этого принялся за сооружение шалаша. Ветки легко втыкались в мягкий грунт. Соорудив каркас шалаша, принялся резать сухую траву и накрывать ею свое детище. За этим занятием меня застали вернувшиеся рыбаки. Они привезли крупного кижуча, который запутался в сети, когда ее ставили.

Отец Ильи, окинув взглядом место, выбранное для бивака, остался доволен.

– Теперь давайте познакомимся, – сказал он хрипловатым прокуренным голосом, – до утра много времени – успеем наговориться. Меня зовут Василием Степановичем.

Я представился.

– Илья! – крикнул он. – Не зевай, иди к воде, готовь рыбу к ухе.

Развести костер для меня труда не составило. Василий Степанович развязал рюкзак с посудой и извлек два котелка, чайник, миски и алюминиевые ложки. Я взял котелки и сходил к реке за водой. Потом, вооружившись топором, отправился искать подходящее дерево, чтобы из его ствола сделать ложку.

– Ты что это мастеришь? – спросил Василий Степанович.

– Хочу сделать поварешку, а возможно, пригодится как ложка.

– Ну-ну, – произнес он хриплым голосом.

Пока рыбак готовил уху, мы с Ильей нарезали сухой травы и толстым слоем уложили в шалаше.

Уха – насыщенный бульон с большими кусками рыбы – была чудесной. Держа горячий кусок на своей поварешке, я откусывал понемногу и запивал бульоном, налитым в кружку. Самыми вкусными были жирные кусочки брюшка кижуча. После корабельных консервированных борщей еда казалась необыкновенной. Чай заварили листьями неизвестного мне растения, очень похожими на листья земляники, но значительно меньшего размера. Он имел бордовый цвет, приятный аромат и напоминал вкус каких-то ягод. Когда чаепитие подходило к концу, я спросил Василия Степановича:

– Давно вы приехали на Камчатку?

– Я здесь родился, а предки мои были служилыми казаками и в давние времена прибыли из Якутска.

– Неблизкий путь, – удивился я.

– Дед мой сказывал, что на оленях до года уходило на дорогу.

– Неужели ехали с женами и детьми?

Василий Степанович задумался, подбросил в затухающий костер сухой хворост. Огонь вспыхнул ярким пламенем, его языки стали лизать висевший над костром чайник.

– Не думаю, – сказал он после недолгого молчания, – многие брали в жены камчадалок. Если дети

в таких семьях умели говорить по-русски, то их зачисляли в казаки.

– Чем же занимались казаки?

– Существовал устав, всех функций казачества мне не перечесть. Их было очень много. Отец сказывал, что до революции он занимался охраной котиков на мысе Лопатка от браконьеров. Охранникам разрешалось в год добыть двух котиков. При этом одну шкуру должны были сдать в казну, а вторая поступала в личное пользование. В те времена шкуры котиков ценились у купцов очень дорого. В свободное от службы время все занимались охотой и рыбалкой, поскольку на денежное и хлебное содержание большим семьям прожить было сложно.

Мы помолчали, думая каждый о своем. Вечерело. Кое-где на небе стали проклевываться звезды, как ростки посаженных в землю семян. Василий Степанович произнес:

– Пойдем спать, утро вечера мудренее.

Я еще раз взглянул на небо, вдохнул полной грудью воздух с запахом костра, снял теплую куртку и полез в шалаш. Там улегся на толстый слой травы, как на мягкую перину, прикрывшись курткой. Запах сена щекотал в носу, жесткие стебли покалывали щеки. Пришлось подложить под голову шапку. «Какая благодать по сравнению с жестким диваном в каюте», – подумал я, засыпая.

Во сне видел уток, летающих над озером, и себя, стоящего в камышах на берегу. Вот одна утка отделилась от стаи и летит в мою сторону. Вскинув ружье, тщательно прицелился и нажал на спусковой крючок, но звука выстрела не последовало. Утка пролетела над головой и скрылась вдали. Утки несколько раз пролетали надо мной, но я не мог произвести выстрела.

Утром, когда проснулся и вылез из шалаша, уже трещал костер, на котором разогревалась уха и шипел чайник. Солнце выглянуло из-за сопок и приветливо улыбнулось, обещая хороший день. Василий Степанович сидел на корточках, неторопливо ломал ветки хвороста и подбрасывал в костер. Все движения рыбака были спокойными и неторопливыми. Он никогда не суетился, все делал уверенно, но медленно, как бы экономя силы.

После завтрака мы переплыли к другому берегу реки, где около впадающего в реку ручья стояли сети. Поднявшись на берег, я прежде всего отправился посмотреть выброшенную медведем рыбу. Она была нетронутой.

– Василий Степанович! – закричал я. – Рыба лежит нетронутой.

Рыбак не спеша подошел ко мне и, посмотрев на рыбу, произнес:

– Медведи любят рыбу с душком, видимо, эта недостаточно протухла.

– Вот бы его здесь подкараулить, – произнес я.

– Вряд ли он подойдет сюда, пока мы рядом. У него прекрасные обоняние и слух, – охладил мой пыл Василий Степанович.

Меня же охватила охотничья страсть. Мне захотелось поискать зверя.

– Сколько времени мы пробудем до отъезда домой? – спросил я.

– До двенадцати часов, думаю, управимся.

– Я хочу пойти поискать медведя.

– Пустая затея, но побродить по нашим местам интересно.

Сняв куртку, чтобы легче было ходить, закинув за плечо карабин, я зашагал вдоль ручья по тропе, натоптанной медведем. Отойдя метров тридцать, снял карабин с плеча и, держа его в руках наизготовку, стал осторожно продвигаться вперед, внимательно осматривая местность. Берега ручья были заросшими кустарниками, тропа изредка спускалась в ручей, и мне приходилось брести по неглубокой воде. Иногда около ног стрелой проносились вверх по течению кижучи. В одном месте, поднимаясь из ручья по тропе на косогор, увидел за бугром всего в десяти метрах от себя гуся, стоящего боком ко мне у болота, инстинктивно присел и стал размышлять: «Стрелять в гуся или не стрелять?» Натоптанные всюду следы зверя говорили о том, что медведь может быть поблизости, и звук выстрела может спугнуть его. Выглянув из-за бугра, убедился, что гусь стоит на преж-

нем месте. Немного поколебавшись, выбрал «журавля в небе, а не синицу в руке».

Тропа свернула от ручья и вела по живописнейшей местности в сторону сопок. Чувствовал себя как солдат, идущий в разведку. Физически ощущал, что воля собрана в единый кулак. За любым кустом или корягой мог залечь и поджидать медведь. Это его владения. Надо быть готовым в любой момент вскинуть карабин, главное – не промахнуться. На пути попадались густые кусты. Тогда брал карабин наизготовку и обходил их стороной, внимательно всматриваясь в заросли. Вот среди густого леса раскинулось болото с торчащими из воды корнями погибших деревьев. Его темная поверхность, как зеркало, отражала окружающий мир. Тени коряг и корней погибших деревьев, отражаясь в воде, напоминали сказочных леших и водяных. Со мной был фотоаппарат, но, чтобы не производить шума щелчком затвора, решил сфотографировать местность на обратном пути. Когда тропа начала подниматься в сопку среди редкого березового леса, меня окружили молодые «танцующие» березы. Их стволы были изогнуты ветрами, как тела балерин во время танца. Полюбовавшись необыкновенными березами и поняв, что не суждено увидеть, повернул в обратный путь.

Рыбаки уже успели выбрать сети и сушили их на воткнутых в землю тычках. Василий Степано-

вич ходил вдоль искусственного забора и аккуратно собирал сети, стараясь не запутать в них поплавки и грузила. На дне лодки подпрыгивали крупные рыбины. Взял одну в руки, попросил Илью сфотографировать меня.

Когда лодка подходила к устью реки, глубоководную Авачу невозможно было узнать. Во время отлива вода в губе отступила более чем на сто метров от берега, оголив илистое дно. Река разделилась на множество рукавов, которые пробивались через отмель к заливу. Василий Степанович направил лодку в самый широкий рукав, но он оказался мелким, и вскоре лодка села на мель. Всем пришлось вылезти в воду и толкать ее до чистой воды около сотни метров. «Вот почему у лодки плоское дно, – подумал я, – шлюпку с ее острым килем здесь не протолкнуть».

По Авачинской губе гуляли небольшие волны, длинная и широкая лодка спокойно переваливалась через них и, не сбавляя скорости, шла в бухту Раковую.

Вахтенный сигнальщик первым увидел приближающуюся к кораблю лодку и сообщил команде. Матросы приготовили веревочный трап и были готовы принять с лодки конец для швартовки. Они встретили нас громкими возгласами, увидев, что дно лодки заваленно рыбой. Я подал матросам карабин и вскарабкался по трапу на корабль. Илья выбросил на палубу несколько кижу-

чей для команды, помахал всем рукой, и лодка отвалила от борта корабля.

3

Наш корабль стоял во втором Курильском проливе напротив поселка Байково. После продолжительного плавания в Охотском море по охране территориальных вод от японских браконьеров команда получила двухдневный отдых. На большом охотнике за подводными лодками по трансляции объявили банный день. В таких случаях командир разрешал рыбакам-любителям рыбачить с борта корабля.

Вскоре на корме собрались шесть человек с удочками и толпа любопытных наблюдателей. Удочки состояли из лески с тяжелым грузом, к которой привязывался поводок с крючком. В качестве наживки употреблялись кусочки рыбы, чаще всего – соленой селедки.

Рыба не заставила себя долго ждать. Поклевки следовали одна за другой. Вскоре у всех рыбаков были оторваны крючки. Озадаченные рыбаки привязали новые крючки на более толстые поводки. Результат оказался тот же. Рыба рвала любые лески.

Боцман Луференко, наблюдавший за рыбаками, решил пошутить над ними. Он пошел в машинное отделение, согнул на тисках из стальной проволоки большой крючок, заточил его на наждаке и за-

думался. Он не был рыбаком, и лески у него не было. Зато в его распоряжении были бросательные концы толщиной с мизинец. Привязав крючок к толстому концу и гайку в качестве груза, он пришел на корму. Раздался дружный смех присутствующих, увидевших его снасть. Боцман невозмутимо насадил на крючок кусок селедки и опустил снасть за борт. Шутки над ним продолжались:

– Боцман хочет поймать акулу, на такую удочку можно поймать и кита.

Внезапно бросательный конец был вырван из руки Луференко, он с трудом поймал и удержал его. Все смолкли и устремили свои взоры на боцмана, который прилагал немало усилий, чтобы выбирать из воды толстый шнур. Вскоре на поверхности воды появилась голова крупной трески.

– Не поднимай на борт, сорвется, нужен сачок, – летели советы бывших шутников.

Боцман был уверен в своей снасти и поднял на палубу трепещущую и сопротивляющуюся рыбину. Она била хвостом о палубу, подпрыгивала на ней, раскрывала рот, стараясь что-нибудь схватить. Вес трески был больше пяти килограммов. Рыбаки побежали в машинное отделение изготовлять крючки, а Луференко продолжал вылавливать одну за другой крупную рыбу.

Наблюдая за подпрыгивающей на палубе треской, я вспомнил акулу, свидетелем ловли которой мне довелось быть. Пароход «Анива» шел из Вла-

дивостока на Сахалин. В пути скончался пассажир. Поскольку до Сахалина осталось ходу менее суток, тело не стали хоронить в море. Неожиданно пассажиры заметили, что пароход стали сопровождать акулы. Они, как торпеды, плыли на небольшой глубине вдоль бортов парохода. «Неужели они чувствуют запах трупа и ждут, когда его выбросят за борт?», – удивлялись многие. Акулы поглощали все, что выбрасывалось за борт, вплоть до консервных банок. Матросы парохода решили поймать акулу. К стальному тросу, намотанному на кормовую лебедку, закрепили огромный крючок-двойник, насадили на него кусок мяса и выбросили в воду. Хищница, заглотив приманку, стала жертвой своей жадности. С помощью лебедки ее вытащили на палубу. Она била хвостом, щелкала зубами, в ее маленьких глазах была злость и ненависть к окружившим ее людям. После этих воспоминаний я посмотрел на глаза трески. В них не было злости, они не выражали каких-либо чувств.

В тот памятный день пойманная рыба не вместилась в два бачка, в которых кок готовил еду на всю команду. За ужином команда с удовольствием ела жареную тресковую печень и котлеты из рыбы, поджаренные на вытопленном из печени жире. В дальнейшем боцман не принимал участия в рыбалках, но среди рыбаков корабля считался признанным авторитетом.

На Байкале

В августе подходил серебряный юбилей нашей супружеской жизни. Мне хотелось сделать жене Наташе интересный, надолго запоминающийся подарок, но ничего придумать не мог. Неожиданно профком предложил путевку в санаторий на Байкал. «Чем не подарок для супруги?» – подумал я и согласился на поездку. Каждый год мы проводили отпуск на природе, не выезжая за пределы Новосибирской области. Придя домой после работы, застал жену на кухне и первым делом сообщил:

– У меня для тебя подарок.

Она повернулась ко мне и, протянув руку, с улыбкой сказала:

– Давай подарок.

– Сначала отгадай, что я тебе собираюсь подарить?

Отгадать она, конечно, не смогла, я с гордым видом вынул из кармана путевки и протянул ей. По мере прочтения выражение ее лица менялось с удивленного на восхищенное. За свою жизнь она ни разу не была на курорте, но, вместо того чтобы выразить свою радость, произнесла:

– А как же дети?

– Старший сын женат, младшему скоро двадцать лет, неужели они не обойдутся без твоей опеки?

Оценив мои доводы, она обняла меня и сказала:

– А я думала, что мы поедем на озеро ловить мормыша.

– Сыновья уже взрослые, с этого года во время отпуска будем только отдыхать, – ответил я.

Санаторный корпус стоял на склоне сопки. Перед окнами стояли кедры, увешанные шишками. С балкона открывался вид на Байкал, и в голубой дымке просматривалась панорама гор на противоположном берегу. Чуть правее из воды выступал Шайтан-камень и начинался исток Ангары.

В первый же день мы пошли к озеру. Через прозрачную воду были видны гальки, водоросли и озерные обитатели, похожие на креветок. Стояла жара, лучи солнца, отражаясь от зеркальной поверхности воды, слепили глаза. Хотелось искупаться, но вода оказалась настолько холодной, что в ней невозможно было долго держать руку. Пришлось ограничиться умыванием. Невдалеке стояли рыбаки и постоянно взмахивали руками. Меня они сразу же заинтересовали.

– Пойдем, посмотрим, какую здесь ловят рыбу, – предложил я Наташе.

– Неужели ты собираешься рыбачить? – удивилась она. – Зачем нам рыба? Что мы будем с ней делать?

– Отдадим кому-нибудь.

Она, как многие женщины, не понимала, что часто рыбачат ради удовольствия, а не ради добычи.

Когда мы подошли к рыбакам, я заинтересовался их снастями. Такого лова рыбы на спиннинг я не встречал. К леске вместо блесны был прикреплен тяжелый деревянный поплавок и несколько поводков с крючками, на которые насаживали рачков, которых мы видели в воде. Заброшенный поплавок подхватывало течение и несло к истоку Ангары, крючки с насадкой плыли по поверхности. Неожиданно у одного рыбака поплавок скрылся под водой. Он сделал подсечку и стал наматывать леску на катушку, осторожно подвел рыбу на отмель и выбросил на берег. На гальках запрыгал полукилограммовый хариус, сверкая серебряными боками. Счастливчик взял его в руку и положил в сумку, в которой уже лежало несколько рыб.

– Убедился, какую ловят рыбу? – спросила жена. – Теперь пойдем в санаторий, а то опоздаем на обед.

– Давай еще немного постоим, дождемся, когда еще кто-нибудь поймает хариуса.

– Ты жди, а я не хочу опаздывать к обеду, – произнесла она строгим голосом педагога и направилась в сторону санатория.

Мне пришлось последовать за ней, но я не расстраивался, решив, что отпуск только начался, еще успею познакомиться с местными рыбаками.

За обеденным столом с нами оказалась молодая чета из Москвы с фамилией Русских. Их имена давно стерлись из моей памяти, а вот внешний вид, веселый характер и дружелюбие помню.

После завтрака мы по предписанию врача направились гулять по терренкуру – асфальтированной дорожке, тянувшейся сначала вдоль ручья, а затем изгибами поднимающейся на вершину горы. Отдыхающие в одиночку и группами, как обреченные, тяжело дыша, поднимались на смотровую площадку, чтобы полюбоваться красотами гор и видом на Байкал. Еще одной примечательностью было дерево, увешенное тряпочками, веревочками и даже носовыми платками. По бурятскому преданию, если оставить на этом дереве тряпицу, то ты обязательно вернешься в эти края. Мы на дереве ничего не оставили. После терренкура у Наташи поднялось артериальное давление.

Вот хорошо, что мы на дереве не оставили твой платок, – сказал я, – а то пришлось бы завтра вновь взбираться в гору.

– Меня уволь, больше туда не пойду, если хочешь, иди один.

– Мне хочется изучить окрестные горы, ходить по одному маршруту каждый день неинтересно.

На следующий день я пошел вдоль ручья по тропе, которую приметил накануне. Медленно поднимаясь по распадку в незнакомой местности, чувствовал себя первооткрывателем. На крутом склоне у тропы встречались кедры, обсыпанные шишками. Попытки сбить их камнями успеха не имели. Среди высокой травы заметил кустик жимолости, крупные ягоды сильно горчили, желания их собирать не появилось. Поднявшись на перевал, осмотрелся. Тропа раздваивалась. Одна уходила по склону в сторону Байкала, вторая спускалась в глубокую падь. На местном наречии распадок между холмами называется падью. Впереди тянулся бесконечный каскад гор, заросших хвойным лесом. Они манили к себе, хотелось узнать, какие тайны скрываются в этом суровом краю гор и тайги. Вспомнились слова песни: «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...»

Солнце перевалило за полдень, пора было возвращаться в санаторий. Набрав пучок черемши, которая росла под ногами, начал спускаться с перевала и обдумывать следующий поход. Мне хотелось забраться на следующий хребет и увидеть местность, скрывающуюся за ним.

В столовой соседи по столу встретили с восторгом предложенную черемшу. Женщина за соседним столиком попросила:

– Угостите, пожалуйста, черемшой, я очень ее люблю.

Пришлось угостить всех сидящих за соседними столиками. Я был героем дня. Одна женщина упрекнула мужа:

– Ходишь каждый день на терренкур, лучше бы ходил в горы за колбой.

– Надо знать, где она растет, – огрызнулся тот.

Рано утром, решив обойтись без завтрака, до рассвета отправился в горы. Не отвлекаясь на сбор черемши и ягод, преодолел первый хребет и оказался в пади, по которой протекал ручей. Тропа уходила вниз по ручью. На его берегу мое внимание привлекла глубокая яма, заросшая мхом, похожая на шурф. «Неужели здесь работали золотоискатели?» – подумал я и, не раздумывая, пошел по тропе вниз по ручью. На пути несколько раз встречались старые шурфы. Все мое внимание сосредоточилось на чистейшей воде ручья, весело журчавшего среди обточенных камней, где я надеялся увидеть золотую песчинку. Ручей привел меня к небольшой речушке с затопленными берегами, заросшими кустами голубики. Речка спешила к Байкалу пополнить его чистейшей водой. Переступая с валуна на валун, я набирал горсти ягод и утолял голод, пока не появилась на зубах оскомина. Затем достал из кармана полиэтиленовый мешок и стал собирать в него голубику. В тот день на обед я опоздал. Наташа проявила заботу и принесла в палату мою порцию второго.

К следующему походу в горы стал готовиться основательно, решив на обед не приходить. Накануне взял в столовой хлеб и две порции котлет. Из санаторного корпуса вышел затемно, к рассвету был у знакомого ручья с шурфом на берегу. Подъем на хребет оказался крутым и длинным. Он зарос густым хвойным лесом, и разглядеть с него окрестности не представлялось возможным. По нему проходила хорошо утоптанная тропа. Решив, что тропа должна куда-нибудь вывести, сделал ножом затес на дереве и отправился в путь, полностью полагаясь на тропу. Идти по мягкой подстилке из хвои было легко, воздух, насыщенный ароматом хвои, бодрил и придавал силы. Тропа шла по вершинам гористой местности, переходя с хребта на хребет. По обе стороны между деревьями просматривались глубокие пади. На склонах попадались заросли черничника, но ягоды меня пока не интересовали. Думал, что наберу на обратном пути. Часто попадались крупные сыроежки с ярко-красными шляпками. Через несколько часов тропа подошла к широкой просеке поперек хребта, по которой тянулась ЛЭП на высоких металлических опорах. Выйдя на просеку, оказался в густом малиннике. Спелые крупные ягоды просились в рот. Я не мог отказать себе в удовольствии ими полакомиться. В какой-то момент мне показалось, что далеко внизу по склону кто-то собирает ягоды. Стал присматриваться и с трудом разглядел

медведя, который ходил по малиннику, периодически поднимаясь на задние лапы. Пришлось продолжить свой путь. Чем дальше шел, тем больше убеждался в однообразии пейзажа. Когда вокруг меня раскинулся черным ковром на зеленом фоне черничник, начал собирать ягоды. Собирать крупную рясную чернику было одно удовольствие. Наполнив два полиэтиленовых мешка, отправился в обратный путь. Душу переполняла радость, представлял, как будут удивляться и восхищаться соседи за столиками в столовой, когда на каждый стол насыплю по тарелке черники. Через несколько километров почувствовал, что мои руки устали, я присел на корточки отдохнуть. Когда устали ноги, лег и вытянулся во весь рост на тропе. Через кроны деревьев смотрел на голубое небо, на котором были разбросаны редкие кружева перистых облаков. Сколько времени пролежал, не помню, но когда резко поднялся и сел, впереди на тропе увидел прелесть природы – миниатюрную стройную козу. Сделав прыжок с тропы, она как ветер умчалась по склону в падь. Это была кабарга. «Ради такой встречи стоило ходить в горы», – подумал я, поднялся на ноги и продолжил путь.

В период отдыха в санатории подошел наш семейный юбилей, мы его не афишировали и не собирались отмечать. Вернувшись после вечерней прогулки, были приятно удивлены. В нашей комнате на столе стоял огромный торт и сидел мед-

ведь, сделанный из мха. Вскоре с шумом появились наши новые знакомые, и началось чаепитие.

Санаторный сезон закончился конкурсом художественной самодеятельности землячеств. Мужчины Новосибирской области поставили танец маленьких лебедей из балета Чайковского «Лебединое озеро». Они были в плавках с короткими юбками из марли, ботинках и с белыми коронами на голове. Танец вызвал бурю восторгов и аплодисментов, танцоров трижды вызывали на бис.

Наш первый отдых в санатории оставил много впечатлений, и мы надеялись побывать на Байкале еще не один раз.

Шишкобой

Сентябрьское солнце пекло в Сибири сильнее, чем на Кавказе. На голубом небе – ни единого облачка. В лесу стояла духота, воздух, насыщенный испарениями хвойного леса, казался густым. В безветренную погоду полчища мошки одолевали нас. Обливаясь потом, спотыкаясь о коряги, мы ходили от кедра к кедру в надежде собрать упавшие шишки, но они прочно висели на ветках стройных высоких деревьев. Находившись вдоволь, вернулись к стану. В лагере нас встретила повариха Альбина вопросом:

– Почему пришли рано? У меня еще не готов обед.

– В лесу делать нечего, – ответил ее муж Володя Трофимов и бросил на землю мешок с десятком шишек.

– Как нет! – удивилась она. – Посмотри через дорогу, там стоит кедр, усыпанный шишками.

– На деревьях урожай хороший, но без ветра они не хотят падать на землю, – ответил он.

Альбина и Володя – прекрасная семейная пара. Она, единственная из всех наших жен, всегда соглашалась ехать в любые дали. Стройная симпатичная блондинка бальзаковского возраста относилась ко всем приветливо и даже опекала каждого, как родная мать. Володя подстать ей: среднего роста, стройный, с темными волосами и внимательными глазами на смуглом лице. Он всегда энергичен и подвижен. Любил во всем порядок. Будучи профессионалом – водителем первого класса – содержал машину в идеальном порядке. С ним не страшно было забираться в любую глушь, где не от кого ждать помощи.

Алексей Иванович – единственный из нас человек пенсионного возраста, но еще работающий столяром вместе с сыном Сергеем. Он начитан и эрудирован. При разговоре с ним никогда не подумаешь, что он простой рабочий.

Михаил преподавал электротехнику в техникуме. Преподавательская работа отразилась на его спокойной целенаправленной речи.

Я был строителем и работал в органах архитектуры.

Вот такая разношерстная компания подобралась в нашем дружном и сплоченном коллективе.

Все расселись на березовые чурки и стали обсуждать сложившуюся ситуацию. Наша бригада состояла из шести человек, включая Альбину. Мы давно сдружились на почве страсти к рыбалке и охоте. На автомашине Володи ЗИЛ-131, оборудованной теплой будкой с печью, исколесили всю Новосибирскую область. В тот год Михаил соблазнил нас поехать за кедровыми орехами в знакомые ему места Болотнинского района на границе с Кемеровской областью. Название района говорит само за себя. Дорога была ужасной, но нашему трехосному вездеходу она не была помехой. Каждый взял на неделю административный отпуск в надежде заготовить орехов.

– Если не испортится погода, может пропасть отпуск, – с грустью произнес Сергей Дуров, – надо было ехать позже.

Михаил понял упрек в свой адрес и ответил:

– За сотни верст от места погоду не выбирают, можно приехать к разбитому корыту.

– Не надо спорить, – произнес Алексей Иванович, – пообедаем и пойдем колотить шишки.

– Я уже пробовал, ничего не получилось, – ответил сын.

– Как ты пробовал? – спросил отец.

– Взял дубину и бил ею по стволу, только руки отшиб, ни одна шишка не упала.

– После обеда изготовим колот, и шишки посыпятся, только голову береги.

– Вы думайте, как изготовить колот, а я схожу по воду, – сказал Михаил и, взяв ведра, направился к таежному озеру, раскинувшемуся в низине в сотне метров от лагеря.

Вернувшись с водой, он сообщил, что озеро сильно обмелело, пришлось брести по топкому дну до глубины, чтобы зачерпнуть воды.

– Вечером унесем к озеру резиновую лодку, – сказал Володя, – с нее будем брать воду и поставим сеть на карасей.

Обед на свежем воздухе казался вкуснее ресторанных блюд. На первое – борщ, на второе – тушеная картошка с мясом, на третье – оладьи с чаем.

Я из дома взял самую большую миску, думая, что повариха будет наливать ее полной, чтобы оставалась еда для собаки. Экономная Альбина наливала в мою миску ровно столько, сколько всем. Поскольку я ем очень мало, всегда оставалось и моему питомцу. Всех просил складывать кости в миску для Фагота. Он был постоянным моим спутником во всех поездках, дома его не с кем бы-

ло оставлять. Мне доставляло большую радость видеть его у своих ног, когда, вдоволь набегавшись, по лесу, молодой выжлец прибегал ко мне и всем своим видом давал понять, что он доволен своей судьбой и рад, что нашел меня. За неделю ему не удалось поднять зайца. Мы нашли у дороги недавно погибшего зайчонка. Его тело сплошь покрывали напившиеся кровью клещи. «Значит, зайцы в лесу водятся, – думал я, – но Фаготу не хватает опыта их найти».

Колотом оказался огромный молот с рукояткой из ствола березы длиной четыре метра. Ударная часть – толстая березовая чурка с надетым на нее куском автокамеры. Алексей Иванович был прекрасным плотником и столяром. Он соединил рукоятку с ударной частью без единого гвоздя при помощи выреза в виде ласточкиного хвоста. Приспособление получило свое название от слова колотить. Таким молотком мог орудовать только доисторический великан. Нам приходилось носить его втроем. Рукоятка устанавливалась у основания дерева между корнями. Сергей, как самый молодой и сильный из нас, приподнимал колотушку над собой, а мы вчетвером резко дергали за две веревки, привязанные к ударной части. От сильного удара ствол кедра вздрагивал, ветки тряслись, и шишки потоком летели на землю.

Каждый день мы приносили на стан по мешку шишек до обеда и по мешку перед ужином. На

этом работа не заканчивалась. После ужина шишки шелушили на большой «мясорубке», привязанной к дереву. Один человек крутил рукоятку, второй ведром засыпал в горловину шишки. Два человека на метровых квадратных ситах дважды просеивали орехи, затем провеивали и высыпали на подстилку сушить. Шишкование – не только приятный сбор шишек, но и тяжелый труд.

С каждым днем около лагеря, как таежный муравейник, росла гора шелухи от кедровых шишек. Время подходило к отъезду. Когда орехов набралось по мешку на каждого, Михаил сказал:

– Пора собираться домой, по пути наберем опят.

– Какие могут быть грибы в такую жару? – удивился Сергей.

– По времени должны быть, надо поехать проверить.

Михаил уверенно показывал направление движения по лесным дорогам. Я размышлял, как распоряжусь орехами. Решил, что по ведру дам сыновьям, угощу многочисленную родню и всех сослуживцев. Машина шла по низине, заросшей молодым осинником, и остановилась около болота. Выскочив на землю из будки автомашины, мы поразились увиденному. На стволах осин от земли до уровня человеческого роста росли гроздями молодые опята. Срезать их было большое удовольствие.

Покидая тайгу, мы мечтали еще хотя бы раз посетить понравившийся всем благодатный уголок. К сожалению, следующий год выдался неурожайным на орехи, и мне больше не удалось побывать в тех местах.

За клюквой

С Виктором Крыловым я знаком очень давно. После окончания школы вместе поступали учиться в Высшее военно-морское училище. В один год нас уволили в запас при сокращении Военно-морского флота в 1958 году. Вернувшись в Новосибирск, получили по второму высшему образованию, и каждый работал по выбранной профессии, достигнув довольно высокого положения. Он работал главным механиком треста, я заместителем главного архитектора области. К сожалению, оклады по месту работы в семидесятые годы прошлого века не позволяли достойно содержать свои семьи, и каждый год во время отпусков мы ездили на заработки. Заработанных за месяц денег хватало не только на жизнь, но позволяло содержать автомашины. При очередной встрече Виктор спросил:

– Куда думаешь ехать в отпуск?

– Как всегда, ловить мормыша.

– Сколько в прошлом году заработал?

Я назвал сумму.

– А я в три раза больше. Поедем со мной за клюквой.

– Для ловли мормыша у меня готово оборудование, все отлажено.

– Собирать клюкву – никакого оборудования не надо. Бери консервную банку и греби ягоду с кочки в ведро.

Меня заинтересовало его предложение, вспомнилось Заполярье, его необъятные тундры с расписными коврами из ягод. Виктор продолжал:

– Познакомишься с моими одноклассниками, увидишь северо-запад Колыванского района с его кедровыми массивами и моховыми тундрами.

Последний аргумент был убедительным. Я люблю путешествовать и изучать новые места.

– Когда надо ехать? – спросил Виктора.

– Сбор клюквы разрешен с десятого сентября, за два дня надо быть в поселке Северном.

Крылов родился и вырос в Колыванском районе, там окончил среднюю школу. Его деревеньки давно нет. В поселке Северном живут его одноклассники, Александр и Семен, с которыми нам предстояло ехать на заготовки.

Поселок раскинулся на кромке хвойного леса в трех километрах от Пихтовки. Мы подъехали к добротному деревянному дому на высоком фундаменте. Против дома через дорогу вытянулся ис-

кусственный водоем, заросший у берегов камышом и осокой. За водоемом стеной стоял хвойный лес. На одном кедре мне удалось разглядеть шишки.

– В этом доме живет мой приятель Саша, – сказал Виктор, выходя из «Нивы».

У калитки нас встретила лаем собака.

На крыльцо вышел молодой стройный мужчина высокого роста. Крикнув на собаку, закрыл ее в конуре. Затем с улыбкой направился к нам, разведя руки в стороны. Он обнял Виктора и протянул мне руку. В рукопожатии чувствовалась сила человека, занимающегося физическим трудом. Голубые глаза оценивающе смотрели на меня. Челка коротко подстриженных русых волос спускалась на лоб, с губ не сходила приятная улыбка. В нем чувствовался веселый и разговорчивый человек.

– Проходите в дом, я мигом поймаю карасей и принесу на жареху, – сказал нам.

– Где ты будешь рыбачить? – поинтересовался я.

– У меня собственное озеро около дома.

– Как оно здесь оказалось?

– Вырыл экскаватором и запустил карасей.

– Вода из него не уходит?

– Куда ей уходить? У нас грунтовые воды почти у поверхности земли.

Мы не пошли в дом, а последовали за ним к водоему. Вырытый экскаватором котлован оказался

шириной десять и длиной около тридцати метров. Если бы не обваловка вокруг, его вполне можно было принять за естественное озеро.

– Чем ты ловишь карасей? – спросил я.

– Можно рыбачить удочкой или сетью, но сейчас у нас нет времени. На такой случай есть рыба в садке.

Саша взял шнур, привязанный к колышку, вбитому в землю, и извлек из воды садок из металлической сетки. В нем, издавая шуршание, подпрыгивали золотистые караси размером с ладонь.

Вечером к нам зашел Семен – постоянный напарник Саши во всех мероприятиях. Он был среднего роста, широк в плечах и ладно сложен, русые волосы зачесаны назад. Его внешний облик напомнил известного штангиста чемпиона мира Юрия Власова. Казалось, что он весь налит стальной силой. В отличие от Саши, который постоянно шутил и рассказывал анекдоты, Семен ни разу не улыбнулся. Серьезное и озабоченное лицо выдавало в нем строгого и волевого человека. Он сообщил, что завтра леспромхозовский вездеход забросит нас к месту работы. «Для меня сбор ягод всегда приятное развлечение, а для него – работа», – подумал я.

Вездеход ГАЗ-47 бодро бежал по грунтовой дороге, позвякивая треками гусениц. Мы сидели на нем, как солдаты на броне танка. Встречный ветер забирался под расстегнутую фуфайку и пытался

сорвать с меня шляпу. Сентябрьское солнце слепило глаза и приятно грело лицо. По сторонам простирались сельскохозяйственные поля с редкими березовыми колками. Через двадцать километров путь преградила река Шегарка. На берегу стояли две легковые машины. Из воды торчали металлические фермы обрушившегося моста, по которому когда-то проходила узкоколейная железная дорога. Семен достал резиновую лодку, Виктор помог ее накачать. Переправившись на левый берег, мы стали наблюдать за переправой вездехода. Его подхватило течение и понесло вниз. Пристать к берегу ему удалось значительно ниже по течению. Дальше наш путь проходил по насыпи бывшей железной дороги, от которой остались только сгнившие шпалы. Она проходила через смешанный лес, росший полосой вдоль реки. Нам навстречу шли двое мужчин, сгибаясь под тяжестью рюкзаков.

– Это что за туристы? – спросил я у Саши.

– Видел на берегу реки автомашины? – ответил он вопросом.

– Видел.

– Так вот, на этих машинах они приехали за клюквой.

– Как они переправятся через Шегарку?

– У них в кустах где-нибудь спрятана лодка.

«Нелегок труд сборщиков ягод» – подумал я.

Через три километра дорога оборвалась, и мы увидели необъятное пространство моховой тундры с карликовыми березками и ивами. На горизонте виднелся небольшой лесной массив, к которому водитель направил вездеход. На некоторых моховых кочках можно было видеть красные ягоды клюквы.

– Смотри, тут уже можно собирать ягоды, – обратился я к Вите.

– Это не ягоды, здесь их уже брали.

– Что же это?

– Оборыши, настоящие ягоды ты еще увидишь.

Неожиданно наш вездеход осел и оказался на плаву в небольшой промоине. Все попытки водителя выбраться на поверхность тундры результата не давали.

– Придется выбираться на шенкелях, – сказал Семен, – берите, ребята, пилу и топор. Пойдем валить березы.

От леса мы уже успели отъехать около километра. Идти приходилось, проваливаясь выше щиколотки в мох и воду. Ноги в тяжелых болотных сапогах с трудом вытаскивались из жижи под моховым покровом. Семен выбрал три стройные березы диаметром не менее пятнадцати сантиметров. Работники леспромхоза знали свое дело. Вскоре, взвалив на плечи пятиметровое бревно, мы отправились к вездеходу. Нам пришлось сделать три ходки. Шенкелями оказались короткие

стропы из стального троса с петлей и гаком на концах, которыми прикрепили бревно к гусеницам. Водитель осторожно повел вездеход вперед. Бревно опиралось на берега промоины, позволило заехать на него. Привязав к гусеницам второе и третье бревно, мы вызволили машину из трясины. Помогая и наблюдая за слаженной работой товарищей, я подумал, что им, видимо, не первый раз приходится выбираться из таких ситуаций.

Когда вездеход плавно покатил по мягкой поверхности мохового болота, я с облегчением вздохнул, не зная, что впереди нас ждет более серьезная неприятность. Семен и Сергей зарядили ружья, надеясь добыть какую-нибудь дичь, и стали советоваться по выбору места для стана.

– Может, пойдем к реке Иксе? – предложил Саша, – там избушка, в реке можно рыбачить.

– В избушке могут быть охотники, а нам их соседство ни к чему, – ответил Семен.

– Тогда давай двинем к границе с Томской областью. На берегу Бокчара разобьем лагерь.

– Сначала осмотрим близлежащие места. Если здесь приличный урожай, зачем забираться к черту на кулички.

Перед вездеходом несколько раз взлетали белые куропатки в недосягаемости для выстрела. На подъезде к лесному массиву, который называют островом, мы увидели торчавшие из болота стволы невысоких сухих хвойных деревьев. Вездеход

ломал их как спички, только треск стоял. У самого берега водитель не заметил наклоненный в сторону вездехода тонкий ствол дерева. Он, как пикой, проткнул радиатор. Вездеход остановился, водитель заглушил двигатель. Все спрыгнули на землю и столпились около радиатора. Мощная машина стояла безжизненно, как гладиатор, проткнутый копьем. Посовещавшись, решили, что радиатор ремонту не подлежит, надо идти в леспромхоз за новым. Все стояли перед вездеходом в траурном молчании, никому не хотелось идти десять километров до Шегарки и еще двадцать – до поселка.

– Давайте разгружаться и обустраиваться, я схожу за радиатором, – произнес Семен, – в мое отсутствие разведайте клюкву на противоположной стороне острова.

Все вещи снесли на остров и уложили на ровной площадке под высокими кедрами толщиной ствола больше чем в обхват. На их развесистых ветвях высоко от земли висели шишки.

– На такие деревья не залезешь и шестом не достанешь, чтобы сбить шишки, – произнес Виктор.

– Подует ветер – все будут наши, – успокоил его Саша.

Семен положил в рюкзак кусок хлеба, банку тушенки, бутылку воды и надел его на спину. Забросив на плечо ремень ружья, зашагал по колее, оставленной вездеходом.

Мы первым делом установили каждому палатку и уложили свои вещи. Водитель занял палатку Семена. Он должен был сегодня вернуться домой, а теперь его возвращение зависело от Семена. После нелегкой дороги хотелось есть. Виктор развел костер и поставил кипятить чай. Караси, пожаренные женой Саши, были неимоверно хороши. Мне не терпелось идти собирать клюкву. Саша сказал:

– Пойдем в разные стороны, не торопитесь брать ягоды, надо обойти местность и разведать урожай.

– Вы идите, – сказал водитель, – а я займусь радиатором. Надо его снять к приходу Семена.

Я взял в одну руку семилитровое ведро, в другую – скребок и зашагал от лагеря. Конструкция скребка очень проста: к рукоятке от молотка прикручена шурупами консервная банка.

– Возьми рюкзак! – услышал за спиной голос Виктора.

Пришлось вернуться и надеть на плечи пустой рюкзак. Чем дальше я шел, тем больше радовался и удивлялся. Клюква росла повсюду: на моховых полянах, на торфяных кочках, гроздьями свисала с карликовых березок. Облюбовав кочку площадью около квадратного метра, обсыпанную клюквой, как ежик колючками, присел около нее. Сорвал самую крупную и темную, величиной с вишню, и положил в рот. Она была без аромата, но когда раздавил зубами, рот заполнил приятный кислый

вкус. Подставив ведро к кочке, начал резкими движениями руки сметать ягоды, словно мусор веником с пола. Через считанные минуты ведро заполнилось наполовину. Пришлось клюкву пересыпать в рюкзак. В лагерь я вернулся поздно с полным рюкзаком. Там у костра колдовал Александр.

– Кашеварить будем по очереди, – заявил он, – первые два дня кашеварю я.

– Ну, ты и хитер, – пошутил Виктор, – на два дня твоя жена нажарила рыбы и напекла пирожков.

– Рыба на второе, а на первое будет суп. Кроме того, кто мешал твоей жене приготовить для нас что-нибудь вкусненькое?

Виктор не рад был своей шутке и прикусил язык.

Забравшись в спальный мешок, я продолжал видеть красные пятна ягод на моховых кочках, но после трудового дня заснул быстро. Сон на свежем воздухе был крепким и безо всяких сновидений. Проснулся рано, не чувствуя усталости после физического труда. Оделся и вылез из палатки. Саша уже сидел перед костром и что-то помешивал в котелке.

– Привет! – поздоровался я, присаживаясь у костра.

– Долго спите, – городские жители, – встретил он меня упреком.

– Я проснулся раньше тебя, – ответил на его упрек.

– Почему тогда не выходил из палатки?

– Ждал, когда ты приготовишь завтрак.

У костра было тепло и уютно, гнус утром не беспокоил. Солнце выкатилось из-за горизонта, его лучи проникали между стволов деревьев и освещали полосами подстилку леса.

Завтрак состоял из гречневой каши с тушенкой и чая с пирожками. Плотно подкрепившись, мы с Витей, накинув капюшоны «энцефалиток» на головы, направились на облюбованное вчера место.

– Обед в два часа, – крикнул нам вслед Саша.

– Не беспокойся, не опоздаем, – ответил Виктор.

Сбор ягод настолько увлекает, что забываешь о времени и усталости. Даже мошку, роем крутящуюся перед лицом, перестаешь замечать. Набрав ведро клюквы, ссыпаешь в рюкзак или мешок и спешишь снова собирать. Я поймал себя на мысли: «Неужели это жадность, стремление больше заработать?» И сам себе ответил вопросом: «Зачем же ты тогда сюда ехал, не за тем же, чтобы кормить мошек и комаров?» Внутри другой человек сопротивлялся: «Тебе же интересно увидеть новые места, познакомиться с интересными людьми». После такой внутренней борьбы оставил ведро на кочке и пошел к Виктору.

Он сидел на перевернутом ведре, а в другое собирал клюкву.

– Хватить хапать, – произнес я, – давай покурим.

– Ты не куришь, я тоже, – ответил он и продолжал махать рукой со скребком.

– Прервись на минутку, посмотри – какая красота вокруг!

– Подержи лучше мешок, помоги высыпать урожай.

Опорожнив ведро, он пересел к другой кочке и стал с приговором сгребать ягоды. Клюква дробью ударялась о дно ведра, а он под этот звук произносил:

– Рубль двадцать, три пятнадцать... Виктор давал мне понять, что время – деньги.

Мне ничего не оставалось делать, как вернуться к своему ведру и продолжить однообразную работу. Когда время подходило к обеду, вдали показалась одинокая фигура человека. Она медленно приближалась к лагерю. Это шел Семен с радиатором за спиной. Мы поспешили к нему. Семен прежде всего осмотрел лагерь. Не слыша его комментариев, мы поняли, что он остался доволен.

У костра Семен рассказал о своем вояже: «Добравшись до Шегарки, пошел вдоль берега до дома лесника. Тот увидел меня и перевез через реку, а сегодня утром свозил на своей машине за радиатором».

– Мне казалось, что ты в лучшем случае вернешься завтра, – сказал Саша. Поставить радиатор много времени не потребовалось. Водитель укатил в поселок, пообещав вывезти нас в назначенное время. Мы остались на острове без всякой связи с внешним миром. Для меня это было интересно и романтично.

Семен заглянул в общую палатку и стал в ней наводить порядок. Ящики с мясными консервами и кабачковой икрой поставил друг на друга, рядом – крупы, два мешка картошки – к противоположной стенке, а собранную резиновую лодку унес в дальний угол, освободив значительное пространство для складирования орехов. В нем чувствовался обстоятельный человек, любящий во всем порядок. Взглянув на наши продукты, я подумал, что с таким запасом можно прожить до Нового года.

Наступил очередной вечер. Спать не хотелось, я сидел на перевернутом ведре и всматривался вдаль. Передо мной простиралось пространство, напоминающее заполярную тундру. Где-то далеко раскинулся Новосибирск с его огнями и рекламами. Вспомнил жену и сыновей. Они при электрическом свете читают или смотрят телевизор, а я любуюсь затухающей зарей. Солнце закатилось за горизонт, но еще не стемнело. Гнус перестал беспокоить.

Каждый день приносил какой-нибудь сюрприз, скучать времени не было. Подойдя к вчерашнему

месту сбора ягод, увидел на кочке среди клюквы свернувшуюся в клубок сибирскую гадюку. Ее шкура была в узорчатой серой окраске. Холодные черные глаза в упор смотрели на меня. Я знал, что в болотных сапогах она мне не опасна. За свою жизнь мне довелось немало их переловить для новосибирского серпентария. Змее надоело мое присутствие, и она благоразумно уползла в низкий кустарник.

Через несколько дней погода испортилась, моросил занудный мелкий дождь. Крупные капли падали с деревьев и стучали по крышам палаток. Сидя у костра в плаще и грея руки кружкой с горячим чаем, я спросил Виктора:

– В дождь клюкву собирают?

– Ягоду не собирают только в одном случае, – ответил он.

– В каком?

– Когда ее нет.

Получив исчерпывающий ответ, я внес предложение: «Может, занести мешки с клюквой в палатку, а то их мочит дождь?» В разговор вмешался Саша:

– Кто мешки мочит, тот и высушит. Мы обычно клюкву в мешках оставляем до морозов и вывозим трактором по мерзлому грунту и снегу.

В одну из ночей подул ветер, его порывы раскачивали вершины деревьев, ударяли ветки друг о друга, осыпая с них на землю кедровые шишки.

Завывание ветра, шум деревьев, удары шишек о крышу палатки создавали тревожную симфонию, которая беспокоила душу. Я не мог понять причины своего состояния. Может, подсознательно боялся, что деревья могут рухнуть и придавить палатку. К утру ветер угомонился, дождь стих, по небу плыли тяжелые черные тучи, предвестницы холодной осени. За завтраком Семен сказал:

– Переключаемся на сбор шишек, клюква подождет.

Прежде всего мы собрали в кучу шишки вокруг палаток от двух кедров, росших рядом. Получилась внушительная горка. Затем взяли по мешку и разошлись в разные стороны в поисках кедров среди смешанного леса. Урожаем уже кто-то лакомился. На земле лежали поклеванные шишки, а от некоторых остались только стержни. К обеду каждый вернулся с полным мешком шишек. Я поделился своими наблюдениями. Выслушав меня, Семен сказал:

– Здесь очень много претендентов на орехи.

– Мне удалось видеть только сойку.

– Орешки любят белки и бурундуки. Кроме того, на острове жирует медведь, я видел еще теплые его экскременты. Придется ходить по острову с ружьем.

Мы стали носить с собой ружья, но никто ни разу не видел Топтыгина, хотя его следы встречали постоянно. Он кормился поблизости от лагеря, но

умело избегал встречи с нами. В один из дней в дальнем углу острова послышался выстрел, затем второй. «Наверное, добыли медведя», – с радостью подумал я. Через некоторое время раздались еще два выстрела.

– Пойдем помогать ребятам, – предложил Крылов, – вдвоем им не донести медведя.

– Не торопись, медведь может быть ранен, и мы можем наткнуться на него. Если будет нужна наша помощь, придут и позовут.

Мы с нетерпением ждали возвращения товарищей, мечтали о свежей медвежатине. Когда раздался хруст веток под их ногами, все поднялись от костра и пошли навстречу. К нашему огорчению, они несли по два тетерева. Бросив птиц у костра, Саша произнес:

– Косачей на острове как грязи, будем периодически готовить дичь, а то тушёнка уже надоела.

– Почему тогда добыли только четырех? – спросил Виктор.

– Управься с этими, а там видно будет, – ответил Семен.

Наши друзья были героями дня. Виктор взял птицу, сел к костру и стал выщипывать перья и бросать в костер. Кожа косача рвалась и кусками отрывалась с перьями.

– Витя, так с тетеревами не обращаются, – сказал я.

– Покажи, как надо.

– Дай его мне.

Он с удовольствием избавился от хлопот. Я отошел к колоде, около которой лежал топор, отрубил птице голову, крылья и лапы. Затем охотничьим ножом разрезал кожу по спине и снял ее вместе с перьями. Следом такую же процедуру проделал с остальными косачами.

– Принимай полуфабрикат, – сказал Виктору, – пойдем к воде их потрошить и мыть. Из косачей сварили сурпу с картошкой и вермишелью, сдобренную луком, перцем и лавровым листом. После вкусного сытного ужина я спросил:

– Ребята, а у вас есть лицензия на отстрел косачей?

– Ты не мог спросить до ужина? – произнес Виктор. – Мы бы тебе не дали сурпы.

– Лицензия у нас есть, – вмешался в разговор Саша, – а про настоящее браконьерство я вам сейчас расскажу. На границе с Томской областью расположено озеро Белое. Оно приписано к военным охотникам. База построена во время командования Западно-Сибирским военным округом маршалом Хомулой. Добраться туда через топкие болота никто не решался. Военные летали на вертолете. У них оборудованы посадочная площадка и причал для моторных лодок. Как-то зимой приезжает к нам в леспромхоз офицер, заведующий военным охотхозяйством, и говорит: «Ребята, выручайте, мы отстреляли с вертолета трех лосей, а

сесть поблизости лес мешает. У вас танкетка, помогите вывезти мясо, одна туша – ваша». Мы согласились, он поехал с нами показать место. Забрались в лесные дебри. Лежат три туши: рогач, корова и тогуш. Начали свежевать, а от мяса смрадный запах исходит. Спрашиваю: «Когда зверей добыли?» «Дня три тому назад», – отвечает. «Что же ты не сказал это в леспромхозе? Мясо в неразделанной туше в любой мороз за сутки запревает и в пищу не пригодно». Смогли мы забрать только рога да губы сохатых. Рога были слишком хороши. Скорее всего,из-за них и пострадали животные. Я не знаю, участвовал ли в охоте Хомуло, были ли у них лицензии, но это по всем статьям отъявленное браконьерство», – подвел он итог своему рассказу.

Подходил к концу наш отпуск. Мысли стали чаще улетать к семье, к работе. Вездеход пришел в назначенный день. Погрузив на него мешки с орехами и клюквой, мы покинули обжитое место. Вездеход все дальше и дальше уходил от острова, а я не спускал с него глаз и думал, что там остались медведь, белки, бурундуки и разные птицы. Это их мир, а мы, люди, вторгаемся в него. Семен и Саша еще вернутся туда и будут собирать клюкву до снегопада. Это их работа, а меня ждут сослуживцы, и мне будет что рассказать о проведенном отпуске.

В стороне от нашего маршрута мы увидели двух человек. Они вели себя очень странно. Пройдут вперед, затем вернутся назад и снова идут вперед. Водитель направил вездеход в их сторону. Когда подъехали к ним вплотную, мужчина средних лет подошел к водителю и попросил:

– Подвезите, пожалуйста, нас до реки, мы дадим вам по ведру клюквы с каждого мешка.

– Садитесь, горемыки, не нужна мне ваша ягода.

Попутчики забросили на вездеход четыре увесистых мешка и забрались сами. В ходе разговора выяснилось, что они приехали из Новосибирска. Автомашину оставили у реки. Увидя обилие ягод, не могли оторваться от них и набрали по два мешка. Несли мешки попеременно. Унесут по одному мешку метров на сто, возвращаются за вторым.

До поселка Северного мы добрались без лишних приключений. Саша предлагал остаться у него, помыться в бане, обмыть урожай, но нам не терпелось скорее попасть домой. Прощаясь, он пригласил приезжать на следующий год.

– Обязательно приедем, если будет урожай, – сказал Виктор.

– Орехи родятся через четыре года, – ответил он, – а клюкву можно найти каждый год. Приезжайте!

Покидая затерянный на краю области маленький поселок, я думал о живущих в нем трудолю-

бивых людях, готовых бескорыстно помочь другим.

Городской рыбак

В апреле сельские дороги трудно проходимы для легковой автомашины. Трактора и грузовые машины промяли глубокие колеи, которые залила вода. Архитектор Куйбышевского района Анатолий Михайлович Семенов вел ГАЗ-69 большей частью по обочине. Мы возвращались из села Чумаково, в котором проверяли готовность строящейся школы к сдаче в эксплуатацию.

Прежде чем уехать в Новосибирск, я зашел к заместителю председателя райисполкома Соколову, чтобы проститься и рассказать о своих впечатлениях по строящимся объектам в районе. Выслушав меня внимательно, он задал неожиданный вопрос:

– Вы любите рыбачить?

– Не знаю, – уклончиво ответил я.

– Завтра суббота и последний день подледного лова рыбы на Чанах. Оставайтесь еще на денек, вместе съездим на рыбалку.

Предложение было заманчивым. Какой рыбак откажется от такого предложения? Я не был готов к рыбалке, поэтому ответил:

– Какой из меня рыбак? Нет с собой удочек и экипировки.

– Рыбачить со льда умеете?

– Наверное, умею.

– Если не умеете – научим, – твердым голосом подвел он итог разговора.

– На какие снасти рыбачите? – спросил я.

– Все найдем, не беспокойся, – заявил Семенов, – и удочки, и одежду.

В пять утра Анатолий принес мне в номер гостиницы полушубок и валенки с галошами. Быстро одевшись и положив ботинки в портфель, поспешил за ним к автомашине.

Миновав Барабинск, машина покатила по дороге на Здвинск. Я не спрашивал, куда мы едем, надеясь узнать по приезде. Рассвет застал нас около села Новоярково. Справа раскинулось покрытое льдом озеро Чаны. Слева – степь с редкими березовыми колками и полоями талой воды. С разливов то и дело поднимались утки, спугнутые шумом приближающейся машины. Они делали круг над степью и вновь садились на воду. Среди них были кряквы, шилохвости и чаще всего чирки. А как порадовала встреча со стаей белоснежных лебедей, которая кружила над заберегами в поисках места для посадки! Яркое весеннее солнце заливало их своими лучами. «Разве увидишь в городе такие картины», – думал я.

Проехав Староярково, Семенов повел машину по кромке берега. Весенние воды уже оторвали лед от берега, образовав узкую полосу воды. На кромке льда то там, то здесь сидели ондатры. Им, видимо, надоело жить зимой в темных норах, и они вылезли на лед погреться на солнце. Не доезжая села Бехтень, водитель остановил машину и объявил:

– Вот здесь и будем рыбачить.

– На льду ни одного рыбака, – удивился я, – это плохой признак.

А про себя подумал: «Стоило ли ехать в такую даль, чтобы приехать к месту, где на льду нет рыбаков?»

– В прошедшее воскресенье здесь был отменный клев, – сказал Анатолий.

Он достал из багажника старый портфель и, вынув из него удочку-подергушку, протянул мне. К тонкой леске была привязана мормышка с обыкновенным крючком.

– Почему крючок с зазубриной? – удивился я.

– Чтобы не слетал с крючка мормыш, – ответил Семенов.

– У тебя есть надфиль? – спросил его.

– Есть!

– Дай его, пожалуйста.

Рыбаки, взяв подергушки, заторопились на лед.

– А где у вас мормыш? – крикнул я им вслед.

Анатолий достал из кармана небольшую коробочку и раскрыл ее.

– Это и все?

– А тебе сколько надо?

– Хотя бы по литру на человека.

– Здесь целый стакан. Если на каждого бокоплава поймаем по окуню, то рыбу не донести до машины.

– Отсыпь мне мормыша, я задержусь у машины.

Он насыпал полстакана мормыша в верхонку и, протянув мне, побежал догонять Соколова, который уже шел по льду.

Сточив надфилем зазубрину на крючке, я оторвал кусочек поролона, торчавшего из дыры сиденья водителя, и, надев его на крючок, привязал красной ниткой, выдернутой из шарфика.

Лед озера напоминал решето. На нем всюду были лунки, пробуренные рыбаками. Мои приятели, двигаясь от берега, опускали удочки в готовые лунки на своем пути, но поклевок у них не было. Я решил не спешить идти за ними, а подождать, когда они найдут место клева. Наблюдая за их действиями, больше десяти раз спускал мормышку в воду в разных местах, но без результата. В одну из лунок стекала вода со льда. Она крутила на поверхности лунки шелуху от семечек, окурок и другой мусор. Пустив в нее мормышку, почувствовал поклевку. Резким движением руки выбросил на лед окуня. Подпрыгнув несколько раз, он

выплюнул блесну. Поймал еще несколько полосатых красавцев, но клев прекратился. Пришлось высыпать в лунку щепотку мормыша. Клев возобновился. При небольшой глубине на ловлю одного окуня уходило несколько секунд. Тем более что снимать с крючка их не требовалось – они сами с него срывались. Рыбалка походила на перекладывание рыбы из воды на лед. Вскоре вокруг меня лед был покрыт окунями. Они плавали на боку в тонком слое воды, образовавшемся от таяния льда. Мне захотелось позвать приятелей, но они ушли очень далеко от берега. Когда же вернулись к обеду, то были изумлены увиденной картиной. Им удалось поймать всего два десятка рыбок на двоих.

– Ты посмотри, что творит городской рыбак, – произнес Соколов, – а говорил, что не умеет рыбачить.

– Что ты с ней будешь делать? – удивился Анатолий.

– Поделим по-братски. Собирайте, пора ехать в Барабинск, чтобы мне не опоздать на поезд.

Фагот и гуси

В детстве родители читали мне рассказ об охотнике, который охотился на гусей с рыжей двор-

няжкой. Я не помню автора книги, но рассказ так удивил меня, что помню его до сих пор. Перед глазами стоит картинка с бугорком на берегу озера, недалеко собака и летящие гуси.

Охотник прятался в вырытой яме, бросал кусочки хлеба в разные стороны, а собака бегала по берегу за ними. Гуси, приняв собаку за лису, поднимались с озера и летели отогнать ее от места своего обитания.

Прожив большую охотничью жизнь, я не встречал такого метода охоты и стал сомневаться в правдивости рассказа.

Несколько лет назад мой школьный товарищ Арнольд Атавин пригласил меня принять участие в утиной охоте. За два дня до открытия охоты мы приехали в приписные угодья около села Усть Сумы Каргатского района Новосибирской области. Озеро раскинулось на несколько километров. По мелководью около берегов тянулись заросли камыша с многочисленными плесами, удобными для охоты. Прибрежную полосу покрывала скудная растительность, приспособившаяся расти на солонцах. Вдали виднелись березовые колки.

Первый день мы потратили на получение путевок у егеря, обустройство бивуака и установку чучел на приглянувшихся плесах. На следующий день я решил прогуляться по окрестностям. Со мной был молодой гончак Фагот светло-чепрачной масти. Дома его не с кем было оставить

и пришлось взять с собой. «Пускай побегает, – подумал я, – может быть, зайца поднимет». Мы прошли несколько березовых колков и вышли на большое поле, покрытое стерней. По его кромке лежали кучи соломы. Я присел отдохнуть, а Фагот учуял чей-то след и побежал через поле. Достав бинокль, стал наблюдать за собакой. На другом конце поля увидел табун пасущихся гусей. Когда собака приблизилась к ним, они взлетели и набросились на нее. Фагот со всех ног помчался ко мне. Гуси пикировали на него и старались клюнуть или ударить крылом. Только недалеко от меня они оставили собаку и пролетели низко над моей головой.

«Как хорошо, что со мной нет ружья, – подумал я, – мог бы не удержаться от верного выстрела».